"КОВЧЕГ"
АЛЬ ДЖАЛИ
ГЕМОРРОЙ, или ДВУЧЛЕН НЬЮТОНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Мир таков, каким его вколачивают в сознание людей. А делаем это мы – пиарщики». Автор этого утверждения – пофигист Мика – живет, стараясь не обременять себя излишними нормами морали, потому что: «Никого не интересует добро в чистом виде! А если оно кого и интересует, то только в виде чистой прибыли». Казалось бы, Мика – типичный антигерой своего времени, но, наравне с цинизмом, в нем столько обаяния, что он тянет на «героя своего времени». Так кто же он – этот парень, способный сам создавать героев и антигероев в реальности, давно ставшей виртуальной?

- Аль Джали (Мартиросян)
  - Обрезание
  - Пираньи пиара
  - Интеллектуальный презерватив
  - Антилузер

Аль Джали (Мартиросян)
Геморрой, или Двучлен Ньютона

Все – фигня, но кое-что – офигенно!

Столько лет столько разных людей прилагали столько усилий, чтобы он рос и мужал, выкручивая при этом мои нервы, высасывая из меня соки и исторгая мою кровь, пока наконец, перейдя границы мыслимых размеров, он не принудил меня к ответным мерам.

Оружием в этой битве, как у джедаев, служил луч лазера.

Обрезание

К своему геморрою я никогда не испытывал зла. Более того, именно благодаря ему я понял, почему коронная фраза американцев – «Береги свою задницу», а не, к примеру, «яйца». До какого-то времени я считал, что все мои беды от чертова желудка, поэтому, когда во время очередного похода к врачу обнаружилось, что у меня язва, только пожал плечами, мол, чего было ждать от этого внутреннего врага, от этой пятой колонны. Впрочем, оказалось, что у меня язва двенадцатиперстной кишки с обескураживающе поэтическим названием – целующаяся. Как человек креативный я оценил это и потому отнесся к ней с нежностью. Я позволил своему врачу экспериментировать и не задавал ему лишних вопросов по поводу его шаманств. В результате мы с моими лесбийскими язвочками – а именно так я их и представлял – расстались без ножа.

С геморроем мои отношения складывались иначе. Обнаружил я его где-то лет в шестнадцать, из-за неожиданно появившегося зуда и дискомфорта. Как раз в этот период я потерял девственность и почему-то решил, что два этих события – зуд в заднице и обретение мужественности – связаны между собой. В смысле, я решил, что подцепил какую-то гадость от своей

партнерши «не первой свежести». Конечно, я поступил как последний дурак – вместо того, чтобы пойти к врачу или спросить у парней, отправился к «этой сучке». Сперва она решила, что я зашел как клиент, потом долго ничего не могла понять, потому что, как мальчик из интеллигентной семьи, я выражался эвфемизмами. Когда до нее наконец дошло, она с минуту лупилась на меня, потом зашлась в ржачке. Мою интеллигентность как рукой сняло. Отборным русским матом я сказал все, что думаю о ней. Она, довольно хмыкнув, буркнула:

– Умеешь же, когда хочешь. Валяй, снимай штаны.

– Пошла ты, – заорал я, – с чего ты взяла, что я хочу?!

– С чего ты взял, что я даю бесплатно?! – нагло ответила она. – Давай обнажай задницу, посмотрим, что там у тебя.

С горя я так и сделал. На той самой постели, где неделю назад мы кувыркались, она обследовала мой зад, потом, хлопнув по ягодице, сказала:

– Порядок! Геморрой.

Я был в шоке и оттого глупо брякнул:

– Врешь!

– Ну, – пожала она плечами, – на тебя не угодишь. Ладно, давай выметайся!

Но я все еще был в шоке и оскорблен до глубины души – вместо нормального триппера я подцепил потешный геморрой. Поэтому поступил в лучших мужских традициях – как скотина. Завалил ее на постель и отымел от души. Бесплатно!

* * *

Геморрой круто изменил мою жизнь. Я влез в инет и прочел все, что только нашел о нем. Радостного было мало, а обнадеживало разве что: на задницу бывают приключения похуже моих. Из негатива было то, что, как всегда при чтении симптомов любой болезни и ее причин, кажется, что все это есть и у тебя. Только одну можно было исключить однозначно – тяжелые роды. Возрадовавшись, что хоть эта напасть меня миновала, я с помощью зеркал внимательно исследовал свою нечаянную радость. Ничего устрашающего. Ну, прыщ и прыщ. Разумеется, я не внял совету, вычитанному в инете, – обратиться к врачу. Меня переполняло счастье – я не подцепил ничего венерического! Кстати, с тех пор я всегда соблюдал правила сексуальной гигиены. Я мог забыть купить зубную пасту, но резинки были всегда распиханы по углам и карманам. Вот так всегда в жизни и бывает – фантомный страх оказался сильнее, чем реальный.

Вместо того чтобы заняться реальным геморроем, я воздвиг бастионы на пути возможной венерической заразы.

Оскорбленный геморрой, наверное, решил отомстить. Но я тогда об этом не догадывался. Я думал, что в человеке только один орган живет абсолютно суверенной жизнью – пенис: хочет и может только тогда, когда лично ему вздумается. Это потом я понял, как много у них общего.

Ну, в общем, к врачу я не обратился, ни с кем ни о чем не посоветовался, просто купил свечи и мази. Немного попользовал, а потом забыл. Не до того было – экзамены на носу и с мамой что-то творилось. Мать у меня еще тот фрукт. Четыре языка, три диплома, столько же официальных мужей, не считая промежуточных. В общем, типичный образец PR воспитания, ну, типа, бери от жизни все, ты лучше всех, будь секси и прочая муть. Папаша ее – мой Дед – вощще был хиппи. Так что, когда он пытался ее воспитывать, она совала ему в нос его прошлое. Понятно, что я рос без отца, а моя мать – без матери. Было забавно, когда Дед в пылу спора орал, что пацан даже не знает, кто его отец, на что мать отвечала, что тоже не знает, кто ее мать. Как это Дед умудрился все так обставить, я до сих пор не понял, но факт остается фактом – кем была моя бабка, было неведомо ни мне, ни моей мадре.

Тогда я и начал читать. Ну, во-первых, чтобы не слушать их ор, во-вторых, чтобы самому понять то, о чем мне не говорили. Я ложился на диван, цеплял наушники, ставил на тощий живот ляптоп и углублялся в инет. Хвала Создателю за него – он заменил мне все и всех. Инет – это мир, который не мстит и не наказывает за ошибки. Наверное, это и есть рай.

В общем, я решил стать пиарщиком. Мадре и Дед чуть не лопнули со смеху, но я был достойный их выкормыш, даром, что ли, столько лет слушал их диспуты. Словесную перепалку я выиграл. Дед, кстати, у меня академик-химик. Конченый хиппи и неначавшийся террорист, как говорит мадре. Короче, свое отбытие в Израиль с очередным мужем она объяснила тем, что не может смириться с моим выбором. Это было шито такими белыми нитками, что мы с Дедом даже не стали выступать. В общем, испортили ей прощальную гастроль. В аэропорту мадре разрыдалась и заявила, что всех нас заберет позже. Дед не выдержал и сказал, что не стоит нарушать едва установившийся баланс. Мать гордо отчалила. А мы зажили беспросветно счастливо, почти как в инете – никакого ора и выяснения отношений. Два мужика, сплавивших свою… Ну, ладно, не буду переходить границ.

* * *

Шеф был еще та сволочь! Наши отношения не наладились сразу и навсегда. Я это понял, когда она – ну да, шеф был бабой – в пылу спора заорала: «Вот геморрой на мою голову!» Я выпятил нижнюю губу Этой привычкой я обзавелся сознательно, чтобы нервировать оппонентов. Я выпятил нижнюю губу и сказал: «Вообще-то геморрой бывает на заднице. Так что разберитесь… где у вас что». И вышел, даже не хлопнув дверью. Эту дуру бесило, что я блатной. А то другие были другими! Просто их привела она или ее знакомые, а меня сосватал Дедова приятеля сын, которому нельзя было отказать. Кошмар для дуры заключался в том, что я был не идиот и – о ужас! – даже талантлив. Нет чтобы радоваться, что кот в мешке не осел, так нет, она бесилась от этого.

В общем, я отправился домой и стал разглядывать свою задницу. За этим занятием меня и застукал Дед, который, как оказалось, был не на работе, как ему полагалось, а приперся уж не помню зачем. Ну, в общем, картина получилась та еще! С минуту стояла тишина: Дед как в гипнозе смотрел на мой оголенный зад, а я из-под промеж ног – на Деда, отражавшегося в зеркале. Потом он вышел. Молча! Вот что значит выдержка человека, прошедшего через все!

Я натянул штаны, пошел помыть руки и отправился к себе в комнату. Сперва мне было любопытно, как развернутся события, потом я подумал, что так мерзко повела бы себя мадре и, из духа противоречия, сменил тактику. Взял коньяк, бокалы и постучал к Деду. Последнее я сделал из вредности, типа, стучать надо перед тем, как зайти. Так как его дверь была открыта, то не понять мой намек было невозможно. Дед сидел перед компом и гонял шары. Отдых интеллектуала. Я разлил коньяк и спросил:

– Ну и что ты подумал?

– А что, есть версии? – ответил он, не глядя на меня.

– Выкладывай свою. – Я был непримирим, мне надо было на ком-то сорвать свою злость на шефа. Дед сам подставился. Но он был не лох и оставался верен своему принципу «докурить сигарету». Ну, в смысле не принимать решений сгоряча, выкурить сигарету, типа тайм-аут для остывания и размышления. Смех, да и только – кроме марихуаны в юности он ничего не курил. Но красивые формулировки любил. Чертов старый латентный пиарщик. Это я так со зла подумал, потому что понял, что мне становится его жаль, а расслабляться было нельзя.

– Ну? – спросил я.

– Отвали! – неожиданно ответил он. – Я ни в чем тебя не

виню. Мы с твоей матерью сделали все, чтобы ты стал уродом.

– Так… – сказал я. – Так ты меня считаешь уродом?

– Нет, до недавнего времени благодарил Бога, что он хранит тебя.

Неожиданно по Дедовой щеке скатилась слеза, и я не выдержал. Обнял его и почувствовал, как затряслись его плечи.

– Ну ты что, Дед! – заорал я. – Совсем захимичился?! Геморрой это, понимаешь?! Проклятый геморрой, я его разглядывал, чтобы…

Дед напрягся, потом оттолкнул меня и сказал:

– Снимай штаны!

Черт, совсем как та шлюшка в юности. Ну, в общем, все было как тогда. Деда я, правда, не трахнул в эпилоге – ему и так досталось в преамбуле.

Окончив осмотр, Дед влил в себя коньяк и выдохнул: «Сукин сын!» «Ну не умеют люди обращаться со словами и их смыслом», – проснулся во мне пиарщик. Сперва сволочь шеф, теперь вот Дед. Ему я, конечно, не напомнил, чья дочь сука, сын которой я есть. Дед – классный мужик, и я его чертовски люблю. В общем, мы надрались, в смысле, напились и пошли по бабам.

Тогда я не обратил внимания на фразу, сорвавшуюся с его губ во время «техосмотра»: «Черт! Как писька младенца!» Но, как оказалось, она просочилась в мое подсознание и странным образом переориентировала меня.

* * *

Как я уже говорил, в шестнадцать лет, узнав о своем геморрое, я решил познакомиться с ним поближе. Стал читать о нем, вздрагивал, когда при мне произносили это слово, и, вообще, пытался понять, почему одно упоминание о нем вызывает смех? Никто не смеется над раком, язвой, СПИДом, гриппом, ангиной. Почему геморрой – это так смешно? Только потому, что он на заднице? А чего смешного в ней? У женщин, кстати, по каким-то опросам, мужская задница считается более сексуальным символом, чем член. Может, и врут. Но ведь не смеются. В смысле эротики. А в смысле геморроя… Постепенно я проникся к нему симпатией. Когда Дед сказал, что мой похож на письку младенца, я потом много экспериментировал. Ну, в смысле, как мой отросток реагирует на секс-образы. Оказалось все наоборот – не я заводил геморрой, а он меня. С каждой новой телкой я, без ее ведома, играл в свою игру. Словом, когда, лаская, она почти подходила к геморрою, я сжимал ягодицы, и мой член как по

команде вздыбивался. Я проделывал обратное с каждой новой женщиной, чтобы понять, как там у нее. Если она резко или коварно отводила меня от запретной зоны, я понимал, что у нее геморрой. Конечно, никто из них не признавался в этом и на мое «Почему нет? У тебя что, геморрой?» несли ахинею типа оральный секс – это… Мура, в общем. Только одна девчонка сразу отреагировала на мое «Почему нет?» очень четко: «Потому что геморрой». Я настолько не ждал такого, что после секундной паузы заржал. Она даже не обиделась.

– Чего ржешь-то? Сволочи вы, мужики. Одно зло от вас.

– Не понял.

– А что понимать? Знаешь, у скольких женщин геморрой после родов появляется.

– Так у тебя ребенок? – удивился я.

– Нет. Но ведь когда-нибудь будет.

– Ясно. А геморроем заранее обзавелась, чтоб, значит, не обидно было заработать как все… из-за сволочи. Ну вы, бабы, даете! Слушай, покажи, а.

– Зачем? Ты что, хирург или извращенец?

– Не, просто, если любишь человека, любишь его целиком, – приторно изрек я.

– Надо же! – хмыкнула она. – Я думала, мы просто трахаемся… Ладно, покажу, если придумаешь ему слоган.

Черт! Вот ведь какая девчонка. В общем, я перевернул ее на живот и раздвинул ягодицы.

– Если ты способен любить свой геморрой, значит, способен любить вообще, – сказал я, думая, что брякнул первое, что пришло на ум.

Но она была еще та штучка. Перекатившись на спину, она выгнулась и промурлыкала:

– А теперь свой показывай!

Я вылупил глаза, а она хмыкнула:

– Ладно, не надо быть психологом, чтобы понять – такой эстет, как ты, уродством просто так не интересуется. Так что уговор дороже секса. Давай показывай.

Ну, я и показал.

– Н-да, – присвистнула она, – микрочлен. Ну, малыш, эт прям бином Ньютона.

– Чиво?

– Бином – это двучлен. Не помнишь что ли, из математики?

– Точно! Здорово! Отличный слоган. За мной должок.

– Вот и не откладывай, – проворковала она и навалилась сверху.

* * *

Выборы – самое жирное время для пиарщиков. Это их час икс, когда всеобщее презрение к их пустопорожней деятельности обретает высокий смысл. Точнее – дорогой. В нашей сфере, как и в любой другой, гении – редкость. Что не мешает остальным микромэнам считать себя таковыми, но просто непонятыми. И то верно, как тебя может понять «тупая скотина» (а это массовое явление среди избираемых), априори считающая, что народ – быдло, противники – козлы, пиарщики – сволочи, даром пожирающие его деньги. Большинство из нанимателей, вместо того чтобы слушать нас, заставляют нас слушать себя. Говнюк, которого мы окучивали, предполагался на вторые-третьи роли будущего парламента, поэтому его презрение ко всем и всему было гипертрофированным. Шеф часами проводила среди нас тренинги, как не реагировать на его заскоки. Главный тезис сводился к следующему: «Пусть клиент думает, что имеет нас, когда мы реально имеем его». Но этот козел доводил даже ее. Само собой, шеф отыгрывалась на нас. Принцип волны.

В один из периодов у меня разыгрался геморрой, и я не пошел на встречу в составе «команды». Эта сука потом позвонила и орала так, что я отключил телефон. Тут-то я и придумал, как отомстить. Дело в том, что у нас не ладился слоган, отчего козел бесился, а сучка истекала желчью.

Ну, я и нашел решение… креативное. Фамилия соперника нашего козла была – Большой. Его пиарщики затрахали электорат, выжимая из нее все, что можно, типа «большой взлет», «большие надежды» и прочую муть. В общем, я со своим приятелем состряпал ролик, кончавшийся фразой: «Выбор, приятель, всегда за тобой, но не забудь про большой геморрой».

Мультик получился что надо. Прикольный. Типа реклама нижнего мужского белья – не придерешься. Но я использовал цвета соперника, некоторые узнаваемые элементы его предвыборной кампании, да и сам персонаж чем-то неуловимо смахивал на Большого. И запустил свой шедевр в ютуб – с чужого компа, чтоб следов не нашли. На следующий день город стоял на ушах! Чернуха сработала. Инет торчком торчал. А соперник… Ну что ему было делать – не в суд же подавать, чтоб вообще кончиться. Недельные опросы показали скачок рейтинга нашего козла. А я думал, какое это все дерьмо – выбирать между двумя злами, да еще и надувать на одно из них оболочку псевдодобра.

В общем, через пару дней наш заказчик вызвал всех нас к себе и, поливая презрением, заявил, что в наших услугах больше не нуждается. Шефиня пробовала что-то вякать, но он ее и слушать

не стал. Тогда я сказал:

– Напрасно вы так. Всем же ясно, что ваш рейтинг вырос из-за черного пиара, а вы нам типа велели этим не заниматься.

– Ну и? – вопросил козел. – И не отрицаю. Мы же не имеем к этому отношения.

– И потом, – вклинился главный жополиз из особо приближенных нашего работодателя, – с чего вы решили, что дело в ролике, а не в реальном отношении электората к нашему уважаемому…

Но я не дал ему кончить свой лизок и грубо перебил:

– Еще как имеем. Этот ролик склепал и запустил я.

Ну и фейсы были у присутствующих! Шефиня даже рот ладошкой прикрыла. У кандидата, наоборот, челюсть отвисла. И только настырный жополиз не унимался:

– Вы понимаете, что сделали?!

– Рейтинг поднял, – пожал я плечами.

– Да вы просто хотите присвоить себе чужие лавры, – не унимался тот.

Тогда я выложил все неопровержимые технические доказательства и сказал, чтоб их компьютерщики попробовали опровергнуть. Наконец вмешался наш козел, попытавшийся отмазаться от нас. Ну, ясно, пока мы собачились, он просчитал, что до конца кампании три дня, рейтинг его вряд ли переломить, связываться с чернухой не стоит, да и платить не придется. Но не на тех напал! Мы, пиарщики, – хуже акул пера, мы пираньи чужих мани (круто сказанул!). Если попался нам на зубок, пиши пропало. Словом, шефиня убрала ладошку с губ и алчно усмехнулась:

– Значит, так: чек на стол и кенсл. А то за три дня…

– Вы не имели права без нашего ведома, – начал начальник штаба. Но мадам перебила:

– А вы в суд подайте.

– Зачем?! – гнусно усмехнулся тот. – Мы с вами потом…

Неправильное это слово – «потом», недопустимое в нашем деле. Словом, шефиня взвинтила «выходное пособие». Мы уже были у дверей, когда кандидат изрек:

– А вас, молодой человек, попрошу остаться.

Ну, знаменитая сцена Штирлиц и Холтоф у Мюллера. Я заметил, как напряглась шефиня, но – плевать, сама виновата, нафиг всегда подчеркивала, что я не член команды.

В общем, никто не остался внакладе. Благодаря мне, кстати. Мои бывшие сослуживцы сорвали жирный куш, кандидат прошел на выборах, я получил у него прибыльную и нехлопотную работенку, электорат… Но это уже не мой геморрой.

* * *

Вляпался я как последний лох! Может, я и впрямь страдаю нарциссизмом? Он так и сказал: «Старик, ты страдаешь нарциссизмом». И гнусно усмехнулся. Имел право, ведь я покраснел как рак, пытающийся показать, что на дух не переносит пиво. Что за бред я несу?! В общем, когда кретин Степка из клана компьютерщиков застукал меня в раздевалке перед зеркалом в позе… позу описывать не буду… Случай с Дедом меня ничему не научил – я наступил на те же грабли. Откуда этот кретин взялся в бассейне?! В это время там никого не бывает. А какого хрена меня туда занесло? Ну, словом, когда я увидел в его руках трубку, у меня крыша поехала – я представил, что он выложит снимок в ютуб и… Я тупо прыгнул на Степку.

Он этого не ждал и не был готов к атаке, иначе мне не удалось бы так легко повалить его и овладеть телефоном. В смысле, завладеть. Блин, при чем тут это?!

Говорят, в минуту опасности в человеке просыпаются скрытые резервы, и он способен на немыслимые рекорды. Я доказал это! Пока Степка корчился на полу, я надел один башмак и растоптал его трубку в крошки. Степка выл как самка гориллы, у которой увели самца.

– За что?! Сука! Это же суперсмартфон! – Вот этого ему не стоило говорить.

– Это подделка! – усмехнулся я. – Настоящий смарт кедой не распендрючить.

– Кедом, – автоматически исправил он. Даром что ли, филфак кончал.

– Кедой! – голосом самца орангутанга победно заключил я, напоследок еще раз прыгнув на остатки трубки.

– Тебе это даром не пройдет! – прошипел Степка. – То, что я увидел, станет достоянием общественности.

– Вау! – кривлянулся я. – И не мечтай! Бездоказательно!

Я плюнул на ошметки трубки, переступил через Степкино тело и отправился в бассейн. Я был горд собой! Я плавал как довольный индюк. Я и был индюком! Глупым и самонадеянным. Ибо индюкам не дано плавать. А через два дня я получил по почте фото… да что фото, целую фотосессию с места происшествия. Там были и снимки того, как я разглядываю свой многострадальный зад, и то, как я лупцую Степку, и то, как я отделываю проклятую трубку.

Причем последнее выглядело как стриптиз, трубки-то видно не было!

Я покрылся холодным потом, потом горячим, потом снова

просмотрел фотки, потом вытащил, внимательно изучил, не понимая, какого хрена я хочу там увидеть. Хрен, впрочем, был на высоте! (Черт, опять тянет на слоган!). Тогда в раздевалке я и не заметил его боевого настроя.

Блин, о чем это я! При чем тут это?! Мало мне было проблем с геморроем, так теперь и эта хрень! Или хрен?! Словом, полный двучлен! И что мне теперь с этим делать?!

Я отправился к компьютерщикам и поманил Степку. Он с ужасом уставился на меня и нырнул под монитор. Я шагнул в их поганый отсек. Степка решил, что я намерен прилюдно его поколотить, и угрем выскользнул в коридор. Поскольку диалога не было, его собратья даже не оторвались от своих присосок. Я молча двинул по коридору, поманив Степку за собой. У себя в кабинете я сел за комп и открыл папку, куда покидал фото со сценами расправы. Свою обнаженку, разумеется, стер.

– Блин! – выдохнул Степка. – Как это ты сделал?! – В его глазах не было страха и неловкости, только охотничий азарт. – Ты же был голый! У тебя что, камера была в заду?

Я занес руку, но Степка успел отскочить. Я встал, запер дверь, снова сел и уставился на Степку. Моего фирменного взгляда – помесь гадливости и презрения с полувыпяченной губой – он не выдержал и заскулил:

– Ты чего, шантажировать меня собрался? Блин, не ожидал от тебя такого! – Он еще что-то нес, типа падения до нулевой отметки его рейтинга уважения ко мне и прочая, и прочая. Мне было плевать, я не слушал, я смотрел на него. Наконец мне стало ясно, что Степка реально не имеет к этому отношения. Но отпускать его просто так, не использовав, было бы непрофессионально.

– Козел ты, – заботливо сказал я, – чего мне тебя шантажировать? Я тебя поимел как мужчина и… Но-но! – шикнул я, уловив его праведный гнев. – В смысле, отмудохал. В смысле, сломал твой смарт. И забыл. Но, похоже, был среди нас третий, ибо, как ты справедливо заметил, камера могла быть только в моей заднице. А ее там не было.

– Откуда мне знать? – мстительно вставил он. Я решил проигнорировать, он ведь был мне нужен. И я спросил его отеческим тоном:

– Степ, я хоть и голый на снимках, но и ежу понятно, кто тут сверху, а кто снизу.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он, уставившись в монитор.

– Это образное сравнение, – как мог, успокоил его я. – Я имел в виду, что при любом раскладе я выгляжу гоголем, а ты тряпкой.

Так что надо понять, кто этот самый третий.

– А чего он хочет? – спросил Степка.

– Не знаю.

– Ну, так или иначе, а хочет он, наверное, от тебя, – сказал Степка, – ты же выглядишь таким… гоголем.

– Степ, напрасный стеб! – усмехнулся я, отметив, как красиво сложилась фраза. Он тоже отметил – профи, он и в дерьме профи. А мы были именно в этой субстанции, о чем я не преминул ему напомнить и завершил:

– Есть несколько вариантов. Первый: ты прав, и ему что-то нужно, именно от меня. Но не радуйся, ибо, поскольку в это дерьмо я угодил из-за тебя, то не намерен барахтаться там один. Вариант второй: начал этот тип с меня, а потом дойдет и до тебя. Так, может, стоит принять превентивные меры?

– Что ты имеешь в виду?

– Блин, затрахал! Третий раз задаешь тот же вопрос!

– Второй!

– Степ, – проигнорировал я, – ты можешь отследить, кто послал эту хрень? Ты понял, что я имею в виду?! Вот, садись за мой комп и давай!

– Зачем? – искренне удивился этот урод. Я молча стал расшнуровывать кеды. – Я имел в виду, – затараторил Степка, видимо, ненавидевший мои кеды больше, чем конкретно меня, – что тут и думать нечего. Если камера не была в твоей заднице, значит, она была в раздевалке. И, судя по ракурсу снимков, не одна.

Я так и остался в полусогнутой позе. Мне было стыдно. Мне было стыднее даже, чем при виде своих снимков ню. Впрочем, там я выглядел гоголем, а здесь – недоумком, ведь даже недоумок Степка «на раз» дедуктивно решил проблему, а я просто трясся от страха и ничего не мог придумать. Ну и кто из нас после этого Холмс, а кто Ватсон?

Впрочем, стыд стыдом, но лицо надо было сохранять, и, медленно выпрямившись, я обратился к Степе со вздохом, как к недоумку:

– Ну наконец и до тебя дошло, где были камеры. Браво, Ватсон! Теперь, когда ты растормошил свои извилины, надеюсь, оставишь мою задницу в покое и, может, подумаешь и о том, как нам достать пленку и заткнуть шантажиста?

– Зачем? – искренне удивился гаденыш. – Может, это не шантаж, а прикол?

Я понял, что Степка почему-то уверен, что эта байда имеет отношение не к нему, а ко мне, и, значит, нафиг ему париться. Он был прав. Я встал и молча открыл дверь. По лицу Степки было

видно, что он не верит в искренность моего жеста. Но он решил не тянуть кота за хвост и бочком вышел из кабинета.

Я недолго думал, как ему отомстить, – надо просто послать ему те же фотки. Не с моего компа, так как бывший филолог, а ныне компьютерщик Степка сразу бы врубился, от кого месседж. Я закинул фотки на флешку, чтобы отослать их из интернет-кафе с наскоро созданного адреса, и выключил комп.

* * *

Когда я пришел в себя, то увидел Степкин фейс в смазе. Рядом расплывались еще какие-то. Я закрыл глаза и открыл их, только почувствовав «леща» на щеке. Это меня встряхнуло, и я сел. Голова гудела. Я схватился за нее и почувствовал на лбу рог. Вот только этого нароста мне и не хватало. Я глянул в зеркало в шкафу и увидел на лбу шишку неописуемой цветовой гаммы и величиной с брелок от моих ключей. Но главное было не в этом. Главным была та гамма ощущений, которая отпечаталась на лицах моих сотрудников. Я понял, что лучший тест на проверку отношения к себе – это выражение лиц окружающих, на глазах которых ты попал в дерьмо. Ни на одном из шести лиц – три женских, три мужских – не было и тени искреннего участия. Самое лайтное отражало незамутненный кайф от чаплиновской ситуации. У остальных… Черт, чем это я заслужил такое отношение, такое злорадство, едва прикрытое маской участия?!

Я понял, что у меня есть только одна возможность отомстить им – уйти с работы. Тогда шефом станет Игорь, а уж он так отыграется на них, что мало не покажется. Вот тогда, сравнив этого маньяка-начальника со мной, они поймут, кого потеряли в этом изуродованном шишкой лице.

Я мило улыбнулся всем – причем так искренне, что они так же искренне удивились. Они же не знали о моем плане мести.

– Всем спасибо! А вас, Штирлиц, я попрошу остаться.

Я сказал это, когда они все были у двери. Они все разом обернулись, мучительно пытаясь понять, кого я имел в виду. Я наслаждался триумфом.

А потом сказал:

– Тот, кто открыл на меня эту долбаную дверь, украсившую меня фингалом. – И уткнулся в монитор, чтобы не видеть их злорадства, ведь одному из них предстояла экзекуция. А это всегда приятно. В любом офисе. Благородства я ни от кого не ждал и был прав. Степа, как побитый козел, вернулся в кабинет.

– Ну, – с чувством сказал я, – а ведь это попахивает

криминалом. Неужели все настолько серьезно, что ты решил избавиться от меня таким вульгарным способом?

– Ну что ты, шеф! – заискивающе хныкнул Степка. – Я просто торопился… ну, блин, эти козлы и мне прислали!

– Ага! – гаденько обрадовался я, параллельно думая о том, почему винером приятнее быть сингл, а лузером – тугеза? Додумать я не успел, потому что Степка затараторил:

– Ладно, признаю, что ты был прав, и надо вместе переходить к ответным мерам. – Он не знал, что имеет дело с пираньей, мыслящей слоганами.

– То есть ты понял, что «один в поле не воин»? – участливо спросил я.

– Ну да, – проникновенно ответил он.

– Но ты не понял, что «кто опоздал, тот не успел».

– Что ты имеешь в виду?

– Степ, а ведь ты еще и идиот! Почему ты никогда сразу ничего не понимаешь? Почему все надо разжевывать?!

Я нарочно накалял атмосферу, чтобы довести его до пластилиновой стадии и вылепить то, что мне надо.

– Так вот что я имею в виду: когда я по доброте сердечной хотел тебе помочь – бескорыстно! – ты отбрыкнулся, считая, что в дерьме не ты, а я, и какого хрена тебе помогать мне вылезать оттуда. Так?

– Так, – честно признался он.

– Теперь, когда стало ясно, что в дерьме все-таки ты, ты приперся ко мне…

– Почему только я? – с остатками наглости вопросил он.

Но я не дал ему использовать шанс и продолжил:

– Ты приперся ко мне, разыграв несчастный случай с ударом дверью по моему лбу.

– Но зачем мне это было надо?! – взвыл Степка.

Я мог бы сказать ему, что он патологический кретин, но это поставило бы точку и потребовало раскрутки темы по новой. Мне же надо было дожимать старую. Поэтому я продолжил:

– Ты вполне заслуживаешь соответствующих действий по отношению к себе, но я поступлю иначе. Не благородно, нет – все равно ты подобные высокие чувства не в состоянии понять. Но и не подло – иначе я был бы аутентичен тебе. Я поступлю иначе. Ты – юзер. И понимаешь только этот язык. На нем и поговорим. Так вот, высокий пилотаж этой философии заключается… в чем, как по-твоему?

– Ну… юзни все, что может юзнуться.

– Детский сад. Первый, начальный левл. Высший – это: «Юзни то, что другим не юзнуть!» Понял?

– Да! – с чувством ответил он, и я почувствовал, что он – мой!

– Садись и слушай. Первое: надо выяснить, кто контролирует записи в том чертовом бассейне и кто конкретно был на вахте в тот конкретный день. Сделать это надо так, чтобы не спугнуть нашего… «заказчика». Сумеешь или тебе объяснить, «что я имею в виду»?

– Юзну! – кивнул Степка, включивший слово в персональный сленг. – Я им пару раз помогал, когда их хакали.

– А чего их хакали?

– Не знаю…

– Плохо. Всегда надо идти до конца, ибо кто владеет информацией, тот…

– Владеет всем, – угодливо завершил Степка, но я поморщился.

– Старо. Кто владеет информацией, тот ее и юзит. Ибо владеть – это полдела, дело – это суметь использовать ее для пользы дела. Понял? Ну, «легенда» у тебя есть: пошел слушок, что спортклубы хакят, и ты решил по старой дружбе предпринять превентивные меры. Кстати, слямзи любую информацию, особенно ту, что кажется тебе несущественной. Ибо…

– Юзни то, что другим кажется анюзли, – отрапортовал Степка.

– Молодец! – похвалил я. – Ну, на связи.

Степка вышел с видом Штирлица, получившего особо секретное задание от Юстаса. А я стал думать. Что же надо этому уроду? Не Степке, а этому… из мессенджера. Долго думать не пришлось – я получил ответ с того же липового имейл-адреса: «Надо поговорить». Я чуть было не ответил въевшимся «Что вы имеете в виду?», но взял себя в руки и отстукал: «?!» Пусть сам думает, что я имею в виду. Кажется, он не воспринял это как дерзость и даже успокоился:

«Прикол оценил. Как насчет остального?»

«Во сколько оценил и как это отразится на общей сумме?» – ответил я.

«Ты поможешь мне, и мы квиты».

«Сколько?»

«Речь не о деньгах».

Я задумался. Почему-то шантаж ассоциировался у меня именно с деньгами. Другое было слишком подозрительно, и я повторил то, с чего начал: «?!» – «Давайте встретимся», – ответил он.

«Где и когда?» – написал я, но стер, посчитав, что это показывает мою нервозную заинтересованность. Поэтому выстукал индифферентное: «Давайте». Его ответ поверг в шок

даже такого креативщика, как я!

«В четыре, завтра, в известном вам католическом храме, в исповедальной кабинке».

Я присвистнул. Похоже, дело было настолько серьезным, что он предпринял такие меры предосторожности. Подумав, что времени думать у меня хватит, я ответил классическим «ОК» и погрузился в текучку. Мне надо было скреативить что-нибудь для социального ролика моего работодателя. Этот козел, а ныне, с моей помощью, депутат взялся опекать приюты для стариков.

Я ему пытался объяснить, что это полная депрессуха не для такого коз… жизнерадостного человека, как он, и будет выглядеть притянутой. Но он уперся: «Кто-то должен делать то, что других вгоняет в депрессуху». Из чего я понял, что они уже отработали схему, как привлечь деньги на этот «проект милосердия» и, главное, как их по максимуму отвлечь оттуда в свои карманы. А так как платили мне не за антикоррупционную деятельность, а скорее за то, как придать таковой вид откровенной коррупции, то я только кивнул, родив при этом слоган: «Скажи: «НЕТ!» – и коррупции не будет. Попробуй!» Не получается? В этом и вся беда – мало у кого получается. Я напрягся и сказал: «НЕТ!» Разумеется, не коррупции, а пытавшейся нахлынуть творческой импотенции. Я, кстати, заметил, что ничто так не выводит из бездеятельности, как примагничивание слова «импотенция». Бездеятельность, хандра, недееспособность, депрессия – все это ерунда в сравнении с ней. Ну, сами сравните: «Неэффективная: экономика, политика, власть и т. д.» и «Импотентная: экономика, политика, власть и т. д.». Все – противник парализован, ибо в мужском мировосприятии (а наш мир пока еще формально мужской) это слово страшнее смерти. Запусти его сперва в самом незначительном контексте по отношению к человеку, потом увеличивай дозу и… «Импотентная форма управления», «импотентное управление», «импотенты в управлении», «импотенты». Классический пиар-ряд. Стоит только озвучить первое, как остальные звенья цепочки – степ бай степ – сомкнутся сами. И если даже последнее из ряда не попадет в СМИ, оно прочно прорастет в подсознании обывателя. А на что мы работаем? На подсознание. И потому… Я открыл комп и настрюкал сценарий.

«В католической исповедальне сидит старушка и со слезами на глазах говорит: “Всю свою жизнь я прожила в соответствии с божьими заповедями, но на исходе лет осталась немощной и одинокой – мой единственный сын погиб в Чечне. Пенсии на лекарства не хватает. Мне незачем и не на что жить. Скажите, падре, если я никому не нужна, почему у меня нет права свести

счеты с жизнью?!" – "Потому, – отвечает добрый пастырь, – что всегда найдется добрый самаритянин"».

И дальше картинка лубочного счастья в новом доме для престарелых, где «добрый самаритянин» – сиречь, мой козел – протягивает цветы и коробку конфет давешней бабульке, уже пригоженькой и улыбающейся. На бэкграунде – аналогичные персонажи разных типажей. Крупным планом название приюта: «Добрый самаритянин». И всем все понятно. Класс! Вот что значит юзнуть даже то, что повергло тебя в шок!

Я перечитал сценарий, вычеркнул строчку про «погиб в Чечне» и заменил ее на «погиб, защищая Родину» – дабы от греха подальше соблюсти политкорректность. Убрал фразу «Пенсии на лекарства не хватает» – зачем шпынять правительство в лоб, и так все понятно, – и отправил это по почте своему козлу. Я не сомневался, что его карманный жополиз постарается нагадить мне, и даже предполагал, куда он ударит. И я был прав.

Козел позвонил к концу рабочего дня и с места в карьер принялся орать. Я отодвинул трубку от уха, потому что почти физически ощущал фонтан его слюны. Я терпеливо ждал, не произнося ни слова. Более того, я молчал, даже когда он завершил свой монолог, пестревший непечатными словами. Я дождался, когда он, выпустив пар и не услышав неизбежного, с его точки зрения, моего оправдывающегося скулежа, с неким раздраженным удивлением спросил:

– Эй, ты что, от страха совсем откинулся?

– Напротив, – ответил я, – смакую удовольствие.

– Что?! Какое на хрен удовольствие?! – заорал он и еще полминуты поливал меня дерьмом. Когда он наконец заткнулся, я сказал:

– Именно на такую реакцию я и рассчитывал. Подождите, я вас слушал, теперь послушайте вы. Хоть раз послушайте профессионала. Черт побери, этот профессионал посадил вас туда, где вы сидите!

Кажется, я тоже орал. Не видя его хари, это оказалось вполне возможным.

– Что ты имеешь в виду? – почти растерянно спросил он. Я понимал, что его вопрос относится к слову «посадил». Но у меня было тактическое и теоретическое преимущество – опыт реакции на Степкино «Что ты имеешь в виду?». И я использовал свой главный пиар-постулат – «плюсизация минусов». То есть юзнуть с пользой то, что въюзили тебе в… в минус. Посему вместо ответа на вопрос, который, по замыслу «козла», он задал мне, я, пользуясь неконкретностью самого вопроса «Что ты имеешь в виду?», наполнил его тем содержанием, которое мне было нужно.

А именно – перевел разговор в плоскость конкретного сценария.

– Я имел в виду, что если даже вы – заказчик – так бурно реагируете на картинку, то какая же буря поднимется в обществе после просмотра клипа?!

– На хрена мне такая буря? Мало меня дрючат всякие недоумки, так и мои собственные – туда же.

Мне было плевать, что он считает меня недоумком, но напрасно он обозвал меня своей собственностью. Впрочем, с этим придется подождать, и потому я сказал напористо:

– Запустим ролик, подождем пика бури, со всеми воплями по поводу неполиткорректности, и только потом дадим ответ.

– Какой? – почти человеческим голосом поинтересовался он.

– Вы внимательно читали сценарий?

– Ну? – буркнул он.

– Так вот, в описании сказано, что на бэкграунде – аналогичные персонажи разных типажей. Это и есть наша фенечка – специально забэкграунднутая мной, чтобы особо ретивые не обратили на нее внимание и накинулись на нас. А мы бы потом сунули им в фейс эту картинку крупным планом: старички и старушки не только славянского, но и азиатского, кавказского и прочих типов.

– Но почему нельзя, чтобы священник был православным? – почти сдаваясь, спросил он.

– А почему нельзя, чтобы он был католиком? – ответил я. – Это не мой вопрос вам, это и есть наш ответ тем, кто задаст нам этот вопрос. Это наш удар – удар по их неполиткорректности, мол, нельзя в такой многоконфессиональной стране, как наша, всегда ставить акцент на титульной конфессии.

– На хрена нам это? – вздохнул козел.

– Послушайте, – вздохнул я в ответ, – вы же сами сказали, что вам нужна шумиха вокруг вашей благотворительности. Как, по-вашему, елейный, добрый ролик вызвал бы ее? Нет! Нет и еще раз нет! Никого не интересует добро в чистом виде! Если кого оно и интересует, то только в виде чистой прибыли. И не только в денежном эквиваленте! Это так, и никуда от этого не деться. Самое ценное в бочке пиар-меда – это…

– Ложка пиар-дегтя, – сказал он, и я не успел придержать сорвавшееся с языка: «Молодец!»

– Ну-ну, – хрюкнул он, – не перегибай… пиар-палку, а то она тоже о двух концах.

Я довольно хрюкнул в ответ и, подождав, пока он отключится, бросил трубку.

Я сделал два вывода. Первое: не такой уж он и козел. Даже креативит помаленьку. Второе – я ведь вывел печальный слоган

нашего времени: «Добро интересует людей не в чистом виде, а в виде чистой прибыли».

Чтобы избавиться от вселенской грусти, я представил, какой разнос сейчас учиняется моему врагу-жополизу, и на душе потеплело. Впрочем, предаваться сенсорике времени не было, и я позвонил Степке, назначив ему встречу у себя дома в 12 ночи – для конспирации. Надо было продумать всю завтрашнюю операцию до мелочей.

* * *

Я был в таком шоке, что вместо того, чтобы думать об услышанном, думал о том, каким же влиянием обладает мой псевдоисповедник, если ему разрешили играть эту роль. Конечно, это могли быть просто деньги, но тогда – немалые. Был еще один вариант – священник был не псевдо-, а настоящий. Но думать так, даже мне – цинику и грешнику, – было невмоготу. Наверное, исход нашего диалога решило именно это неистребимое любопытство – знать всю правду и только правду, чтобы максимально ее извратить. Это профессиональное качество юристов и пиарщиков высшей категории, к которым без ложной скромности я себя и относил. И потому, выдержав небольшую паузу, я спросил:

– А если я не приму ваше предложение?

– Тогда ваши снимки появятся в сети, – ответил он.

– Ну что ж, пиар еще никому не мешал, – спокойно резюмировал я, – даже черный.

То ли он мне не поверил, то ли был сражен наповал. Во всяком случае, ответа я не услышал. Так ему и надо, шантажировать пиарщика пиаром – это ж какая некомпетентность! Из уважения к Деду, до сих пор утверждающему, что лежачего не бьют, я просто слегка напоследок пнул моего «тет-а-тетчика»:

– Я бы просил вас отпустить мне грехи, но, похоже, Господь не поймет нас. – С этими словами и вышел. Я даже не мог поинтересоваться в стиле Остапа Бендера: «Почем опиум для народа?» Пипл, пришедший на смену народу, хавал такой опиум, что Бендеру и не снилось.

После всего, что я услышал в исповедальне, мне необходимо было очиститься, и я направил своего мустанга к милому дому, где обитала милая дева, всегда готовая за милую цену снять любой напряг.

– Слушай, Милка, – спросил я, когда, вволю откамасутрив, мы

лежали на полу и пускали дым строго параллельно. Пол был из кедровых досок – Милка считала, что это придает особенный кайф сексу. Думаю, не всем удавалось пройти этот секс-контроль, после которого на разных частях тела оставались царапины, ссадины и даже занозы. Сегодня эти секс-вериги были для меня в самый раз, это было некое самобичевание в сноб-стиле. Кажется, я понял Милкину философию и подумал, что она может дать мне дельный совет.

– Как ты относишься к однополым бракам?

– Милый, – промурлыкала она, – это неактуальный вопрос. Сегодня актуальный: «Как ты относишься к разнополым бракам?» А еще актуальней: «А на хрен брак вообще?!» Но, как подсказывает твой озабоченный лук, интерес твой не праздный? В чем подвох?

И я рассказал.

Милка стояла в позе Евы у эдемского древа с надкусанным яблоком в руках. С середины моего рассказа она забыла о нем.

– Милка, – вздохнул я, – ты похожа на Еву, которая, дав Адаму надкусить яблоко, задумалась – а стоит ли?!

– Да?! – вышла она из оцепенения. – В нашем случае как раз наоборот. Слушай, а почему они выбрали логотипом надкусанное яблоко? Это так неэстетично.

– Кто?! – спросил я как дурак, а когда понял, что речь идет об Apple, Милка выбросила яблоко и повернулась ко мне:

– А почему ты отказался?

Этого я совсем не ожидал и едва не ляпнул Степкино: «В каком смысле?» Слава богу, ей и не нужен был мой ответ: как большинство женщин, Милка задавала вопрос исключительно для того, чтобы выдвинуть свою версию ответа, что она и сделала:

– Мика, столько всего можно узнать!

– Зачем? – удивился я. – Мы с тобой не менты и не журналисты. И даже не шантажисты. Это меня шантажируют.

– Тем более, – подвела она итог, – у тебя будет контроружие.

– Бред! – пожал я плечами. – Не буду я лезть в эту грязь.

– Это же твоя естественная среда обитания, пиарщик!

– Дура ты, Милка, – вздохнул я, – а ведь я подумывал жениться на тебе.

– Не смеши! С моими-то беспорядочными сексуальными связями?!

– Ты бы перестала, а Деду я бы наплел что-нибудь.

– Кому?

– Деду. Я с ним живу.

– Ну ты и мастодонт! С Дедом! Он что, квартиру тебе завещает?

– Он уже завещал.

– Тогда…

– Ладно, Мил, забудь.

– Как это я забуду?! Ты куда?! Я теперь тоже могу тебя шантажировать, идиот!

– Зачем? – прервал я свой путь к двери.

– А на хрен ты мне все это сболтнул? Я что, случайный попутчик в вагоне? Так ты отродясь поездом не ездишь.

– А кому мне было рассказать? – брякнул я. – Степке, что ли?

– Так бы и сказал, – умиротворилась Милка, – а то: замуж! Ладно, давай думать, хотя я уже придумала.

Как всегда, мой расчет был безукоризненным – таким женщинам, как Милка, не в кайф просто так помогать ни слабым мужчинам, ни даже сильным. Они должны на чем-то подловить, чтобы прижать к ногтю, а потом снизойти. Я предоставил ей всю гамму сполна. Оставалось не выдать своего торжества, чтобы не омрачить ее заслуженного. Но и переигрывать не стоило, поэтому, изобразив, будто я опять на коне, я принялся излагать какую-то версию действий. Она честно выслушала и, естественно, подпустила шпильку:

– Это и есть максимум креатива, на который ты способен? Какая у тебя зарплата?

Я озвучил в два раза меньшую. Иначе ее бы жаба заела. Но и эта сумма ее огорчила:

– Одно утешает, что это деньги не налогоплательщиков, а такого козла, как твой работодатель, – хмыкнула Милка. В подтексте читалось, что я тоже козел, получающий больше, чем стою, равно как и то, что не могу выбить большего, раз уж все дурью маемся.

Мне было плевать – и на ее мнение, и на ее советы, и на ее психологизмы, и на все прочее. У меня был свой план действий, в котором ее роль заключалась в физическом присутствии и подыгрывании мне, причем выглядеть это должно было так, будто она ведущий, а я ведомый. Как говаривал небезызвестный персонаж небезызвестного фильма: «Тщеславие – мой любимый грех». Если ты умеешь играть на тщеславии, игра состоится. Ибо тщеславие, пожалуй, единственный грех, который можно закамуфлировать под добродетель.

Итак, физическое тело Милки, равно как и интеллект, были в моем распоряжении. Оставалась самая малость, и тут позвонил Степка. Он захлебывался, как щенок. Я ничего не понял, думая о том, что он всего на пару лет моложе меня, а инфантилен, как мой очень младший брат, которого у меня, слава богу, нет. И дело не в том, что я его непосредственный начальник, а…

– Зачем тебе этот геморрой? – услышал я собственную реакцию на его излияния, подумав, что дело, наверное, в том, что Степка абсолютно здоров – и физически, и психологически. У него не было геморроя – в прямом смысле этого слова, который мог бы заставить его страдать и сострадать, то есть породить ту нездоровую психику, которая способна стимулировать творчество. – Ладно, – прервал я поток его излияний. – Давай встретимся у меня и обговорим.

Я распростился с Милкой, сохраняя на лице мину иронической благодарности, и ретировался.

Дома я предупредил Деда, что опять придет Степка, но закармливать его не стоит – креатив требует пустого желудка. Дед хмыкнул, мол, знаю, о чем вы будете креативить. Но он улыбался – после той знаменательной беседы он уже не подозревал меня в педризме, а ко всему остальному он, видимо, был толерантен. Наверное, и к этому был толерантен, если оно как-то не касалось его.

«Позор – страшнее греха», – как-то сказал он мне в детстве. Кстати, именно эта сентенция во многом способствовала моему отношению к геморрою, ведь я считал его позором для настоящего мужчины. Уж не знаю почему.

Степка меня сразил – он принес Деду табак. Хороший. Дед посмотрел на меня укоризненно, мол, из-за меня он не приготовился должным образом к приходу парня. Меня умиляла способность Деда любить ближних, холить их и лелеять. По представлениям окружающей среды, любой нормальный академик должен быть не от мира сего, как минимум, путать башмаки, забывать застегнуть ширинку и так далее. Может, так оно и есть. Просто у «нормальных» академиков не было таких дочерей, как моя мадре. Слава богу, что эта кукушка, пролетая над гнездом, скинула туда всего одно яйцо, из которого я и вылупился. И Деду пришлось стать мне матерью. Хотя мог бы стать отцом. Но, любитель парадоксов, он, видимо, считал, что раз из него не получилось отца для дочки, то для внука он должен попробовать себя в роли матери. Думаю, ему это удалось.

В общем, Деда я любил и не мог позволить ему страдать, поэтому сказал Степке: «Дед хотел попотчевать тебя заливной рыбой собственного приготовления, но я подумал, пусть лучше допишет монографию, а рыбу мы закажем на дом».

– Супер! – просиял Степка, жрущий все и в любое время, причем не полнеющий. Видать, растущий организм. Дед тоже был доволен. Он ушел сделать заказ, и я наконец закрыл дверь, оставшись фейсом к фейсу со Степкой.

* * *

Когда в душе я увидел, как у ног расползается кровавое пятно, почему-то вспомнил «Последнего магната».

Или это был «Вечер в Византии»? Черт! О чем я думаю! Надо срочно к врачу. Я позвонил знакомому хирургу и тот устроил мне через час консультацию у лучшего проктолога. Черт! Мало того, что пришлось лезть на гинекологическое кресло, так рядом с проктологом возникла какая-то молодуха. Они вдвоем уставились на мою задницу, и проктолог аж присвистнул:

– Ну и геморроище! Что ж вы так запустили. Резать пора. Давно созрел.

– А иначе никак? – жалко проблеял я.

– Иначе уже поздно. Давайте-ка в понедельник и приходите. И ничего страшного. Никакого вам скальпеля. Лазером чиркнем и через три дня отпустим. – Уговорил, словом.

* * *

На операцию меня провожал Дед, который не поленился сделать массу звонков, чтобы у меня все было по высшему разряду. Блудную мать мы решили не обременять.

Короче, положили меня на операционный, точнее, гинекологический стол. Анестезиолог вкатил в позвоночник укол и радостно сообщил, что я теперь ниже талии ничего не буду чувствовать, потому что благодаря звонку Деда он сделал свое дело от души. Я вяло поинтересовался, а бывает ли иначе? На что он сообщил, что давеча так оно и было – позвонил его друг и попросил за тещу. Хорошо попросил.

– Видите ли, – усмехнулся он, – анестезия бывает двух видов. Первая, когда ничего не чувствуешь и не можешь двигаться. Вторая, когда все чувствуешь, но двигаться не можешь.

– Ясно, – усмехнулся я, – теща пошла по второму разряду.

– Гады вы, мужики, – услышал я беззлобное заявление.

Надо же, а я и не заметил, что давешняя молодуха тоже здесь. Она, между тем, лихо закинула мои ватные ноги на подлокотники гинекологического кресла, накрыла их чем-то и примостилась рядом с проктологом. Ног я действительно не чувствовал. Хотел почувствовать остальное, но руки мои были в захватах – одна с капельницей, вторая с тонометром. Я решил не думать о плохом и попытался придумать социальный ролик. Но не тут-то было! Оба врача, ковырявшихся в моей заднице, затеяли обсуждение какого-то служебного романа. Присутствующие в операционной

не замедлили подключиться. Если бы иногда не звучали медицинские термины, я бы решил, что они обо мне забыли. Потом запахло горелой плотью, и я понял, что всепроникающий луч лазера лишает меня одной составной бинома. Мысленно я поблагодарил их обоих: лазер – за то, что он пришел на смену скальпелю, геморрой – за то, что он сдал свою смену. Наконец главный сказал традиционное «Кушать подано», в смысле, «Спасибо всем». И меня покатили в палату.

* * *

Ночью позвонила мадре. Я подумал, что Дед проговорился, но оказалось, она звонит просто так. И то ли я расслабился, то ли анестезия еще действовала, но на вопрос мадре «Как твои дела?» ответил как дурак:

– Ма, я стал иудеем.

– В каком смысле? – ахнула она.

– Обрезание сделал.

Я услышал ее удивленный возглас и вырубил телефон. Ничего, пусть попарится, пусть найдет решение. Я закрыл глаза.

* * *

– Шалом, – сказал я, увидев мадре.

– Пуся! – всхлипнула она, кинувшись ко мне. Скривившись от ненавистного детского прозвища, я дал ей облобызать себя. На бэкграунде маячил Дед, отвечая на мой молчаливый упрек в стиле «И ты, Брут?!» скорбным взглядом типа: «А что я мог поделать?!»

– Здорово выглядишь, – сказал я мадре. Очевидно, она восприняла это как осуждение – ну, в смысле, «мне так плохо, а ты хорошеешь» – и тут же кинулась в атаку:

– Разве ты когда-нибудь в чем-нибудь слушался меня? Сколько раз я говорила тебе: «Пуся, не доводи до крайностей!»

Я только хотел выпятить нижнюю губу, но решил, что есть способ получше. Изобразил на лице дикую боль и попросил родных вытряхнуться по причине моей большой нужды. Отмел напрочь всякие там «мы подождем в коридоре, пока ты…», и как только за мадре закрылась дверь, испустил из своей задницы громкий и победный звук. Думаю, щепетильную мадре как ветром снесло. На роль сестры милосердия она, конечно, не тянула. Тем не менее утром, ну, в смысле, к часу, она опять заявилась и не

нашла ничего лучше, как пристать ко мне с вопросом:

– А почему ты решил сделать обрезание? Только не говори, что по зову крови.

Вот женщина, а!

Как я понимаю ее мужей!

– Мадре, – простонал я, – тебе полагается здоровьем моим интересоваться, а не…

– А я что делаю?! – возмутилась она. – Если ты сделал обрезание, значит, у тебя и с урологией проблемы.

Ну и как с ней спорить, если она все всегда перевернет в свою пользу.

– Я пошутил, – сказал я, – я имел в виду, что обрезал геморрой.

Тут она зависла как комп устаревшей модели, а потом ее понесло:

– Как ты мог?! Как ты мог шутить этим? Я уже всем рассказала, а ты… Ты не шутил, ты решил поиздеваться надо мной. Ты…

Я нажал красную кнопочку, и мадре вывели под белые рученьки. Я не сердился, ведь я своего добился – довел ее. Конечно, я ее любил, и она меня тоже. Просто мы любили друг друга как-то очень по-своему. Но ведь с годами приходит мудрость. Даром, что ли, я придумал слоган: «Если ты способен любить свой геморрой, значит, способен любить в принципе».

* * *

Ну вот, самое время задаться вопросом: какого фига я все это написал? А фиг его знает! Просто валялся в постели, делать было нечего, в заднице свербило – в обоих смыслах – вот и потянулся за верным ляп-топом. Вообще-то, если быть до конца честным, я хотел написать оду геморрою и человеческой глупости. Вот ведь, кажется, совсем ненужная вещь – отросток на заду. Все над ним издеваются, обладатели его стыдятся признаться в своем обладании и гнусно примазываются к хихикающим над этим. Ну, типа, со мной все в порядке. А ведь если посмотреть шире и глубже, в самую темную бездну, ну, как проктологи, то сколько полезного можно узреть. Вся моя жизненная философия изменилась с того дня, как я узнал, чем втайне владею. Да-да, у меня появилась тайна. И я не стыдился ее, а сделал косвенной соучастницей моей сексуальной жизни. А сколько креативных мыслей породил мой геморрой! В конце концов, даже продвижением по службе я обязан ему Воистину, главное не

болезнь, а отношение к ней.

И все-таки я расстался со своим переростком без сожалений. В конце концов, все кончается, и главное – кончить вовремя! (Черт, тянет на слоган.)

Единственное, о чем я жалею, так это о том, что перестал быть двучленом. Ну так никто же об этом не знает!

* * *

В больнице я пролежал на неделю больше необходимого. Обставил это так, будто мне снесло крышу из-за той молодухи, ну, стажера анестезиолога. Кстати, она была замужем, и мы, с моей подачи, разыгрывали сериал «Любовь под бомбами». Ну, типа, я был ранен в бою и, попав в госпиталь, влюбился в медсестру. Характер моего «ранения» позволял разыгрывать то трагедию, то комедию. Я знал, что персонал открыл тотализатор. Разумеется, не на «случится или нет» и даже не на «когда случится». Ставки были на позу – опять же, из-за моего «ранения». Мы оба это знали и взвинчивали публику, измышляя ситуации, доводя их до немыслимого, а потом выруливали на нуль. Ставки росли. Но всем невдомек было, что истинной причиной затеянного мной сериала было нежелание выходить в здоровый мир, где властвовали нездоровые страсти. А главной оставался шантаж. Я все еще не придумал, как мне выкрутиться. В сущности, последним подарком моего геморроя было то, что, угодив в больницу, я избавился от шантажиста. Я не сомневался, что он осведомлен о моей операции и вряд ли выполнит свою угрозу, ведь я был ему нужен. Но рано или поздно мое пребывание в больнице должно было закончиться. Это не мог быть «праздник, который всегда с тобой» (тьфу-тьфу!). Посему я постоянно думал о том, как выкрутиться из этой гадкой истории. И однажды ночью я нашел решение!

Аська, моя здешняя «любовь», принесла мне в пробирке кусочек плоти, некогда бывший моим «двучленом». Я почти всплакнул, глядя на этот комочек, от капризов которого когда-то зависело мое здоровье и настроение.

– Держи, извращенец, – сказала Аська, ставя пробирку на стол, – ты первый в истории пациент, пожелавший взять геморрой на память!

– Если бы ты знала, скольким я обязан ему, – вздохнул я, – то не удивлялась бы.

Она хмыкнула и удалилась, оставив меня наедине с моей мертвой частицей. «Ну, друг, – обратился я к нему, – мы когда-то

славно проводили время. Беда в том, что ты решил окончательно меня поработить. А я этого не люблю. Но зла на тебя не держу. В доказательство тому ты будешь вечно покоиться на самом видном месте, где бы я ни жил!»

Завершив панегирик, я лег и вскоре уснул. А когда проснулся, идея уже распирала меня. Я позвонил Степке и попросил прийти. Кстати, из внешнего мира он единственный, кто знал о моей операции. Дед проговорился, правда, взял страшную клятву молчания. В общем, я позвал Степку и изложил свой план. Он пришел в ужас, но я был не просто красноречив, но суров. Словом, я поведал ему о просьбе шантажиста. Дело в том, что этот тип просил ни много ни мало, как развернуть пиар-кампанию по освещению ста однополых браков в столице.

– Ну и что? – искренне удивился Степка. – Не ты, так другой, а бабла небось обещали немерено.

– Степка, – вкрадчиво спросил я, – ты бы женился на мне?

На его лице отразилось такое омерзение, что я почувствовал себя оскорбленным.

– Вот видишь! Так чего ты от меня требуешь?!

– Ну ты даешь! – возмутился Степка. – Он же не требовал выйти за него замуж. Человек тебе работу предлагал. Это твой бизнес. Если бы адвокаты защищали только тех, чьи принципы не расходятся с их собственными, то…

– Я не адвокат, – перебил я, – да и из тебя хреновый адвокат дьявола. Ты что, хочешь переспорить меня – профи?! Или у тебя вообще принципов нет?

– Да я тачку присмотрел, – вздохнул Степка, – бабло не помешало б.

– А при чем тут ты? – искренне удивился я. – Работу предлагают мне и бабло мне обещают. А я от всего отказываюсь, да еще задницу твою спасаю.

– Ну, раз так, то… а может, чего другое придумаешь? – подхалимски хрюкнул он. – Ты же гений.

– Вот поверь, мой план и есть гениальный. Сам подумай, ну соглашусь я на его условия, ну даст он мне денег, так ведь на этом шантаж не кончится. Где гарантия, что он пленочку с нашими задницами не скопирует? И что? Всю жизнь трястись от страха? Нет, старик, надо обнулить счет. И не дрейфь, ты же тоже… ну, хоть и не гений, но ведь ас в своем деле.

Еще полчаса я уламывал его, и в конце концов он даже загорелся: «Юзнем юзера!» С этими словами напарник покинул палату, а я подумал, что все, кто со мной общается, рано или поздно чему-то у меня учатся. Наверное, во мне дрыхнет пед… Тьфу ты! Учитель, хотел я сказать.

* * *

Через пару дней инет наводнили жуткие фото разных знаменитостей в самых непристойных ракурсах. Среди них были и наши (Степка, сволочь, свой фейс так смазал, что и не узнать). Причем сделано было так грубо, что и ежу было ясно – фотошопил псих. Для заметания следов Степка придумал систему по заметанию следов. Почти гениальная схема, как у бизнесменов, когда деньги проходят через столько липовых компаний, что отследить их нереально. Каким-то образом он отправил это свое творчество через несколько адресов с программой на самоуничтожение. А для пущей страховки первую отправку сделал из Питера, хотя выглядела она третьей. В общем, я родил слоган: «Все гениальное рождается из страха».

Через день после интернет-вакханалии прозвонился мой шантажист.

– Браво! – сказал он. – Вы действительно профи. А что, вы так ненавидите геев? Это ведь нетолерантно и несовременно. Свобода выбора – разве это не лучшее достижение цивилизации?

– Пожалуй, – согласился я.

– Тогда в чем дело? – удивился он.

– В том, что мне вы не оставили этой свободы. Возможно, сделай вы просто заказ, я бы, не обременяя себя размышлениями, согласился. К тому же я чту Библию, особенно в той части, где про «не судите, да не судимы будете». И потом, мир катится в тартарары, и кто я, чтобы мешать этому. Видите, сколько было «за», сделай вы мне бизнес-предложение. Но вы все испортили. Похоже, вы из тех, кто считает, будто законы и люди для того, чтобы манипулировать ими. Кстати, вы не адвокат?

– Кстати, да, – ответил он и отключился.

Я очень надеялся, что он никогда уже мне не позвонит.

Вечером я пригласил Степку в его любимый клуб, где тусовались снобы. Меня узнавали. В наше время ничто так не способствует пиару, как голый зад. Кажется, я, наконец понял, почему американосы так пекутся о заднице.

Пираньи пиара

Почему я все-таки стал пиарщиком, хотя рос нормальным мальчиком (насколько это было возможно в нашей безумной пародии на семью). Даже окончил какой-то технический вуз. Правда, по «предсмертной» просьбе Деда, заявившего, что он сделает себе передозу, если у меня не будет приличного диплома, соответствующего приличному мужчине. В восприятии Деда это могли быть только точные науки. Само собой, плевать мне было на приличный диплом и Дедову заяву про передозу – на это бы он не пошел. Не в этом дело, я подкупил его фразой: «Ради того, чтобы выглядеть в твоих глазах приличным мужчиной, я и не на такие жертвы готов». Реально же жертвой стал Дед, которому пришлось по блату выбивать мне приличные оценки, а периодически даже добиваться того, чтоб меня не отчислили. Так что, когда я торжественно вручил ему диплом, он, а не я, вздохнул с облегчением. К этому времени я совсем забыл о своей тинейджерской мечте о пиаре. Но мечта не забыла меня! Пока я по паре месяцев кантовался то на одной, то на другой работе, она – мечта – исподволь кралась мне навстречу. Воистину, бойся не мечтать, а того, что мечта может сбыться.

Случилось это благодаря странному стечению обстоятельств. Моим очередным шефом оказалась опять б… пардон, женщина. У меня вообще такое чувство, что эти б…, пардон, женщины, тихой сапой оккупировали все кресла. Это какой-то крестовый поход б… абенцев. Только мы – мужики – построили общество, в котором можно жить в свое удовольствие, то есть расслабиться, как… расслабились. Идиоты! А эти, не будь дурами (хотя тысячелетия именно ими они и были), тут же начали просачиваться. Сперва по квотам, потом в квоты попали уже мы.

Ну а как иначе?! Кто ж не знает их хватку?! Захомутают и…

Ладно, что об общеизвестном! Лучше о своем, наболевшем, своя-то болячка больнее чешется. Ну вот, очередная б… Кстати, «б» – это не то, что предполагается, это, всего-навсего, бабы. Ненормативную лексику я не употребляю, но двусмысленность или двузначие еще со времен «бинома Ньютона» доставляли мне удовольствие. И, как оказалось, напрасно!

Словом, я понял, что знаменитую пословицу «От тюрьмы и от сумы не зарекайся» правильней было бы продолжить: «От тюрьмы, сумы и любви не зарекайся». Причем последняя напасть самая креативная. Почти по Толстому, у которого все счастливые счастливы одинаково, а несчастные – кто во что горазд.

Думал я об этом из-за Катьки. Я долго к ней подъезжал и так

и эдак, но все было в облом. При этом был полный филлинг того, что я ей нравлюсь. В общем, я ее споил и уже был готов завалить, как она, нетрезво помахав пальчиком перед моим носом, спросила: «А ты не гей?»

– Дура! – сказал я. – Какого хрена тогда я тебя дотащил до койки?!

– Логично! – сказала она, уставившись на койку Плюхнулась на нее и вырубилась.

Честно говоря, хорошо и сделала: у меня после ее вопроса сделался упадок – в худшем смысле этого понятия. День, точнее, ночь была похерена. А ведь Дед уехал на весь уик-энд, и я думал оторваться по полной. Но дело было не только в этом. Меня изводили сомнения из-за ее вопроса. Почему она спросила? Неужели…

Словом, промучился я до утра, а когда она, взлохмаченная, выползла на кухню и заявила: «Здорово оторвались!» – я чуть не прибил ее:

– Ты хоть что-нибудь помнишь?!

– Ну-у! – блаженно протянула она. – Ты был великолепен!

Я чуть не задохнулся:

– Ты… ты… То, что бабы оргазм симулируют, это еще понятно. Но вот так! Ты хоть помнишь, что было?!

– А что было? – насторожилась она.

– А ничего! – заорал я.

– Не переживай, – фыркнула она, – с кем не бывает.

А я-то думал, что пик женской логики – это моя мадре. Но Катька ее переплюнула. Так все перевернуть! Пока я думал, как бы ее прибить, чтобы следов не осталось, она спросила:

– А… а с какого бодуна ты мне говоришь об этом? Я ж ничего не помню. Мог бы ходить гоголем.

– Вообще-то это ты с бодуна, а я трезв как стеклышко. Точнее, как цейсовское стекло, изготовленное для микроскопа, в который…

– Стоп, – перебила Катька, – что-то тут не так. Колись.

– Сама колись! – заорал я. – Какого хрена ты меня педиком обозвала и вырубилась? А потом пойдешь трепаться, что я – имп, хотя сама…

– Стоп! – повторила она. Выхлебала стакан воды и попросила все изложить по порядку. Так и сказала. А что было излагать? Но я изложил. И доложил. От себя. В смысле, что я об этом думаю. В смысле, о ней. Она хмыкнула:

– Не бери в голову. У меня это пунктик. Понимаешь, недавно со мной такое приключилось! Один тип все домагивался меня и домагивался. А я как раз была в шоке из-за предыдущего, с

которым разбежалась. Наконец, когда он почти домагнулся, вдруг разоткровенничался, типа того, что я была его последней надеждой на исцеление от предыдущей любви. Это был такой шок, что я как дура спросила: «От кого?» Ну, он замялся, типа, ты знаешь. Я, как дурра в квадрате, стала перечислять общих знакомых. Когда огласила весь женский список целиком, а он все бессмысленно мотал башкой, я, уже как дуррра в кубе, брякнула: «Ты что, гей?»

– Ну и? – не выдержал я.

– Не «ну и», а – «ну да!» – вздохнула она. – Представляешь?! Я зависла. Нет, ты представляешь, я зависла! Меня еще никто в виде таблетки не употреблял!

– Да ладно, все б… женщины тащатся от этого – спасти ведь не помиловать. Вот это – ни-ни! Ну и что ты сделала?

– Приперлась домой, села на крышку унитаза и сказала: «Воистину, Господи, пути твои неисповедимы!»

– Ну, оттуда Бог тебя точно услышал. Теперь ты геефоб?

– Так ты все-таки гей?

Что за сволочная манера отвечать вопросом на вопрос! Пришлось молча доказывать обратное.

– Бисек, – промурлыкала Катька, – а ты ничего! Считай, что экспертизу прошел. В рекомендации от меня можешь не сомневаться.

Она отправилась в ванную, а я подумал, что частица «би» никак не хочет меня отпускать.

Я вспомнил историю с Катькой потому, что стоял на пороге очередной великой любви и очень не хотел опять попасть впросак. Меня ведь и тогда предупреждали, что у Катьки вместо крыльев копыта, но любовь и козла козленочком сделает. Если бы Катька в нашу единственную ночь не огорошила меня, то я точно превратился бы в юное парнокопытное.

Кстати, несмотря на все Катькины ухищрения, я отношения не продолжил. Она пригрозила, что растрезвонит о том, что я бисек, но после школы шантажа, которую я недавно прошел, мне все было нипочем. Так что я только хмыкнул в ответ: «Я всегда в тренде!» Катька увяла и отвяла. Это я так думал. Я был в заблуде, в смысле, заблуждался.

Как оказалось, жизнь если и учит чему, то чему-то не тому. Я убедился в этом, когда понял, кто развалил мой роман.

Ну, в общем, после института я работал в какой-то фирме. Тогда все называлось или фирмами, или объектами. Работал, разумеется, не по профессии (черт, какая же у меня профессия-то?), а по блату. Дед пристроил. Эти бывшие хиппи тусуются как масоны. Все знают, что они есть, но где они есть – никто не знает.

Словом, значился я менеджером не помню уж чего, а на самом деле, видимо, в силу возраста и внешности, был мальчиком «сгоняй за кофе». Когда я признался Деду в этом в ответ на его бесконечные вопросы о том, чем я занимаюсь, он возмутился. Заявил, что порвет своего кореша (Степка, что ли, его сленгу научил?). Позвонил тому и таки порвал! Такого перемата я отродясь не слышал, даже не все понял. Наверное, половина терминов относилась к периоду Дедовой юности, проказы которой не переплюнуты до сих пор, но значение многих терминов утеряно. После этого меня перемещали по трем фирмам, пока не пристроили в очередную с наказом: «Здесь задержишься. Резюме у тебя уже солидное, так что дерзай!»

Так я стал пиарщиком в молодой фирме, у которой и названия еще не было. Рулила всем Алиса, которую, естественно, называли Элис. Я ее боялся, а она меня не переваривала, как, впрочем, остальные семь сотрудников. Ясное дело, они были сертифицированные, а я – «хенд мейд». Я делал все, чтоб меня выперли, но Элис, видимо поняв это, изменила тактику – перестала обращать на меня внимание. Разумеется, и остальные семь сотрудников. С горя я стал шныркать по инету, чтобы разобраться в этой хрени, в смысле, пиаре, о котором я сильно изменил свое мнение, уверовав, что это дерьмо. Оказалось, очень даже забавное занятие, и платят хорошо, если сделаешь имя. То есть с этого и надо начинать – сделать себе пиар, чтобы делать его другим.

Короче, сидел я себе, как всегда, на собраниях (явка обязательна) и шарил по инету. И тут произошел тот случай, который и называют судьбоносным. Видимо, не выдержав наскока Элис о бесталанности сотрудников, Эрик возьми да и ляпни:

– Чуть что, так Косой! У нас, между прочим, есть менеджер по пиару. Пусть хоть раз рот откроет!

Все уставились на меня. Я открыл рот. Подержал сколько мог, потом закрыл и вернулся в инет. Сперва прыснула Катька, потом пошел такой ржач, что пришлось идти за кофе. Принес, раздал всем и спросил:

– Какую тему базарите?

– Не юродствуй, – ответила Элис, – все знают, что ты мальчик из приличной семьи. Закрой рот! (Это он у меня от удивления открылся, когда я про приличную семью услышал.) Можешь придумать название для нашей фирмы?

– А чем мы занимаемся? – спросил я.

Все замолчали, видимо, сочли это за хамство, но я правда не особо заморачивался нашим профилем. Нафиг, если я не собирался задерживаться. Когда все замолчали, я малость

струхнул, думал, обидел их. Элис, надо отдать ей должное, допила кофе и сказала:

– Мы занимаемся пиаром. Точнее, сможем, если раскрутимся. Ну, есть идеи?

– Да, – кивнул я, – «Пираньи пиара». Проще – «ПиПи».

В меня полетели предметы офисной атрибутики. Я припустил к дверям, но Элис крикнула: «Брейк!» – и велела мне вернуться.

– А ведь здорово! – сказала она.

– Особенно «пипи», – нахмурился Эрик, – представляешь, сколько будут над нами издеваться?!

– Вот и проверим себя, – резюмировала Элис и обратилась ко мне: – Может, и слоган придумаешь?

– Из мухи сделаем слона, а из слона – муху, – выдал я.

– Перебор, – сказал Эрик, – зоопарк какой-то.

– Верно, – согласилась Элис, – за тобой слоган. Эрик, сделай из мальчика человека.

Так началась моя дружба с Эриком и любовь к Элис. Тогда я не знал, что в мире пиара, самом иллюзорном из миров, чувства – тоже иллюзия.

* * *

Кстати, раскрутились мы именно благодаря «пипи». Сразу после первого удачно реализованного заказа тиснули пакостную статейку про себя, якобы от лица конкурентов. Нам подфартило в том, что фирма, которую мы раскручивали, принадлежала олигарху Пимену Пименову, хотя и была оформлена черт знает на кого. Все знали, что он страдает из-за своего имени, но изображает, что гордится этим старинным русским (!) именем. Во время презентации, где присутствовал и Пимен (разумеется, в качестве гостя, а не хозяина), я протиснулся к нему и завел светский треп. Он явно был удивлен, но подумал, что абы кто к нему не проскочит, посему милостиво снизошел. Я построил свой спич так, чтобы произнести заготовку: «Меня восхищает ваша благотворительность, адресованная детям. Впрочем, чему удивляться, если в переводе с греческого ваше имя означает «наставник». Ближний круг замер. Еще бы, до сих пор никто не рисковал сказать ему, что «русское» имя вообще-то греческое. А я сказал и был таков. На всякий случай кубарем скатился с лестницы, вырубил сотку и завалился на всю ночь в клуб. Благо завтра на работу идти не было надобности – суббота! Но, как говорится, «человек предполагает, а Бог располагает». Не хотелось, конечно, думать, что два архаровца, возникшие у нас

спозаранку, были от него, скорее, вмешались другие силы. Так или иначе, меня умыли, сунули в джинсы, затолкали в машину и повезли. Одно радовало – Дед был на даче, а то бы он им всыпал по первое число.

Меня довезли до офиса, вынули из машины и предъявили Пимену. Видимо, он с трудом идентифицировал вялый овощ со вчерашним гламурным хлыщом. Я был молод, считал, что терять мне нечего, потому вздохнул:

– Сударь, не соблаговолите ли позволить опуститься до вашего уровня? – Пимен побагровел, и я поспешно разъяснил: – В смысле, сесть, а то голова раскалывается.

– Садись, – разрешил хозяин и кивком отпустил архаровцев.

– В общем, так, – рубанул Пимен, – ты законченный лузер. Нигде больше года не работал, нигде ничего путного не сделал, попытался на новом месте и попал как кур в ощип. Все от тебя открестились, с работы тебя поперли. Вот такая картинка!

Я смахнул несуществующую слезу и жалостливо проблеял:

– А вам зачем такой недотепа?

– А мне уже и не нужен, – хмыкнул Пимен – Меня хоть и считают акулой, но шанс я всегда даю. Один! Я сделал тебе предложение, но ты не сумел его правильно принять. Ты не недотепа, ты лузер и потому заслуживаешь наказания.

– Так лузер и так судьбой пожизненно наказан, чего уж вам время на меня тратить?

– А я и не буду. Я тебе сделаю второе предложение: или ты идешь ко мне на работу на мизерную зарплату, или я подаю в суд на вашу фирму «Пираньи пиара».

– При чем тут они? – вылупился я.

– Слабый ответ, – покачал он головой, – ты ведь не хочешь, чтобы Элис затаскали по судам? Ты ведь неровно к ней дышишь.

Это он напрасно сказал – ненавижу, когда меня загоняют в угол, особенно на личном. Я посчитал до одного, скривил фейс в самой своей циничной ухмылке и сказал:

– А ведь это и был мой гениальный план – доказать, что пираньи способны сожрать акулу. Что ж, пусть пробуют без меня. Так что, с вашего позволения, теперь я сделаю вам предложение: я поступаю к вам в рабство – без зарплаты. На год. А на пираний подавайте в суд!

Только ради того, чтобы увидеть, как у него отвисла челюсть, стоило сморозить эту чушь. И еще ради того, чтобы увидеть, как в его глазах появилось что-то вроде уважения, которое он быстро стер. Похоже, я его сделал!

– По рукам! – сказал он. – И не думай, что я тоже буду играть в благородство и накину тебе зарплату.

– А с чего вы взяли, что я играл в благородство? Зарплата… Фигня! Вот когда через год вы будете предлагать любые деньги, только чтобы я остался, вот тогда поймете!

Я встал. Меня трясло. И вовсе не из-за этого прохиндея. О моих чувствах к Элис знал только Эрик, и если теперь в курсе даже Пимен, то… Ладно, месть оставим на десерт.

– С понедельника выходи, – буркнул Пимен. Видимо, он понял, что со мной что-то не то, и, хотя не мог догадаться о причине, вычислил, что переигрывать не стоит.

В понедельник я вышел на работу, а юристы Пимена начали тяжбу с «пираньями». Я умело рулил процессом в СМИ, примерно раз в месяц подогревая ажитож. Вначале «пираньи» держались. Потом по одному звонили мне и пытались воззвать к моим чувствам – разным. Я отвечал односложно:

– У вас есть тринадцать сребреников, откупайтесь.

Катьке я сказал другое:

– Даже трахнуть тебя неохота!

– А Элис? – спросила она. Я дал отбой. Элис не звонила. Только поэтому я решил их пощадить. Хотя нет, я подумал, что даже акула Пимен дает один шанс, неужели я акулей него?!

Кстати, Пимен был очень доволен мной. Я работал от души, и благодаря конкретно мне несколько его дохлых предприятий и затей раскрутились так, что меня стали сманивать конкуренты. Наверное, Пимен когда-то не сдержался и где-то ляпнул о моем «предложении, от которого он не мог отказаться». Так что меня знали. Но я не продавался. Принципиально ходил в суперзатрапезном виде – мол, живу как могу (я и впрямь был на иждивении Деда). Пимен выписал мне новогодний бонус. Я отказался. Пимен вызвал меня и сказал, что я осел. Я ответил, что он не прав, я не осел, а лузер. Пимен уткнулся в бумаги. К концу срока моего рабства я выкинул фортель. Дал интервью крутому мужскому журналу Кстати, многие меня домогались, но я считал, что время не пришло. Теперь оно пришло!

* * *

В общем, я не сделал никаких сверхъестественных открытий – просто на очень конкретных примерах доказал две истины, опровергающие то, что якобы Интернет, СМИ, всевозможные свободы сделали мир более открытым. На самом деле избыток информации минимизировал возможность ее достоверности. Это во-первых. А во-вторых, виртуальный мир все-таки стал реальностью.

Это мы – пиарщики, имиджмейкеры, политтехнологи – малюем черные квадраты, а пиплу остается, разинув рот, хавать их и причмокивать: «Гениально!» И пусть тот, кто скажет: «А король-то голый!» – первым бросит в меня камень! Мир отнюдь не таков, какой он есть. Мир такой, каким его насаждают в сознание.

– «Пираньи пиара», – вещал я, – выиграли пари – они продержались, хотя их чморили целый год. И пусть кто-то скажет, что, «сделав себя», они не «сделают» других! – Я сделал паузу, и обескураженный ас интервью попал в нее, как все тот же кур в ощип.

– Не понял, – встрял он. Еще бы, он же не прошел школу моей мадре и не знал золотого правила выхода из угла. Потому топал в привычном направлении. – Вы что, с «пираньями»? Они же потопили вас!

– С чего вы взяли? – хмыкнул я. – За это время я раскрутил три благотворительных фонда, провел два аукциона и вытащил из дерьма две фирмы.

– Так это все принадлежит…

– Коллега! – прервал его я. – Еще одно слово, точнее, имя, и вас затаскают по судам.

Он сглотнул, открыл рот, закрыл его и только после этого я сказал:

– Ну, вот и славненько.

Я все сделал правильно – время подошло к финишу Даже если бы его осенила гениальная мысль, было поздно – начало новостей могло сдвинуть разве что начало войны. А она давно началась. Просто без сакраментального «Иду на вы!». Да и то, скорее всего, придуманного нашими предками-пиарщиками.

* * *

– Сукин сын! – сказал Пимен.

– Свободный сукин сын, – внес я коррективу.

– Ты не просто лузер, ты влюбленный лузер, а это уже полное би!

Я сглотнул слюну, и он, довольный, продолжил:

– Буду честен, не знаю, чем тебя эта частичка так достает. Я все про нее прочитал во всех науках. Ничего тебе не подходит. Ты даже не бисек, обыкновенный натурал, но я тебе покажу!

– За что? – искренне удивился я. – Ну, посмеются немного, да и забудут. Зато какой успех был у вчерашнего спектакля вашего фонда! Билеты брали за двойную цену. Нормальный пиар. А если забыть про скромность, так просто прекрасный. Право, я

заслуживаю благодарности.

– И ты ее получишь! – злобно прошипел он. Дверь распахнулась, и два архаровца внесли аквариум, в котором плескались гадкие рыбешки. Я дернулся и заорал, совсем как в первый раз.

– Снимите туфли, – буркнул Пимен. Я сделал рывок к двери, но меня схватили две пары стальных рук. Я извивался как червь. Вошел третий громила. Я сконцентрировал все силы, чтобы не обмочиться. Громила прошел мимо меня, присел и снял с Пимена обувь. Я ничего не понимал. Я был загнан в угол и не мог применить правило антимадре. Я завис!

Между тем Пимен прошлепал к аквариуму, сел на стульчик и аккуратно опустил ноги в аквариум. Я наконец потерял сознание.

Когда я пришел в себя, увидел над собой три рожи – Пимена, одного из архаровцев и доктора.

– Слава богу! – вздохнул Пимен и перекрестился. Я ничего не понимал. Доктор дал мне что-то выпить. Мне полегчало, и я сел. Первое, что я увидел, был проклятый аквариум.

Меня затошнило, и я решил снова отключиться.

– Идиот! – заорал Пимен. – Ты что, никогда не слышал про массажных рыбок?

– Чиво? – тупо спросил я.

– Таво! – в тон ответил Пимен. – Рыбки такие, пилинг делают на пятках.

– Сукин сын! – сказал я, не успев испугаться. В кабинете повисла тишина. Пимен побагровел, потом сказал:

– Меня уже лет двадцать никто так не называл. Но это не лесть, просто у тебя отходняк и рефлексы тормознутые. А то фиг бы ты рискнул. Так?»

Я кивнул. Он кивнул в ответ и зыркнул на двоих свидетелей. Те дружно кивнули и вышли.

– Какого хрена вы замутили эту бодягу? – спросил я, когда мы, сидя рядышком, болтали ногами в аквариуме, наблюдая за сосредоточенной работой рыбок, шлифующих наши пятки.

– Тебя проверял.

– И что?

– Все-таки ты… из приличной семьи. Если тебя… конки прищучат, пасть раззявишь, как сом.

– Какая-то рыбная у нас беседа.

– Почти по Шекспиру, – кивнул Пимен и процитировал монолог Гамлета, где тот говорил о Полонии, червяке и рыбе. У меня отвисла челюсть. Пимен за пару часов удивил меня больше, чем за весь предыдущий год.

– Какого хрена вы на людях придурка играете? – возмутился

я.

– Видишь ли, не только положение обязывает, но и рожа. Рожа-то у меня исконно русская, вот я и изображаю самодура. У нас ведь таких особенно уважают. Боятся и уважают. Особливо в трудную годину. А девяностые и были такими.

– Какой-нибудь придурок-имиджмейкер наплел?

– Не придурок, – серьезно сказал Пимен, – дельный был парень и все правильно просчитал. Двадцать лет назад точно сработало. И сейчас работает.

– Нет, – возразил я, – то есть, наверное, тогда он был прав, но сейчас это уже не в тренде. Я бы вам советовал резко сменить имидж. Выучите английский…

Он перебил меня. На английском, потом перешел на французский. Когда дошел до арабского, я уже ржал так, что рыбки в страхе заметались по аквариуму. Отсмеявшись, я спросил:

– Так вы что, свою игру со мной играли?

– А то! – хмыкнул он. – Ну, с какой цифры начнем торг, свободный человек?

– Нет, – покачал я головой.

– Что так? Ты ведь не знаешь стартовой цены.

– Я с друзей денег не беру, – сказал я, подумав, что Дед гордился бы мной до посинения. Пимен не повернул ко мне головы, но я чувствовал, что он лихорадочно ищет выход из угла. Все-таки я был для него обслугой. Вдруг он наклонился, сунул палец в аквариум и выдернул его – видимо, куснули больно. Я понял его ответ. Мы почти одновременно вытащили ноги из воды, обтерлись и обулись. Я пошел к двери и, уже взявшись за ручку, повернулся к нему:

– Спасибо за все. Я многому научился… у вас. – Я уже почти вышел, когда услышал его ответ: «Передай привет Деду!» Мне стоило огромных сил, чтобы не развернуться и не наделать глупостей. Но я уже вырос, поэтому кивнул, не оборачиваясь, и вышел. В конце концов, Пимен ни при чем, а с Дедом я разберусь.

* * *

Не получилось! «Яблоко от яблони…» – или наоборот? Хотя это сюр – яблоня от яблока. Но Дед ловко обходил все мои обвинения. Глядя на меня честными глазами, он повторял, что никак не возьмет в толк, в чем я его обвиняю. Он просто в очередной раз пристроил меня на работу через своих старых знакомых. Откуда ему было знать, что у меня с Пименом так

сложится? Он знать не знал Пимена. Знакомый похлопотал. Психолог. Светило, между прочим. Наплел что-то про Фрейда, комплексы, мадре, безотцовщину и принял решение. Остальное – дело техники. Ну и что оставалось делать?

И что я взъелся на Деда – единственного человека, который меня разве что не родил, а во всем остальном был мне надеждой и опорой?! Я обнял его. Дед потерся об меня, потом сказал:

– Я приготовил славный ужин – форель, запеченная в вине.

– Нет! – заорал я. – Никакой рыбы! Даже по четвергам!

– Я пошутил, – мило улыбнулся экс-террорист, – у нас седло барашка и отличное вино.

Мы сели за стол, и я поднял бокал:

– Дед, ты лучшее, что судьба могла мне дать. Я вусмерть тебе благодарен. Только… Я вырос, не устраивай больше меня на работу.

Он кивнул и сказал:

– Кстати, Элис звонила.

Я застонал. Ну какого черта я решил не быть жестоким и вместо «не устраивай больше мою судьбу» выдал смягченный вариант: «Не устраивай больше меня на работу»?! Дед, как ни в чем не бывало, протянул мне вазочку с салатом. Этот раунд он выиграл.

* * *

День начался плохо. Явилась мадре. Я подумал о мудрости Деда, в свое время купившего ей квартиру и выписавшего ее из нашей. Причем предусмотрительный змий как-то так оформил документы, что продать свою квартиру она не могла. Это исключало возможность ее вселения к нам. Но мадре периодически притаранивалась к нам на побывку. Надо отдать ей должное, она не изображала соскучившуюся мать или дочь, напротив, всем своим видом демонстрировала потребность в участии. Из чего следовало, что она разбежалась с очередным козлом. Любимой книгой мадре был «Театр» Моэма, и в периоды «возвращения блудной дщери» она входила в роль Джулии Ламберт, хотя больше смахивала на Элис Крейтон.

Отобрать ключ у мадре Дед, к сожалению, не рискнул, считая, что это жестоко и неинтеллигентно. Так что она являлась как к себе, без предупреждения, совершенно не заботясь о том, в каком виде может застать двух здоровых мужиков. Ну, не обоих сразу, но одного – точно. Словом, явилась она совсем некстати. После ухода от Пимена я еще валялся на тахте, не зная, как жить

дальше. Дед от меня отстал и по своему интеллигентству даже не делал попыток на намек о моем иждивенчестве, перевалившем за год. Мы и без того были в напряге. Дело в том, что на мой день рождения нежданно появился один из архаровцев Пимена с подарком. Ключиками от новенькой «Феррари». ФЕРРАРИ! И полным комплектом документов на его («Феррари», а не архаровца) принадлежность мне.

И Остапа понесло. В смысле, меня. Я орал как мартовский кот. Дед с архаровцем изумленно таращились на меня. Под конец я метнулся к окну, чтобы выбросить ключи, которые архаровец ни в какую не хотел относить обратно. Остановил меня голос Деда:

– «Идиот». Настасья Филипповна бросает деньги в камин.

– Дед, – тихо сказал я, – а ведь ты перегнул.

– Тебя волнует, что молодой человек не читал Достоевского и может решить, что это я тебя назвал идиотом?

– Я сериал смотрел, – хмуро заметил архаровец.

– Вот видишь, лубок – в какой бы форме ни был, – он для массового просвещения.

Потом улыбнулся архаровцу и настоял на том, чтобы тот отведал его фирменные пирожки. Я слушал их милую беседу и понимал, что ненавижу весь мир, включая Деда.

Когда, проводив архаровца, Дед вернулся в комнату, я применил два приема: «лучшая защита – это нападение» и «золотое правило угла».

– Я еврей? – спросил я, не дав ему начать проповедь о хороших манерах. С удовольствием отметил, что он, как и мадре, ошалел от такого неожиданного разрыва пространства.

– С чего ты взял? – наконец спросил он, суетливо собирая посуду. Время тянул, собираясь с мыслями.

– Ты знал моего отца?

– А тебе не ведомо, что у евреев национальность определяется по матери?

– Так моя мать еврейка?

– Ты совсем спятил?!

– В смысле, может, ее мать, которая нам неизвестна так же, как и мой отец, евреи. Такое возможно?

Я заметил, что он напрягся и как-то сжался. Как-то не так, как обычно реагировал на эту тему. Может, почувствовал, что впервые не понимает, куда я гну. Моя месть раздувалась и ширилась. Мне не было его жаль. Он опять влез в мои дела и выставил… ладно, не идиотом, но дураком перед каким-то козлом.

– Ты что, юдофоб? – ухмыльнулся я.

– С чего ты взял? – устало спросил Дед.

– Значит, я все-таки еврей? – дожимал я.

– Что за странная логика? – вздернул он бровь.

– Ничего странного, – резюмировал я. – Я задал тебе штук семь вопросов, и на каждый из них ты ответил вопросом же. Это же чисто еврейский прием.

– Бред! – облегченно вздохнул он. – Некоторые утверждают, что это типично женский метод ухода от ответа.

– Возможно, – согласился я, – но на типичную женщину ты никак не тянешь, значит, все-таки еврей.

– Ну, раз тебе приспичило, с сегодняшнего дня будь евреем, – как-то легко согласился он. Я понял, что Дед интуитивно разомкнул пространство и выскользнул из угла. Видимо, он ждал чего-то другого, но я где-то свернул на безопасную для него тропу.

Мы разбрелись по своим углам. Но с того дня наши отношения вступили в абсолютно непривычную для нас форму натянутого конформизма.

* * *

В апофеозе самостоятельности я устроился официантом в ресторан. Дед никак не прокомментировал это. К тому же он дал слово. Все-таки, в отличие от многих, он не забывал о вольнице своей молодости. И тут явилась мадре. Была она какая-то странная. Вяло поинтересовалась, как у меня дела. Я гордо заявил, что устроился официантом в один из лучших ресторанов города. Она воззрилась на меня и… шлепнулась в обморок. Сползла со стула на пол. Я, признаться, не на шутку перетрухал. Деда-то дома не было. Пришлось самому приводить мадре в чувство. От ужаса не помню, как мне это удалось. Наконец она оклемалась и возлегла на диван.

– Ты что, мадре, – проникновенно начал я, – ты же не сноб. Стоило шлепаться в обморок из-за такой ерунды! Сегодня – официант, завтра – ресторатор, а там, глядишь, и… – Она не дала завершить мне карьеру даже на словах.

– Я сделала аборт, – сообщила она, и по ее щеке чуть не скатилась слеза.

Я был в шоке! Откуда мне знать, как должен сын реагировать на подобное заявление блудной мадре? Наверное, потому тупо спросил: «Зачем?» Она с секунду смотрела на меня, словно впервые узрев какую-то диковинку, а потом ответила: «Хватит с меня одного… официанта».

Как я не удавил ее диванной подушкой, до сих пор не

понимаю. Но самое ужасное, что после своего заявления она встала и молча покинула дом. Не ушла, а именно покинула! Я был так свиреп, что не стал ее останавливать. Даже мысль о том, что она может где-то опять потерять сознание, не… Впрочем, ложь! Именно поэтому я молча потопал за ней. Отобрал ключи, когда она собиралась сесть в машину. Довез ее до ее квартиры. Подниматься не стал. Дождался, пока увидел свет в окне, поймал такси и отправился в клуб. Нервы были на пределе. Я даже подумывал о том, чтобы съехать от Деда на квартиру. Достали шизанутые родственники! Потом передумал. Не из чувства благодарности к Деду, нет, у меня созрел план мести.

* * *

Дед ойкнул и посмотрел на палец. «Извини, – сказал я, протягивая ему салфетку, – забыл предупредить, что поточил ножи».

Дед молча кивнул, хотя на лице его читалось: «С чего бы?!» Действительно, тяги к хозяйствованию у меня отродясь не наблюдалось, и он давно перестал меня просить даже заскочить в магазин, если сам вдруг что-то забывал купить. Я взял нож и принялся дорезать помидоры для салата. Когда Дед с подносом направился в комнату, я живо подскочил к мусорке, схватил салфетку с пятнами крови, сунул ее в целлофановый пакет, который с любовью пристроил в кармане брюк. Я даже не испытывал тошноты, а ведь обычно меня мутило при виде крови даже на экране. Да, странная штука месть…

Бросив Деду, что меня срочно вызывают, я кинулся вниз, оседлал «Феррари» и помчался в лабораторию генной экспертизы, где загодя через знакомых устроил себе блат. Сдал образец Дедовой крови, пару его волосков и аналогично свое. Оставалось только дождаться результатов.

Только в машине на обратном пути нервное возбуждение последних дней резко оставило меня, отдав на откуп апатии. Какого хрена я все это затеял?! Чего я добиваюсь на самом деле?

Мне ведь пофиг – еврей я, русский, татарин, армянин.

Да, я вдруг абсолютно точно осознал, что мне глубоко наплевать, кто я. В смысле, по национальности. Конечно, в какой-то мере она определяет религиозную идентификацию, но, черт побери, если быть честным, я принадлежу к конфессиональному большинству XXI века, именуемому потребизмом. Продюсеры, пиарщики, дизайнеры, имиджмейкеры, политтехнологи – к какой бы религии мы ни относились де-юре, де-факто мы все адепты

новой религии, пока еще стыдливо скрывающейся в катакомбах. Ибо именно мы – ее апостолы – творим этот новый виртуальный мир, еще окончательно не вырвавшийся из кокона старого, именуемого реальным. Да, мы, а не долбаные компьютерщики и программисты, создаем реальность, ибо миллиарды уродов, считающих, что оторвались от постылой реальности, потому что погрузились и загрузились, не осознают, что все равно создают «свой мир» по нашим лекалам!

И вот я – внук старого хиппи, сын плода сексуальной революции – вдруг решил докопаться до истины! Какая на хрен истина в мире, меняющем свои ориентиры и ориентацию?! «Оп! – подумал я. – Лестница Мебиуса! Вот что такое наш мир, где сплелись виртуальность с реальностью. Именно лестница, а не лист, ибо, подымаясь по одной ее поверхности, ты спускаешься по другой, оказавшись…»

– Стоп! – одернул я себя. – Ты не физик! Ты даже не помнишь, как точно называется твоя профессия, потому что забыл, какой окончил институт. Ты зашвырнул на чердак свой диплом, понимая, что он тебе на фиг никогда не понадобится, разве что со спокойной совестью ставить плюс в резюме в графе «высшее образование». Ты ведь занимаешься совсем другим делом, потому что… – «Хватит! – взвыло подсознание, – сползи со своей лестницы Мебиуса! Ты думал совсем о другом! Ты…»

Я вжал тормоза так, что, казалось, они пробили днище моего авто. Это и спасло мерзкую собачонку, вознамерившуюся удрать от своей хозяйки и перебежать дорогу прямо перед моим носом. Точнее, носом моего красавца. Придурок, почти въехавший в мой зад, точнее, в зад моего красавца, выскочил из своего ублюдочного джипа, подскочил ко мне и стал орать. Естественно, собралась толпа. Придурок выволок-таки меня из машины. Продолжая орать, он показывал на свою, на которой, ей-богу, не было даже царапины. Я послушал-послушал, потом собрал волю в кулак и въехал мерзавцу в морду Впрочем, это я, конечно, загнул. Я хотел это сделать, но он на миллиметр отодвинулся, и я всей своей тощей мощью въехал в его машину. Представляю, какое жалкое зрелище я представлял. Но мне, похоже, этого было мало, я распрямился, отряхнулся и повторил маневр. Эта сволочь повторила свой. Я снова врезался в капот. Ржач стоял такой, что… Я отряхнулся, собираясь к третьей попытке. Мерзавец не стал уклоняться, так что мой кулак достал-таки его фейс. Но даже я понял, какой это ничтожный удар. Я не успел до конца ощутить всю сладость своего позора, как мой противник приложился ко мне. Перед тем как потерять сознание, я услышал его слова: «Все видели, что я ответил только на его третью попытку!» И это был

финиш моего позора, ведь публика аплодировала ему. Ему! Всем было плевать, что я спас собачку, толпа жаждала зрелища, и она его получила.

Я пришел в себя от собачьего лая. Открыл глаза и зажмурился. Снова открыл. Все верно: я валяюсь на переднем сиденье моей машины, за рулем потрясающая чувиха (лексикон Деда), а сзади надрывается пес. И поворачиваться не стоило, чтобы понять – та самая подлая собачонка.

– Привет! – сказала девчонка. – Извините, что так вышло. Пока я выходила из своей машины, Лу бросился через дорогу. Спасибо, что не раздавили его. И простите за все последующее. Вы вели себя как истинный джентльмен!

– Ненавижу! – прошамкал я, ощущая опухшесть губ.

– Понимаю, – кивнула девушка, – мы с Лу заслужили это.

– Не вас, – скривился я, – Деда и мадре. Вместо того чтобы забивать мне мозги заумью, отдали бы на каратэ.

– А сами не могли? – спросила девушка.

– Вы мешаете раздуваться моей ненависти, – буркнул я.

– Ну, раз вы пришли в себя, мы, пожалуй, можем покинуть вас. Оставайтесь с вашей… ненавистью.

Она остановила машину и, повернувшись, взяла гаденькую собачонку с заднего сиденья, собираясь выйти.

– Подождите, – сказал я, – раз уж вы обозвали меня джентльменом, позвольте оставаться им. Довезу вас до вашей машины. Кстати, спасибо, что… увезли меня с поля боя. А то зеваки надругались бы над моим трупом. Да, а как вы узнали, куда меня везти, – наконец дозрел я, увидев, что мы тормознули аккурат возле нашего дома.

– Влезла в бардачок, – лаконично известила она. – А подвозить не надо, на такси доберусь.

– Подожди, – тормознул я ее, – пошли к нам, выпьем чаю. И не бойся, сегодня я ни на какие подвиги уже не годен. Так что просто выпьем чаю… в знак прощения. Ты ведь христианка?

С секунду поколебавшись, она кивнула и вышла из машины. Вообще-то я проверял ее реакцию на мой переход на «ты». Нормально. Кажись, она классная, хотя расслабляться не стоит. У меня другой план. Мы молча поднялись на наш седьмой, я открыл дверь. Лу тявкнул. Из кабинета показался Дед. Вытаращил глаза. То ли от общего вида нашей компании (мы уговорились баб домой не водить, если точно не договорились, что второго дома не будет), то ли он опупел конкретно от моего вида. А я, подозреваю, выглядел как… не знаю как, до зеркала я еще не дошел.

– Лиза, – представилась девушка.

– Алекс, – протянул ей длань Дед.

– Мика, – сказал я, решив, что политес должен быть выдержан до конца.

– Очень приятно, – сказал Дед Лизе и повернулся ко мне, – чего не могу утверждать в твоем случае.

– Это вы напрасно, – вступилась за меня Лиза, – ваш сын…

– Я не сын, – встрял я, – у меня нет родни. Я подкидыш. Эти добрые люди усыновили меня. Хотя в случае с… Алексом… он меня увнучерил.

– Подумать только, – сказала Лиза, – точнее, никогда бы не подумала! Вы так молодо выглядите.

Кстати, Дед действительно выглядит охрененно. Типичный Джереми Айронс. Студентки виснут на нем гроздьями, причем я ему не конкурент, более того, пару раз мои чувы чуть не перекидывались на него. Но у нас с Дедом было джентльменское соглашение – ни одна юбка не стоит того, чтобы нас развести.

Лиза, конечно, не в счет, она не была моей девушкой, но то, как она смотрела на Деда, подогрело мою ненависть к нему. Я уже собирался сказать гадость, как Дед, словно почувствовав это, произнес:

– Что ж мы стоим здесь? Лиза, вы проходите в комнату. Пока Мика приведет себя в порядок, я приготовлю чай. Или вы предпочитаете кофе?

– Давайте я помогу вам, – улыбнулась Лиза, и эта сепаратная парочка прошествовала на кухню, даже не предложив мне помощь. А могли бы, ведь я был побитый джентльмен. Я протрусил в ванную, на ходу пнув мерзкого Лу. Обиженно тявкнув, тот протрусил на кухню.

Когда я присоединился к компании, Дед, очевидно, уже выслушавший рассказ Лизы о давешнем происшествии, посмотрел на меня с нежной гордостью, почти как в прежние времена. Но я не был готов к прощению, тем паче что не знал, к какой религии принадлежу. Дед стушевался и задал дурацкий вопрос:

– А чем вы занимаетесь?

– Работаю в музыкальной школе.

– Охренеть! – вырвалось у меня.

– Почему? – удивилась Лиза

– Я даже забыл, что есть такая профессия. Вокруг одни дизайнеры, менеджеры, адвокаты, финансисты, мерчендайзеры…

– Но ведь Алекс химик.

– Так ведь ему поздно переучиваться, – ехидно заметил я. Дед подобрался, он, как и я, не выносил, когда его загоняли в угол. А возраст – это единственный угол, из которого пространство не

прорвать.

– Ты не прав, – ухмыльнулся он, – как декан факультета и секретарь Академии, я являюсь топ-менеджером.

– А ты чем занимаешься? – спросила Лиза, на лице которой читалось: «1:0» в пользу Деда.

– Официант, – буркнул я, – так что негоже мне со своим свиным рылом да в ваш калашный ряд.

Дед хотел что-то сказать, но Лиза улыбнулась, поблагодарила за чай и сказала, что ей пора. Старый ловелас, естественно, вызвался ее подвезти. Она, естественно, не стала отказываться, и вся троица покинула кухню. Я остался сидеть, злой как пес. Если бы Лу вернулся, я бы, ей-богу, с удовольствием полаялся с ним. Но вернулся Дед. Причем аж через час! Можно было не ломать голову, на что он его потратил.

– Что происходит? – спросил он тоном, каким не говорил со мной после седьмого класса, когда объявил, что я являюсь свободной и равноправной личностью.

– Чиво? – спросил я.

– Прекрати говорить на компьютерном жаргоне.

– Почему? – удивился я и сам ответил: – Потому что я из приличной семьи? Алекс (кстати, я впервые назвал Деда так и с удовольствием отметил, что он передернулся), а ведь из нас двоих ты куда более крутой пиарщик. Это ж надо суметь внушить всем, что наша аморальноприбабахнутая семейка – приличная. И ведь все верят.

– Ты похож на Швондера, – вдруг заявил Дед, – все время что-то вынюхиваешь. Что ты хочешь узнать? Кем был твой отец, я действительно не знаю. Может, и иудеем. Что это тебе дает или чего лишает? И почему это не трогало тебя в детстве, когда трогает нормальных детей, и волнует сейчас?

– Может, из-за детей. Моих.

Было видно, как у Деда трутся мозги, да так, что искры вот-вот заискрят. Похоже, он пришел в ужас от перспективы увидеть правнуков, которых он уже записал в очередной фамильный приблуд. Раньше я бы его успокоил, мол, имею в виду будущих детей. Но сейчас во власти мести я этого делать не стал. Встал, собираясь выйти, но он остановил меня.

– Раз тебе так понадобился скелет в шкафу, один могу тебе дать. Я не знаю, моя ли дочь твоя мать или… Мы тогда жили коммуной.

– Охренеть! – вырвалось у меня, когда челюсть вернулась на место. – А… а зачем ты тогда…

– Я любил ее мать, – ледяным тоном заявил Дед. – Что касается тебя, то твоя мать действительно была беременна.

Правда, рожала в другом городе и к нам пришла уже с тобой. – Он направился к выходу из комнаты, но в дверях остановился и сказал: – А уж ее ли ты сын или тебя подменили… не знаю. Этот скелет в ее шкафу. Ищи там.

Он вышел, оставив меня в ярости. Нет, хуже! Я чувствовал себя жалким подкидышем. Со всех сторон мое происхождение было опорочено сексуальной революцией. Мало этого, так Дед, откинув свою рафинированность, решил принять мой вызов и отвечать адекватно. Или эквивалентно, все-таки он химик. Так он еще вздумал переиграть меня!

Я решил, что женюсь только на девице – в самом физиологическом смысле этого слова. А до этого отомщу Деду. Осталось совсем ничего – через два дня я узнаю результаты экспертизы, и тогда…

Идиот! Какой же я идиот! А если я не внук Деда, то какая же это месть?! Выходит, он кругом благородный – удочерил приблуд своей жены, вырастил эту шизофреничку, мою мадре, так еще и такого дегенерата, как я, пригрел на своей шее. Проклятая лестница Мебиуса! Вот оно как – я шел по одной поверхности вверх и оказался внизу другой, переходящей в первую. Как мне теперь вырваться из этого?! Я вдруг вспомнил, как мальчишкой, отдыхая летом в деревне, нашел оригинальный метод вывести из хаты муравьев. Нарисовал вареньем странную спиралевидную фигуру. Она начиналась на полу, по стене продолжалась до потолка и там завихрялась, не имея выхода. Муравьи стройными рядами ползли по сладкой дорожке вверх, попадали в капкан на потолке, кружили в его недрах до тех пор, пока один за другим не падали замертво. Я так и не понял, почему они не выходили из этого замкнутого пространства и просто не спускались вниз. Сейчас я был одним из этих муравьев, тупо идущим до конца. А в том, что результат экспертизы будет моим концом, я не сомневался.

* * *

Я подошел к столику и протянул меню. Обычно я разглядываю клиентов, по старой памяти продолжая строить психологические портреты. Но сегодня мне было не до того, завтра я должен был получить результаты генетической экспертизы, но до сих пор так и не решил, зачем мне это понадобилось и что с ними делать. Так что мое внимание было на нуле. Поэтому, услышав: «Какой карьерный рост!» – я даже не понял, что это относится ко мне, продолжая с тупым умилением

ожидать заказа.

– Куку, Гриня, – донеслось до меня. Почему-то эта фраза вывела меня из внутреннего мира во внешний. И, как показало дальнейшее, весьма напрасно. Ко мне обращался Пимен – собственной персоной. Я еще не решил, как себя с ним вести, но его реакцию на мое предложение хорошо помнил. Поэтому, согнувшись в три лакейские погибели, прошелестел:

– Чего изволите, ваше сиятельство? Не угодно ли отведать осетра? Отменно изготовлен.

– Кончай придуриваться, – хмыкнул Пимен, – садись, есть дело.

– Не могу-с, не положено-с, я при исполнении. Так что не извольте гневаться.

Пимен гордо, словно демонстрируя свое чадо, посмотрел на одного из компании и развел руками:

– Ну, Гриша, я ж говорил тебе, что он придурок! Его Альбах к себе звал, а он здесь окантовался.

К нам подошел менеджер зала, видимо, мое затянувшееся присутствие возле стола таких персон показалось ему подозрительным.

– Все в порядке? – льстиво улыбаясь, спросил он. Я удивился тому, как он умудрился улыбаться так, что каждый из присутствующих относил эту улыбку именно к себе.

Разумеется, кроме меня.

– Да, – рубанул Пимен, – за исключением одного. Мне надо поговорить с этим… юношей, а он утверждает, что это не положено.

– Он прав, – на полном серьезе ответил менеджер. – И я даже не стану говорить, что ради таких гостей готов нарушить правила. Иначе вы перестанете уважать наш ресторан. Поэтому поступим иначе. Вас обслужит другой официант. За это время Мика переоденется и подойдет к вам.

Признаюсь, я был потрясен таким тонким букетом собственного достоинства и лести, которая была столь тонко дозирована, что выглядела как уважение. Очевидно, Пимен и сотоварищи тоже оценили это. Словом, через пару минут я в цивильном уже сидел за их столиком.

– Мой друг (он кивнул на сидевшего от него справа мужчину лет под сорок) – владелец компании, поставляющей икру. Сам понимаешь, на этом рынке трудно пробиться. Его продукции нужна раскрутка. Я рекомендовал тебя.

Сказано было так, словно монарх представлял другому монарху своего гениального композитора.

– Возьмешься? Для начала нужен слоган.

– Подожди, Пимен, – вмешался икорных дел мастер, – может, парень не согласен на условия.

– Какие условия?! – искренне изумился Пимен. – Ты что, не видишь злобный блеск его глаз? Он готов нас самих перемолоть в икру. Ему надо выплеснуть ненависть. А тут мы. Он согласится. Так?

– «Не хлебом единым», – сказал я.

– В каком смысле? – спросил икродел.

– Слоган! – хмыкнул Пимен. – Круто! Баночка икры и надпись: «Не хлебом единым».

– Ты что, Пимен, хочешь, чтобы меня анафеме предали? Я же мусульманин. Представляешь, что со мной сделают твои собратья по вере?

– Защищайся, – обратился ко мне Пимен, – я поставил на тебя.

«Вот сука!» – подумал я, а вслух сказал:

– Вы же хотите раскрутиться. Без скандала не обойтись. Время, когда бренды ковались годами, прошло, нынче время скачет, плюя на законы физики. Вам не пробить стройные и плотные ряды конкурентов с вековым именем. Вам нужен скандал. Если, конечно, качество вашего продукта того стоит.

– Стоит, – серьезно ответил икровед. – Кстати, меня зовут Эльдар Абрамович.

– Абрамович? – переставив ударение, спросил я, уж больно не стыковались имя и отчество.

– Абрам – библейское имя, – не реагируя на мой дурной тон, сказал Эльдар. – Оно встречается не только у евреев.

– Простите, господин Мамедов, – сказал я, – мне следовало узнать вас. Владелец нефти, пароходов и осетров, конечно, должен был добраться до икры. Я настаиваю на своем слогане. Иначе скучно. Скука – не мое.

– Я подумаю, – кивнул Мамедов, – теперь об условиях.

– А это уже с ним, – кивнул я на Пимена, – это ведь он посредник в… нашем деле.

Я встал, кивнул и прошествовал на кухню. Пимен чуть не задохнулся. Так этой сволочи и надо! Не хотел быть мне другом, пусть походит в мелких посредниках.

Через неделю все соцсети и СМИ изрыгали праведный гнев и ярость на икорную компанию, выпустившую свой продукт с пресловутым слоганом. Я было кинулся звонить Пимену, что это беспредел даже для такого, как он! Надо же, воспользовался моей интеллектуальной собственностью, даже не заключив со мной контракт. Но потом передумал. У меня была проблема посерьезней. Я получил результаты экспертизы. Уже два дня я

ходил вокруг конверта, не решаясь вскрыть его и не зная, что с ним делать. Наверное, это мое раздрызганное состояние и помешало мне адекватно прореагировать на следующие события.

Началось все вечером в ресторане. Парочка, сделавшая заказ, выглядела вполне милой. Когда я ставил перед дамой суп, она сделала какое-то неловкое движение, и он выплеснулся на ее блузку. Она вскрикнула. Я замер, не зная, что делать, и даже не заметил, как менеджер оказался рядом. Кажется, он искренне сопереживал. Все, к счастью, обошлось, капля, попавшая на блузку, была ничтожной, хотя сам факт – вопиющим. Вылететь бы мне без выходного пособия, но дама честно признала свою вину. Тем не менее, менеджер еще раз извинился и отошел. Когда пара попросила принести счет, он сам подошел к ним и сказал, что ужин отнесен за счет заведения. Мужчина категорически не согласился, заявив, что его моральный кодекс (!) запрещает подобное. Так как я стоял бревном рядом, то слышал их перепалку.

– Оставьте, – вмешалась наконец дама, – все это мелочи. Лучше скажите, во сколько Эльдару обошелся ваш слоган?

– В нуль. Мы не заключали контракт, – ответил я и только тут понял, какими высокими профи была эта парочка. Как же лихо они все разыграли, как усыпили мое сознание и сработали на подсознании! Но рвать на себе волосы было поздно. Оставалось только надеяться, что все обойдется. Как же, обошлось!

На следующий день в одной из самых читабельных газет появилась душещипательная статья о том, что мало того, что мусульмане надругались над Евангелием, так еще и не заплатили автору слогана.

А днем отгавкнулись соцсети. Меня называли новым Иудой, который даже тридцати сребреников не стоит, христопродавцем и так далее. Призывали бойкотировать икру. А параллельно смыкали ряды мусульмане, призывающие каждую семью купить по баночке икры.

Сети задавались вопросом: кто же такой этот официант, недоевший в детстве икры?

Самые рьяные предлагали скинуться, купить банок десять и пропихнуть их мне в глотку. Мусульмане ответили, что если кто осмелится подойти ко мне на расстояние одной икринки, сам будет ее метать. Я следил за боевыми действиями в перерывах между заказами. Вся наша ресторанная братия была на моей стороне. Это единственное, что радовало. Их не волновала философская сторона дела, они просто считали меня хорошим парнем, который за короткое время совместной работы не раз доказывал это. Для них это было главным. А для меня – их

отношение. Я ведь давно потерял веру в простые человеческие чувства, так что неожиданная поддержка собратьев меня умилила.

К концу дня появилась статья одного блогера, где наконец были расставлены все точки над «и». Меня раскодировали чуть не до цвета любимых трусов. Статья называлась «Акула в чешуе пираньи». Расписывался весь мой жизненный путь, включая мои подвиги на службе у олигарха ПиПи.

На кухне царило оживление. Даже менеджер Игорь с уважением посмотрел на меня, когда я прошмыгнул туда. Меня хлопали по плечу, удивлялись тому, что я оставил свой прибыльный бизнес и пошел в работяги, клялись не оставить в беде. Я был потрясен перекосом человеческого сознания. Одни люди, не знавшие меня и движущих мною мотивов, обливали меня помоями. Другие, едва меня знающие, но тоже ничего обо мне не ведающие, были готовы пойти со мной на баррикады. И ведь сделали это!

Ночью, когда я вышел после смены из служебного входа, на меня набросились трое. Отдать бы мне концы, если б через минуту не появились Славка, Самвел и Ровшан. Славная вышла драка! Противник дал деру! Мы, чувствуя себя героями то ли Ремарка, то ли Дюма, отправились в соседний паб, обмывать победу. И хотя видок у нас был тот еще, нас пустили. Сработал кодекс официантской чести – Славка быстро рассказал официанту из паба, что мы сражались с зарвавшимися клиентами. Словом, вечер удался.

А утром творилось неимоверное. Икру сметали с прилавков, то здесь, то там завязывались потасовки. Наш ресторан тоже не оказался внакладе – клиенты стояли в очереди. Я окончательно убедился, что пресловутый голос народа, о котором грезили еще древние греки и римляне и который измордовали нынешние демократы, восторжествовал в социальных сетях. И что недалеко то время, когда народ реально будет выбирать президентов в Сети, не заморачиваясь, реал он или виртуал. Главное, чтобы он был такой, как они. Господи, какого же козла они сотворят на погибель себе же! Вот тогда нынешние, сотворенные нашей братией, пиарщиками и имиджмейкерами, покажутся ангелами и гениями по сравнению с исчадиями Сети. Грядущая виртократия будет куда круче нынешней олигархократии. Зазвонил мобильник.

Ну, я накаркал – это был ПиПи. Я глубоко вдохнул и решил не попадаться на его трюки.

– Ну, чего на сей раз изволите? – буркнул я.

– Ладно тебе, – добродушно ответил он, – давай посидим,

отметим удачу. Выборы на носу. Пора тебе из мелкой пираньи становиться большим политтехнологом.

– Вы что ж, в президенты намылились? – с фальшивым ужасом спросил я, думая, подслушал этот дьявол мои мысли, что ли?

– Вот еще! – хмыкнул ПиПи. – Но кандидат у меня есть.

– После того, что вы сотворили со мной…

– Я сделал тебе имя, – гордо заявил он, – ты сам говорил, что, если хочешь стать делателем имен, сделай сперва имя себе.

– Я стою очень дорого, – заявил я.

– Кто бы сомневался, – успокоил он, – и ты не сомневайся во мне, все будет по чесноку.

– По чесноку так по чесноку, – откорректировал я и вырубил телефон. На второй линии была Лиза.

– Привет! – сказала она. – Посидим где-нибудь?

– Давай, – согласился я, мне надо было проветрить мозги.

В кафе я явился минут за десять до встречи, чтобы выбрать удобное место. Мозги мои были так заняты предложением ПиПи, что я не заметил, как появилась Лиза.

– Классный лук, – сказал я, окинув ее придирчивым взглядом. Она кивнула, села и взяла меню у мгновенно возникшего собрата-официанта.

– Ну, о чем пойдет речь? Ты ведь не из-за моей скандальной известности стрелку забила?

– Нет, – просто ответила она, – из-за Алекса.

– Вот черт! Ты что, решила просить у меня его руки? Так повторяю, я не его…

– Перестань, – попросила она, – ты хоть в курсе, что он серьезно болен?

– Что? С чего ты взяла? Ты вообще кто, что лезешь в наши дела?!

– Видишь ли, – проигнорировав мое хамство, сказала она, – в нашем роду четыре поколения врачей. Дед был гениальным диагностом. Что-то перепало и мне. Потому я и не пошла в мед – очень тяжело видеть историю болезни на лице пациента. Но мне хватило, чтобы понять. Я обманом затащила его сдать анализы. Наболтала что-то про донорство, знала, что это сработает. В общем, я оказалась права. Позвоночник. Нужна операция. Лучше в Германии. Но это…

– Ерунда, – перебил я, – деньги я найду.

– Я так и думала, – сказала она. – Спасибо!

Это ее «спасибо» снесло мне крышу.

– Ты вообще что о себе думаешь?! Ты кто такая?! Ты, что ли, должна думать о моем Деде?!

– Так он все-таки тебе Дед? Что ж ты ведешь себя как свинья? Человек должен умирать, чтобы в тебе проснулось что-то человеческое?

– Он… Он что… так серьезно? – прохрипел я, вдруг представив, что Деда может не быть.

– Нет, – сказала она, – я пошутила.

– В каком смысле?

– Дед абсолютно здоров. Просто мне хотелось понять, такая ты сволочь, как прикидываешься, или все еще мальчишка, как считает Дед.

С минуту я сидел, прислушиваясь к стуку своего сердца и шуму в голове. Я был так слаб, что не хватало сил ни на злобу, ни на ярость.

– Лучше бы я задавил твоего пса, – устало сказал я, чувствуя, как давит на меня тот проклятый атмосферный столб, о котором говорил Остап Бендер. Я встал, положил на столик купюру и пошел к выходу.

* * *

Дед был дома – шебуршил на кухне. Я сперва хотел броситься к нему, потом передумал. Прошмыгнул к себе. Вытащил из ящика чертов конверт и уставился на него. Потом решил жить проще и не отравлять ноосферу гнусью своего сознания. Сунул конверт в карман, решив сжечь его в раковине, а пепел развеять в мусоропроводе, и протопал на кухню. Посчитал, что не стоит копаться в генетике. В конце концов, религию я себе уже выбрал, а национальность… я ведь, простите за каламбур, не нацист. Так что фиг с ней!

Словом, ощущая себя перерожденным и обретшим истину, я переступил порог кухни, намереваясь просить у Деда прощения, и тут…

Дед стоял у стола, вращая в руках проклятую баночку икры, и мурлыкал под нос «Лет май пипл гоу» в собственной аранжировке. И я сорвался!

Все мои благие намерения вмиг улетучились, уступив место мгновенно возникшей пакостной идее.

– Привет! – сказал я. Дед посмотрел на меня с явным ожиданием подвоха, я ведь дошел до того, что практически не общался с ним вербально. Кивал при встрече утром и перед сном, и все. Дед еще раздумывал, как отреагировать, а я уже жестом фокусника вытащил из кармана письмо, бросил его на стол и сказал: «Вот, можешь наконец развеять все свои мучительные

сомнения».

– О чем это ты? – насторожился он.

– Это результат генетической экспертизы, сиречь, ты можешь узнать, является ли мадре твоей дочерью, пусть и блудной, а я, соответственно, внуком. Пусть и приблудным.

Дед перевел взгляд с меня на конверт, потом опять на меня. Мне не было его жаль! Мало того, что он довел меня до ненависти, так еще чуть было не довел до жалости и всепрощения. Так что я наслаждался, ощущая, как мучительно ему хочется вскрыть конверт и как этому противится его врожденное благородство. Я увидел, какое это искушение – поддаться искушению, – и с дьявольской радостью ждал финала битвы, практически не сомневаясь, что Дед, которого я за эти полгода довел до белого каления, сорвется. Наверное, я не смог замаскировать свои чувства, и это сыграло на руку Деду Он молча вышел из кухни. Но я подготовил второй акт. Я не потащился за ним, не разразился монологом, чего он, видимо, ожидал от такого, как я. Нет, я не собирался давать ему повод разыграть собственную комбинацию. Я тоже направился к себе, оставив конверт на столе, – яд искушения рано или поздно возьмет свое. Дед – даром, что химик, – вполне способен в мое отсутствие вскрыть конверт, прочесть заключение и запечатать обратно.

Типа, даже не притрагивался к нему. Но я-то все пойму по его поведению.

В великолепном настроении я переоделся, собираясь завалиться в клуб. Уж не знаю, почему выглянул в окно и… Дед стоял у своей машины и укладывал в нее чемодан. Рядом на земле стоял горшок с его амарилисом. Если бы не это, я бы решил, что он отправляется в очередную командировку. Я все понял!

Даже не знаю, как я успел скатиться вниз до того, как он завел машину. Я бросился к дверце, Дед защелкнул автомат. Я хотел просунуть голову в окно, но стекло уже доползло до верха. Машина тронулась. Я бежал рядом, вцепившись в ручку. Дед рванул. Меня дернуло и повалило. Дед не остановился. Я встал, кипя от бешенства, и погрозил кулаком вслед отъезжавшему авто. Потом побрел домой.

На следующий день я позвонил в институт, где мне сообщили, что Дед взял отпуск. Три дня он не отвечал на мои звонки и имейлы. Я плюнул: в конце концов, он взрослый мальчик, а девочек, готовых его приютить, пруд пруди. Пусть погуляет. Рано или поздно я отловлю его в институте и устрою публичную порку Моим прогнозам опять не суждено было сбыться. Впрочем, не зная этого, я успокоился и решил, что

займусь Пименом, благо он настойчиво меня искал. Я ответил на очередной его звонок и принял предложение «культурно посидеть». Правда, отказался от встречи в его офисе, предложив занюханный ресторан рядом с моим домом.

Все-таки странная штука человеческий мозг. Я отказался встречаться в офисе, памятуя о рыбках и забыв, что ничего вредоносного они мне не сделали. Между тем встреча в ресторане, то есть на моей территории, завершилась тем, что меня отмутузили и дискредитировали. Тем не менее, из-за вечной конкуренции сознания с подсознанием мой селфи комп выдал неверное решение.

Я поперся в ресторан, упаковав свое боди в самый отстойный прикид и смакуя, каким дураком будет выглядеть Пимен, облаченный в дорогущий костюм. Пимен явился в прикиде, не уступающем моему. Вот гад! Солидно подготовился. Опять облом. Но я решил не мельтешить. После церемонии приветствий он заказал ту же несъедобную гадость, что и я, но, в отличие от меня, с удовольствием ее уминал. Похоже, у него было трудное детство и скудный стол. Когда нам принесли кофе, кстати, отменный, Пимен бросил на стол карточку.

– Твоя. Гонорар за икру. Эльдар открыл в своем банке. Все чисто.

Уж не знаю, ждал ли он от меня какого-то фортеля, но я ответил ему кайфоломом. Молча взял карту и сунул в карман. Даже не поблагодарил. И за что бы? Сделал работу – срубил бабки.

– А теперь о деле, – продолжил Пимен. – С понедельника, будь добр, волоки свой куцый зад в офис. Надо готовить кандидата.

– Вы что, всерьез полагаете, что он может стать конкурентом…

– Не задавай идиотских вопросов. Может, не может, что может, чего не сможет, – это и будет твоя забота. Я плачу, ты делаешь свое дело. И давай обойдемся без детского сада.

– А вы, случаем, не ведаете, отчего это американосы в первую очередь всегда пекутся о заднице?

– Чтобы сидеть было удобно, – без колебаний ответил Пимен. Похоже, я его не смутил. – Хотя восточные мудрецы говорят, что сидеть лучше, чем стоять, а лежать лучше, чем сидеть, к нам это не относится. Мы продукт западной цивилизации. В нашем случае считается, что под лежачий камень вода не течет. А нам, сам понимаешь, надо, чтоб текло. Бабло должно течь! Такова природа бабла. И если парень не промах, то он знает, где поток круче.

– Спасибо за лекцию, только это не про меня, вы что, забыли,

что я лузер?

– Не забыл, – ответил он, – но я заметил другое: несмотря на это, ты везунчик. Лаки, так сказать.

– Я?! – от удивления я чуть не расплескал кофе.

– Ты, ты! Просто везенье играет не на тебя, а на того, при ком ты кантуешься. Вспомни «пираний», мои фонды, икру. Сечешь, какая зависимость?

Я уставился на него как на тех муравьев. Нет, плохая аналогия. Муравьи были лузерами, а этот превращал в деньги все, к чему прикасался. Даже меня. Надо же, как лихо он вывел формулу моей везучести для других. Хотя чему удивляться, не будь у него такого чутья, был бы он в моих стройных рядах антивезунчиков. Что-то тренькнуло в моей голове, но не успело оформиться. Пимен помешал. Он встал и со словами «Засим позвольте откланяться и поблагодарить за отменный обед» направился к выходу. Я остался дохлебывать кофе и размышлять над формулой, в которую подлец меня загнал. Есть у моего инфантильного разума такое бесполезное качество – предаваться бесплодным размышлениям. Впрочем, предложение Пимена я решил принять. Жить-то на что-то надо. Из ресторана я ушел – не знаю почему, просто наскучило. Дед отбыл в неизвестном направлении. Так что ни трудовых, ни иждивенческих средств на существование не маячило. «Оп! Что это я? А банковская карточка, переданная Пименом?! Она может обеспечить мне… Нет, – перебил я себя, – положу рядом с конвертом с экспертизой. Начну собирать плоды своей глупости. Посмотрим, как я справлюсь с искушением».

Я потопал домой, по дороге зайдя в супермаркет и отоварившись всякой туфтой на проедание. С уходом Деда кормить меня домашними обедами стало некому.

* * *

Проснулся я резко и в ужасе. В квартире явно кто-то был. И этот кто-то не был Дедом – уж его шаги я знал, как алфавит. Я привел в порядок сердцебиение, стараясь решить, как действовать. Некто подошел к моей двери, помедлил секунду, потом направился в глубь квартиры. Мне показалось, что я до крови закусил губы, прихватив и язык. Но предаваться боли не было времени. Стараясь не шуметь, я натянул штаны, отбросил тапочки и, бесшумно ступая, босиком направился к двери. Прислушался… Некто двигался где-то в районе кухни. Интересно, что он там искал? Неужели думает, что драгоценности мы прячем

в банке с крупой? Да у нас отродясь крупы не водилось. Хотя, нет, есть рис. Черный и белый. Господи, о чем это я думаю?! Я проскользнул в дверь и замер. Свет горел почти в каждой комнате. Ну до чего обнаглели ворюги! Или они тоже считают меня лузером?! Я нахмурился, огляделся, раздумывая, чем бы вооружиться, и тут на кухне что-то громыхнуло. От неожиданности я все-таки вскрикнул и, поняв, что выдал себя, так невооруженным и ринулся на кухню. Разве что без победного клича команчей. При виде меня человек обернулся и… Я повторил тот самый отборный мат Деда, который однажды подслушал по телефону. И как только я все это запомнил?!

– И тебе того же, – сказала она.

Конечно, кто еще мог бы довести до белого каления, кроме мадре?!

– Извини, – сказал я, – мне показалось, воры.

– А! – понимающе кивнула она и подняла чайник.

Именно грохот его падения и был причиной моего молниеносного прорыва на поле боя. Мадре вообще не могла сделать что-нибудь, не разбив или не уронив что-нибудь другое. Раньше я думал, что она это делает нарочно, чтобы никто не заставлял ее заниматься бытом. Сейчас понял, что ошибался. Видимо, она действительно не была приспособлена к бытовухе. Хотя, хрен знает, к чему она была приспособлена, кроме… Впрочем, это не мой геморрой.

– Ну как прошел постабортный период? – светски поинтересовался я, вспомнив нашу последнюю встречу.

Мадре закурила, посмотрела на меня, как я давеча на Пимена, и спросила голосом, каким, наверное, хирург спрашивает у раковой опухоли, перед тем как ее вырезать:

– Никак не пойму, как такое уродилось.

– Генетика, – пожал я плечами, думая, что забил гол.

– Вряд ли, – рубанула она, – судя по результатам проделанной тобой экспертизы…

– Ты! Ты! – заорал я, кинувшись к ней. – Как ты посмела! Кто тебе позволил! Это не для тебя!

– Заткнись, – приказала она, на всякий случай перейдя за другую сторону стола. – Я чужие письма не читаю… Генетика.

Опять она переиграла меня моим же оружием.

– Тогда откуда ты…

– Что? Откуда знаю? Да ничего я не знаю, наугад выстрелила. Конверт-то на видном месте валяется. Вряд ли Дед… до такого бы додумался. Остаешься ты, раз уж не я.

Иногда я так понимаю Тараса Бульбу. Так и хочется сказать: «Ты меня породила, я тебя и убью». Но я просто спросил:

– Ну и что тебя на сей раз принесло? И раз уж ты чайником уже громыхнула, то вряд ли что еще опрокинешь. Так что, будь добра, налей чай. И… извини за мат, мать… Почти каламбур. Я правда был в шоке. Да, кстати, добрый вечер.

– Не такой уж он добрый, – устало, но зато человеческим голосом сказала она.

– Что так?

– Тебе ведь пофиг, так что не утруждайся.

– Как знаешь, – пожал я плечами и, прихватив свою чашку, отправился восвояси.

* * *

Проснулся я часа в два, чувствуя себя хорошо выспавшимся, здоровым, полным творческих и прочих сил самцом. Прошлепал в ванную, вышел и, вытирая волосы, протопал на кухню. Мать честная, как же я забыл про мадре! Мало того, что она торчала на кухне, так и у меня кое-что торчало. Конечно, из нас двоих покраснел я! А она даже взгляд не отвела. Хотя чему удивляться, на своем веку она столько голых самцов перевидала. Пока я раздумывал, как себя повести, чтобы не выглядеть еще большим дураком, она, хмыкнув, отвернулась.

– И что тебя так рассмешило? – буркнул я, поднимая оброненное полотенце и обматываясь им.

– То, что вначале я решила, что ты нарочно голышом появился, мол, моя территория, как хочу, так и живу

– Правильная мысль, – нагло заявил я, – и что тебя заставило изменить мнение? Я ведь не бросился наутек, не взвизгнул, не…

– Ты инстинктивно прикрыл… чресла. Значит, все это было неожиданно.

– Да уж, – буркнул я, – почти по «Алисе»: «Все чудесатей и чудесатей». Ну, колись, мадре, какая напасть тебя привела в отчий дом? Не в том смысле, что я указываю тебе на дверь, а в смысле, что проявляю внимание.

– Да, этого тебе не занимать.

– Генетика, – опять пропихнул я.

– Все не вырастешь из детских комплексов? Или ты предпочел бы жить со мной?

– Избави бог! – театрально воздел я руки.

– Тогда не изображай из себя сиротку.

– Да я и не изображаю. Дед, что уж греха таить, был мне прекрасным отцематерем.

– Жаль, что ты не стал аутентичным сыновнуком.

– Мадре, ты меня не нервируй, я вырос и на твои провокации не поддаюсь. Кстати, Дед давеча признался, что твое происхождение…

– Заткнись! – резко выплюнула она. – Так ты ему за это мстишь? Ты-то тут при чем?

– Я мстю? Он бросил меня на произвол судьбы в состоянии глубочайшей депрессии, возможно, на грани суицида, катализированной дезавуированными…

– Заткнись! – повторила мадре. – Подумаешь, слов нахватался, живя с Дедом.

– А сама… аутентичность, чресла…

– А как прикажешь называть прибор сына?

– Мать, брейк! Пошли по новой. С чего ты взяла про месть? Дед накапал?

– Дед не смог бы накапать, он сам под капельницей.

– В каком смысле? – автоматически среагировал я.

– В прямом – пребывает в больнице, куда ты его загнал. Не надо быть Холмсом, чтобы понять это, увидев пресловутый конверт. Ну, так что тебя интересует в твоей генетике? Не сомневайся, я все расскажу без всякой экспертизы.

– Подожди, – просипел я, чувствуя мерзкий привкус во рту, – ты это серьезно про Деда? Откуда ты знаешь? Он что, позвонил не мне, а тебе? Тебе?

– Сволочь! – сказала мадре и заплакала. Впервые в жизни! В смысле, впервые за свои двадцать с небольшим лет я видел ее плачущей. Я испугался. Я так испугался, что не мог спросить, что с ним. Наверное, она поняла, потому, вытерев глаза салфеткой, вздохнула. – Инфаркт. Слава богу, микро.

Мне не стало легче, для меня инфаркт, что микро-, что макро-, звучал одинаково смертоносно.

– И если тебе от этого полегчает, – донеслось до меня, – то он мне не звонил. Просто в ту ночь… я увидела сон… Проснулась и уже не могла уснуть. С утра все звонила ему, а он не брал трубку. Тебе тоже звонила, и ты не брал. Сволочь! Я даже подумала, что вы вместе куда-то махнули. А ночью опять увидела сон и утром отправилась в институт. Нинка – его аспирантка – под страхом смерти призналась, что ему на лекции стало плохо. Хотели «скорую» вызвать, но он попросил ее отвезти в больницу. Там посмотрели и уложили. Нинка сперва удивилась тому, что он так легко согласился, а когда он взял с нее страшную клятву, что она никому не скажет и оформит ему отпуск, заподозрила неладное. Но раз уж обещала, то держалась и никому не проболталась. Она очень обрадовалась моему приходу, потому что, по ее словам, чувствовала, что Деду стало плохо на нервной почве, и он от нас

скрывается в больнице. И надобно найти решение и пойти к нему, черт с ней, с клятвой. Она обещала «провести с Дедом подготовительную работу». Я поблагодарила и сказала, что буду ждать звонка.

– И сколько ты ждала? – ехидно поинтересовался я, совсем забыв, что кому-кому, а мне стоило молчать в тряпочку. Мадре, к моему удивлению, не воспользовалась ситуацией, сказав: «Два часа караулила в машине, пока Нинка не вышла. Поехала за ней… Ну, она, сама того не ведая, вывела меня на Деда. Я вошла в палату через пять минут после нее. У бедной Нинки термос из рук со страху выпал. Я сразу сказала Деду, чтобы он ее не ругал, просто я за ней следила, зная, что она его доверенное лицо. Представляешь, что мне ответил старый ловелас, когда Нинка покраснела?»

– Что?

– Он поинтересовался, с каких это пор я стала следить за его женщинами и почему? Нинка пулей вылетела из палаты, и мы смогли по-человечески поговорить. Когда я ему про сон рассказала, мне показалось, что его второй инфаркт хватит, так он побледнел и разволновался. Я хотела вызвать врача, но он не дал и рассказал… про ваши… про твое…

– Ладно, понял. Что дальше?

– Сказал, что, значит, я его дочь, раз между нами существует такая сенсорная связь.

– А ты?

– Ну не могла же я сказать, что это не так.

– Как не так?

– А так. Мне мать сказала… перед смертью.

– Я убью тебя, – заорал я, – не было у тебя никакой матери!

– Да? – удивилась она. – А я что, из пробирки получилась? Тогда до этого еще не допетрили.

– Слушай, я понимаю, ты на меня злишься. Согласен, заслужил. Но ведь так и меня можно довести до инфаркта. Я ведь в детстве, когда шарил по углам, нашел свидетельство о смерти.

– Черт! – бросила она. – Совсем забыла.

– Мать, имей совесть, хоть раз скажи правду.

– Зачем? – искренне удивилась она. – Да будь он трижды мне не отец, лучшего отца и придумать трудно. А может, он и есть отец. Зачем мне ковыряться в чужой жизни и усложнять свою? Все давно быльем поросло.

– А если у меня не поросло? Если мне надо знать?

– Вот пойди вскрой конверт и все узнаешь. Что, кишка тонка? Куда намылился? Не вздумай повторять мой трюк – не следи за мной.

– Ты тоже клятву дала?

– Не в этом дело… хочу посмотреть, как ты…

Я не дослушал. Прошел к себе, оделся и вышел. Не знаю, что подумала мадре о том, куда я намылился. Все равно она ошибалась. Я мчался к Лизе, о которой мадре было неведомо.

Мы встретились в том же кафе, что и в первый раз.

– Я бы съездил тебе по фейсу, не будь ты женщиной. Сидеть, – схватил я ее за руку, увидев, что она собирается вскочить. – Так, значит, это была шутка?

– Что ты имеешь в виду? – спросила она, пытаясь освободить руку.

– Дед. Рассказ про его болезнь. Потом, типа, это была шутка. Дошутилась?

– Что ты имеешь в виду? – почти проплакала она.

– А то ты не знаешь? Небось бегаешь к нему в больницу изображая сестру милосердия? Зачем тебе это? Поссорить нас намылилась? Не выйдет!

– Отпусти руку идиот, и расскажи по-человечески.

Почему-то это на меня подействовало, и я все рассказал.

– Знаешь, – всхлипнула Лиза, – я ведь правда все придумала. Нет у нас в роду врачей.

– Зачем…

– Затем, – перебила Лиза, – что я видела, как Алексу плохо из-за вашей ссоры. А ты… как дурак уперся. И… мне хотелось вывести тебя из столбняка.

– Тебе это здорово удалось. Только вывела ты не меня, а его.

Она отпарировала в духе мадре:

– Точно, тебя ничем не выведешь. Умереть можно рядом, а ты и труп не заметишь.

– Ты давай шути, но не зашучивайся. Эт тебе мой бесплатный совет на будущее. Прощай, Лизавета, и не поминай лихом.

– Подожди, в какой он больнице?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Мадре поклялась не колоться.

– Надо что-то придумать, – услышал я. Ага, значит, Лизу совесть заела, вот и тащится за мной. – Хотя, что тут думать? – продолжила она. – Давай звонить во все кардиологические, раз у него инфаркт.

Я чуть не споткнулся. Какой же я идиот, что сам не додумался! Лиза заслужила прощение, хотя говорить ей об этом не стоит. Но я был так раздосадован, что нашел решение получше – нашел в Сети три лучших кардиоцентра, потом свел к одному, просто вспомнив, что сын Дедова друга – владелец какого-то супер-пупер кардиоцентра.

Отыскал этот Центр, сбросил данные Степке и сказал, чтобы он предельно быстро проверил, значится ли там Дед. Включил музыку, чтобы тонкая девушка Лиза поняла – лучше молчать. Не прошло и двух рэпов, как Степка отзвонился, сообщив, что Дед там. Вопросы его я пресек на корню: «Забудь и не разглашай!»

Лиза, по причине близости слышавшая наш диалог, пискнула от счастья. Я посмотрел на нее взглядом Джеймса Бонда, в котором читалось, что такая мелочь, как найти иголку в стоге сена, для меня действительно мелочь. Радость омрачило только то, что я некстати подумал, что на Д. Б. больше тянет мадре с ее шпионской слежкой. Хотя… в наше время супершпион, скорее, действовал бы как я. Методы мадре устарели.

– О чем ты думаешь? – услышал я голос Лизы и устыдился своих мыслей. – Разрабатываешь план проникновения? Может, обойдемся просто, без ваших фамильных закидонов?

– Тебе-то что? – обиделся я за фамилию, издеваться над которой было моим, и только моим, эксклюзивным правом.

– Я тоже с тобой, – сказала Лиза тоном, каким верная жена сообщает мужу, что не отпустит его одного в логово врагов.

Впрочем, Лиза заслужила бонус. А если честно, я просто боялся идти один. Поизображав для понта Бонда, отговаривающего блондинку лезть с ним в логово, я, в конце концов, согласился взять ее. По дороге мы купили цветы, ананас и конфеты. Я только молился, чтобы мадре не было у Деда. Но что молитва против мадре?! Конечно, она была там, изображая нежную дочь. У меня аж скулы свело. Впрочем, мне ее присутствие пошло на пользу – я принял боевую стойку, что облегчило контакт с Дедом.

Чмокнув его как ни в чем не бывало, я спросил: «Ну что, Дед, понял, что не дорос еще до побегов из дому? Насытился вольной вольницей, соловей ты наш разбойник? Подожди, вернешься, я тебе всыплю по…

– Стоп! – встряла мадре, не привыкшая быть на вторых ролях. – Хватит лицедействовать.

– Генетика, – пожал я плечами и замер. Как проклятое слово привязалось! И как теперь выкручиваться? Помощь пришла с неожиданной стороны.

– Ой! – пискнула Лиза, с восхищением глядя на мадре. – А я все думаю, откуда мне ваше лицо знакомо? Знаете, в жизни вы намного лучше, чем в кино. Естественней.

– Естественно, – опять не сдержался я, – в кино она возвышенных и добрых играет, а в жизни…

– Лиза, – перебил меня Дед, – познакомься – это моя дочь, Анна.

Умереть мне на месте, если его голос не дрогнул от нежности и гордости. Нет, что делается! Дед предал меня и перешел на сторону извечного врага. Я едва сдержался, чтобы не впасть в ненависть. Но тут пришла медсестра и попросила очистить помещение. Мадре сделала вид, что к ней это не относится, а нам пришлось ретироваться.

Уже за дверью я услышал слова Деда, обращенные к мадре: «Ты же поклялась не говорить ему!» Не знаю, что она ответила, но я буркнул: «Ей клятву нарушить, что другому чихнуть». На самом деле, я просто продолжал пребывать в ревности. «Подслушивать некрасиво», – заявила Лиза и потащила меня из больницы. Мы доехали до кафе, чтобы взять ее машину. Правильная была мысль ехать на моей, иначе не пришлось бы возвращаться и не было бы всего остального. В общем, домой я приперся под утро. Дверь открыл тихо, чтобы не разбудить мадре. Напрасно старался – ее и след простыл. В прямом смысле – ничто не напоминало о ее присутствии, все следы замела. Даже записку не оставила. Я рассвирепел и хотел было позвонить ей на мобилу, испортить сон. А потом вдруг понял, что мадре и в ту ночь могла и не приходить. Вполне могла из своего дома к Деду ходить. Выходит, она специально пришла… из-за меня. Чтобы как-то клятву ненароком нарушить и сподвигнуть меня на визит к Деду. Надо же! Стареет, что ли, и сентиментальной становится?

Но это уже была отрыжка детства. На самом деле я все понял. Это была первая ночь, когда я уснул, любя обоих своих ближних – непутевого Деда и блудную мать.

Вообще-то уже было утро, ну так чем это могло помешать мне спать? На работу мне не идти – ее у меня нет. Хотя… Кажется, я уснул.

Я проснулся от запаха: пахло блинами. Я рывком соскочил с постели: такого быть не могло! Не может же быть… Но так и было: на кухне хозяйничал Дед, собственной персоной.

– Дед! – заорал я. – Что ты тут делаешь?

– Выпустили, – улыбнулся он и ловко подбросил блин.

Я сел за стол и сказал:

– Мог бы позвонить, я бы заехал за тобой. Не чужие все-таки.

Он хмыкнул и, сбросив подрумянившийся блин на верхушку блиновой горки, подтолкнул тарелку ко мне.

– Руки мыл? – грозно спросил он, и я понял, что мир восстановлен. Я прошлепал в ванную, умылся, а когда вернулся, на столе уже все было готово к завтраку. Я налил в бокалы сок и, подняв свой, вздохнул:

Только не перебивай, потому что это надо не только тебе, но и мне. Я хочу не просто попросить у тебя изв… нет, прощения, за

то, что вел себя как свинья. Я хочу сказать, какие уроки вынес из своего свинства… Чтобы ты понял, что это не понарошку. Вот. Первое: я понял, что мадре не блудная. То есть не совсем блудная…

– Может, сойдемся на том, что совсем не блудная? – хмыкнул Дед и добавил: – Просто она…

– Нет, – перебил я, – это будет нечестно. Давай называть вещи своими именами. Сам знаешь, раскаянье блудного сына ценней, чем…

– В чем она раскаялась? – теперь уже он перебил меня.

– Ну, до этого она еще не доросла. Но зато она доказала, что у нее есть сердце и она по-своему нас любит.

– А ты сомневался? – искренне удивился Дед.

– Слушай, – не выдержал я, – опять ты изображаешь еврея? Тебе мало было всего?! Перестань говорить вопросами. Вот, сбил меня. Что я хотел сказать-то?

– Наверное, опять собрался чушь молоть. Ешь лучше. Блины остывают.

– Да, наверное. Главное, ты меня понял и…

В дверь позвонили. Я пошел открывать. На пороге стоял громила Толик из охраны Пимена. Я вытаращил глаза.

– Доброе утро, Микаэль Александрович, – вежливо поздоровался он.

Я поперхнулся недожеванным блином. Впервые в жизни меня назвали по имени-отчеству! Кстати, это мадре записала мне фамилию Деда и отчество по его имени. Это было так непривычно и так… немелодично, что проклятый ошметок блина отказался идти дальше своим путем. Помереть бы мне такой неприглядной смертью, если бы не Толик, вдаривший меня по спине. Все, что могло во мне двинуться, проделало это: глаза вылезли на лоб, ноги разъехались, зато и блин проскочил. Толик ловко удержал меня на ногах и неловко поинтересовался:

– Полегчало?

Я молча кивнул. На горизонте возник абрис Деда.

– Анатолий, – всплеснул он руками, – как вы вовремя, у нас блины.

– Спасибо, Сан Грич (тут я опять поперхнулся, правда, слюной – отродясь Деда никто так не кликал), не могу, шеф приказал по-быстрому тащи… привезти Микаэля Александровича.

Тут даже Дед моргнул, не поняв поначалу, о ком идет речь. А потом воззрился на меня, желая прокомментировать ситуацию. Но я злобно зыркнул на него, и он кивнул:

– А, ну раз все так серьезно… Все равно, Анатолий, пока Мика… эль Александрович приведет себя в порядок, вы успеете

пару штук перехватить. – И надо же, мастиф протопал на кухню. А я, шипя как безъядный змей, отправился одеваться, мысленно подсчитывая, сколько блинов сожрет Толик. Не из жадности, а токмо из вредности.

Наконец мы погрузились в машину и выехали со двора. По пути молчали. От Толика вкусно пахло блинами, и сок в моем пустом желудке реагировал на это утробным урчанием. Толик сопроводил меня до приемной своего шефа и, сдав с рук на руки секретарше, вышел. Я просто-таки почувствовал, что он хоть и беззвучно, но с облегчением вздохнул. На лице секретарши по имени Ангелина – жгучей брюнетки, кстати, – тоже радости не наметилось. Интересно, за кого они меня считают? Небось баек наворотили со слухов и… Ангелина проводила меня к Пимену. Видно, было распоряжение запустить меня сразу при появлении, без доклада. Это было что-то новое. Похоже, мой статус возрос. Я стоял на пороге, вытянувшись в струнку и отразив на лице благоговейнейший ужас.

– Садись, – бросил Пимен, – сказано же было, с утречка да на работу.

– Так ведь это приглашение одной из сторон. Вторая, сиречь я, согласия не давала.

– Ну вот и дай, – сказал Пимен, подтолкнув ко мне какой-то лист. Я лениво придвинул его и стал читать.

Признаться, Пимен меня опять удивил. Я даже не о зарплате – она была в разы выше моего понимания. Это – черт с ним, главное – прочие условия: у меня была полная и абсолютная свобода (или это тавтология?). Я мог появляться на службе, когда захочу, и уходить, когда и на сколько захочу. Все, что от меня требовалось, – это вовремя и качественно работать, «не щадя живота своего». Ей-богу, так и было пропечатано!

– Не пойдет, – возмутился я, стараясь быстренько сообразить, где тут зарыта собака.

– Вот зануда! – в сердцах бросил Пимен. – Теперь ты чем недоволен?

– Как это чем?! Отсутствием свободы!

– Чиво? – изумился Пимен в своей простонародной манере. – Да ее тут хоть захлебнись. Парни так постарались, что…

– Вот-вот! – невежливо перебил я своего почти шефа. – Так постарались, что не оставили мне свободы для… фрондирования. Это не контракт, а подкуп.

– Ну и что? – удивился Пимен. – А хоть и так. Что это меняет? И потом, ты все равно что-нибудь придумаешь, когда тебе понадобится. Что сейчас-то мозги сворачивать трубочкой?

– Не мозги, а уши. И потом, тут нет ничего о

преждевременном расторжении договора.

– А зачем? В принципе, ты нужен мне на определенный срок – до выборов. Дай бог нам за это время не сожрать друг друга. А потом… захочешь уйти – уходи. Не стану же я с тебя неустойку требовать. Мелко это. Захочешь остаться – оставайся. Впрочем, ребята добавят и этот пункт.

– Как-то все это подозрительно, – задумчиво сказал я. – Слишком все хорошо, не для… лузера. Пожалуй, стоит обсудить с Дедом. А что, горит что-то, что вы меня так срочно вызвали?

– Во-первых, я не люблю, когда мне перечат. Во-вторых, там явились твои конкуренты.

– Какие еще конкуренты?

– Пойдем, увидишь.

Мы двинулись к конференц-залу. Пимен вошел, двинулся к председательскому месту. Я сел на единственный свободный стул, и… прямо передо мной сидела Элис. Организм (точнее, орган, ответственный за это) отреагировал мгновенно. Хорошо, что молния на джинсах была что надо. Элис спокойно кивнула мне и продолжила какую-то презентацию. Сволочь Пимен! Какой-то программный вирус, разработанный специально для меня. Вот, значит, что он затеял! Вот кто мои конкуренты! Конкуренты? Да какие они на хрен мне конкуренты?! А если… Стоп! Надо включиться и слушать ее. Пимен неспроста все это затеял. Может статься, несмотря на контракт, он устраивает мне проверку. На лояльность? Об этом рано думать. Проверка на реакцию? Судороги остатков моего сознания прервал вопрос Карла Карлыча – советника Пимена черт-те по каким направлениям: «Вопросы, господа?» Вопросов не было. Карлыч поблагодарил «пираний», обещал, что мы внимательно ознакомимся и перезвоним. Пимен встал и самолично сопроводил Элис до лифта. Карлыч шел чуть позади, о чем-то беседуя с Эриком.

Мне досталась Катька. Остальная наша, точнее Пименова, братия незаметно рассосалась.

Катька вползла мне под руку и мило, будто ничего и не было, поинтересовалась:

– Как дела, гений?

– Слышь, Кать, как ты думаешь, почему корень двух слов, одно из которых – плюс на пике, второе – минус там же, один и тот же?

– Что ты имеешь в виду?

– Хрен.

– В каком смысле?

– В смысле, «охренительно» и «хреново».

– А ты в пике минуса или плюса?

– А хрен его знает.

– Н-да, по сравнению с тобой Эллочка-людоедка просто интеллектуал. Приятно было пообщаться.

– Аминь, – ответил я.

«Пираньи» загрузились в лифт и отбыли. Пимен велел следовать за ним. Мы прошли в какой-то кабинет, классный, кстати. Пимен уселся, указал мне на кресло и спросил:

– Ну как?

– Не знаю, – вяло ответил я, – мы ведь к концу подоспели.

– Да я не о том, а об этом. – Он широким жестом обвел пространство.

– Охренеть! – сказал я.

– Ну, вот и славно. Обживай! Кстати, помощницу можешь сам подыскать. А пока Ангелина посидит на ее месте.

Он вышел, оставив меня в полном нокауте. Через секунду вошла Ангелина. Поставила мне на стол презентационную папку «Пираний» и диск. Спросила, что мне нужно еще. Я попросил кофе «Колумбия», зеленый чай «Глаз дракона», шоколад «Коркунов» и орешки. Кивнув, она удалилась. Я попросил орган, ответственный за тестостерон, вести себя прилично и, дабы помочь ему, просублимировал в презентацию.

Так начался второй тур моих отношений с Пименом.

Интеллектуальный презерватив

Может, это и было подло, но вечером я отправился к Лизе, чтобы выбить из головы Элис. Выбивал я ее с таким энтузиазмом, что Лиза в конце концов запросила пощады. Я решил, что честно заработал сигарету, и увлеченно принялся пускать кольца дыма. Вернувшись из душа, Лиза спросила: «И чему я обязана столь пылкой страстью?» Я чуть было не поперхнулся, подумав, что страсти-то как раз и не было. Или была, но относилась не к ней. А раз она приняла ее на свой счет, то какое это имеет значение? Цинично? Но разве я скрываю свою религиозную принадлежность? А то, что я скрываю за ней, – компетенция духовника. Тем более что духовник в нашей конфессии не предусмотрен. Значит, мое дело.

– Ты не ответил, – серьезно глядя на меня, сказала Лиза.

– Послушай, у нас всего второй раз, а ты реагируешь, как жена после семи лет брака.

– Не увиливай.

– Ну, как знаешь. Я сублимировал.

– Что?!

– Понимаешь, Пимен устроил мне какую-то проверку, подсунул… изыскания моих бывших коллег. Причем на очной ставке.

– А что он проверял?

Пришлось рассказать ей всю предысторию. Разумеется, без лирических отступлений. Она выслушала, потом сказала:

– По-моему, ты рассказал мне не всю правду. Возможно, я догадываюсь, почему, и тогда все ясно. Но я не хочу вести себя как жена после семи лет брака, поэтому… Спокойной ночи.

Я был так вымочален физически, энергетически и мыслительно, что даже не стал разыгрывать спектакль. Встал, оделся и ушел.

Может, она и рыдала в подушку, сие осталось мне неведомо, да и не занимало меня. Надо было доехать до дому и плюхнуться в постель.

Только перед дверью своей квартиры я с ужасом вспомнил, что напрочь забыл о Деде. Тихо прокрался в холл, скинул башмаки и на цыпочках потелепал к Дедовой спальне. Из-под двери пробивался свет. Я тихонечко приоткрыл ее и просунул нос. Дед лежа читал.

– Дед, – вздохнул я, – ты почему не спишь?

– Рассказывай! – ответил он. И я рассказал. Всё.

– Проблема в том, – резюмировал Дед, – что у тебя нет друга.

Ты же такой контактный. Как так получилось?

– Чего непонятного? У меня есть ты – универсальный всезаменитель.

– Ну, слава богу, не совсем «все-», – довольно хмыкнул он, – но ты уж подумай над этим.

– Да ладно, Дед, и так проблем навалом. Пойду-ка я спать. А ты утром не буди. Раз Пимен санкционировал мне райскую жизнь, грешно от нее отказываться.

* * *

Через день я все-таки отволок свой зад на работу, тем паче что уж очень хотелось погрузить его в шикарное кресло в моем шикарном кабинете. Насладившись блаженством новизны этого ощущения, оцифрованного моим мозгом как маржа между пиарщиком и политтехнологом, я решил все-таки попробовать, как работается в столь комфортной обстановке. За делом день прошел незаметно, и к его концу я испросил у Карлыча аудиенции.

Зайдя в его более чем аскетичный кабинет и пристроившись в жестком кресле, я изложил свои мысли, больше смахивающие на домыслы. Карлыч спросил, уверен ли я в своих выводах.

– Абсолютно уверен, – кивнул я. – Я перечитал и прослушал все несколько раз, чтобы исключить малейшее сомнение. Предложение составлено так, будто «пираньи» не сомневаются, что господин Пименов будет баллотироваться или выдвинет своего кандидата. Конечно, выглядит это как предложение цельного пакета пиар-кампании по раскрутке бизнеса под единым или объединяющим лейтмотивом, в который выборы ложатся естественной составляющей. Но, поверьте, «это ж-ж-ж неспроста».

– Что ж, давай рассмотрим варианты, – предложил Карлыч. – Первый: они не могли знать, что ты уже принят сюда на работу, считали место свободным и предложили свои пакетные услуги с расчетом найма их компании на долгосрочное сотрудничество. Не перебивай! Пусть ты с этим не согласен, но именно с этой версией они пришли, и никакого криминала в этом нет. Сформулируй свою.

– Ок! Первая: кто-то слил им информацию о планах ПиПи. Пардон, Пименова. Вторая: кто-то, знающий о планах ПиПи, пардон, Пименова, заключил с ними сделку.

– Твои предложения?

– Ладно, вы мне не верите! Верьте этим пираньям.

– А ты кто? – хмыкнул Карлыч, совсем как его шеф.

«Вот уж точно, – подумал я, – что собаки, секретарши, водители и прочие приближенные к телу шефа через какое-то время перенимают его характерные словечки, привычки, жесты», – но тут я прервал свой мыслеряд, заявив:

– Я пират.

– Большая разница! – фыркнул Карлыч.

– Большая! Пираньи обгладывают до костей, ибо такова их природа. А пираты получают удовольствие от того, что делают.

– Думаешь, ты стал симпатичней от этого сравнения? Никому больше не говори эту глупость. Так что ты предлагаешь?

– Если их резко отшить, особливо после того, как они узнают, что я здесь, то месть их будет ужасна!

– Ты что ж, боишься их?

– Нет, но считаю своим долгом предупредить вас, а то, не ровен час, ПиПи, пардон, Пименов, решит, что я в сговоре с ними. А его крутой нрав известен, зело лют русский человечище Пимен Пименов.

– Слушай, а что ты так смурно разговариваешь? Все твое поколение ботает по компофене, а ты – как Чичиков из века девятнадцатого. Думаешь, мы такие недоросли, не поймем?

– Упаси бог! ПиПи еще тот… полиглот и советника, думаю, подобрал себе под стать. Просто это наша любимая с Дедом забава – не говорить, а изъясняться. Хороший метод, одних выводит из себя, других расслабляет и очень своеобразно действует на антигендер.

– На кого?

– На баб-с!

– Ладно, – вздохнул Карлыч, – больше семнадцати минут выносить тебя нет мочи. Топай работать. Да, и определись, как величать шефа, а то твое юродствование в стиле «пардон» до добра не доведет.

Я, однако, счел, что на сегодня трудов моих праведных предостаточно, и, памятуя о размышлизме Деда по поводу отсутствия у меня друга, звякнул Степке и пригласил его убить вечер вместе.

Мы встретились в баре, и я рассказал ему, где и кем работаю, как встретил своих «бывших» и так далее. Умолчал только о зарплате. Степку это бы размагнитило. Он открыл рот, чтобы поделиться своими домыслами, да так и остался. Еще и глаза вылупил. Я проследил за его взглядом, но ничего не заметил.

– Ты чего?

– Не туда смотри, а в витрину за мной. Усек?

Еще бы не усечь! Вот, сказано ведь, не поминай черта, а то… В витрине отражалась Элис, сидевшая с парой пижонов.

– Думаешь, она здесь случайно? – шепотом спросил Степка.

– Не нагнетай! – пожал я плечами. – А ты считаешь, что она лично ведет за мной слежку? Бред!

– Что будем делать?

– Следовать тропой Экзюпери.

– В смысле?

– Общаться, ибо он сказал, что это самая высокая роскошь.

– Кто бы отказался от общения с Элис, – вздохнул Степка, – и высокая, и роскошная. Прав был Сент Экс.

– Степка, – изумился я, – ты что, знаком с ним?

– Ну, не лично… просто пару докфильмов случайно посмотрел и мультик про Маленького принца.

– Ясно, а то я чуть не изменил свое отношение к миру.

– А что толку, что ты такой умный? – спросил он. – Вечно во что-нибудь вляпаешься, потом иди выпутывай тебя. Думаешь, я не понял, что ты пригласил меня не просто так.

Что-то надо было юзнуть. Теперь стало понятно, что.

– Дурак ты! – фальшиво вздохнул я. – Во-первых, Дед сказал, что у меня нет друзей, а я считал, что ты мне друг, вот и решил общнуться. Кажется, пролетел.

– А во-вторых? – Степка все еще был в скепсисе.

– Да вот, думал, не перетащить ли мне единственного друга к себе.

– К ПиПи? – ахнул Степка.

– Впрочем, что толку от моих мыслей. Ошибся я. Действительно, какая может быть между нами дружба, если нас связывало только общее дело – шантаж.

– Я уважаю твоего Деда, – серьезно заявил Степка и, словно в подтверждение, отпил пива. – Правильный мужик. Эксклюзивный.

– Раритетный, – автоматически поправил я, ибо был в шоке от выверта Степкиного ответа. Неужели и он что-то знает о прорыве из угла? Степка не дал мне додумать и прошептал:

– Уходят. Что будем делать? – Ясно, сентенция про чистое общение прошла мимо его сознания.

– Допьем и разбежимся, может, тогда поймешь, что мной двигали чистые чувства.

– Ок, – кивнул Степка, – я, конечно, тебе не верю, но лень портить вечер.

Мы посидели еще минут с пятнадцать, а потом разбрелись по машинам, припаркованным в разных местах. Похоже, я недооценивал Степку. И еще было обидно, что никто не верит в мою искренность. Или подвоха ждут, или прагматизма. Кто в этом виноват? Тут на генетику не свалить. Даже мадре прагматизмом не отличается, а уж Дед – полный вещевой

пофигист. Непонятно, как он академиком стал. Соратники-хиппи, что ли, подсуетились, когда обуржуазились?

Мои размышления прервал звук клаксона. Я инстинктивно вздрогнул – с того дня, как меня подкараулили на выходе из ресторана и отмутузили, прошло недостаточно времени, чтобы я спокойно реагировал на этот звук. Тонированное стекло серебристой «Ауди» опустилось, и я увидел Элис.

«Неужели Степка был прав?» – вяло пискнуло подсознание, но основной инстинкт тут же отправил его в долгий нокаут.

– Я ждала тебя, – просто сказала Элис, окончательно лишив меня возможности обороняться, и добавила: – по делу.

– Валяй, – нарочито грубо сказал я, даже не делая попыток ехидничать.

– Ты работаешь на ПиПи?

– Да.

– Давно?

– С неделю.

– Ты будешь ставить нам палки в колеса?

– Я сам и есть палка. Зачем ему вы, если есть я. Ничего личного, чистый бизнес.

– В одиночку тебе не потянуть предвыборку, нужна команда.

Я напрягся. Во-первых, надо было не расколоться от самомнения, ведь я предупреждал Карлыча, а он не поверил. Во-вторых, надо было не рубить концы. Ничего личного, чистый бизнес.

– Я уже был в вашей команде, – усмехнулся я, разыграв самую пошлую линию – обиженку. Но она давала время на обдумывание и объясняла, что эмоции взяли верх над разумом. Или «чистым бизнесом». Ведь по логике деловой беседы я должен был отреагировать на ее заяву о предвыборке. Ничего, пусть повертится пиранья, посмотрим, как выкрутится.

– Чем ты недоволен? – почти искренне удивилась она. – Мы как по нотам разыграли твой план.

– Да, но только без меня. Меня вы предали. А может, и продали. Впрочем, теперь это не имеет значения.

– Да, наверное, – кивнула она, изображая внутреннюю борьбу между желанием оправдаться и быть выше этого.

Разумеется, она выберет второе, ведь это Элис. Но выбор был представлен не нам. Зазвонил ее мобильник. Извинившись, она взяла трубку. Я кивнул и отправился к своей машине. Мне бы взять да и поехать своим путем, но нелегкая выбрала свой путь. Я поехал за Элис.

Мне было любопытно, насколько далеко она может зайти, чтобы добиться своего, даже с таким антипатичным ей

персонажем, как я. Эту антипатию на грани брезгливости я ощущал с самого первого дня. В чем была ее причина, я не понимал и, может, потому как павиан старался произвести впечатление на Элис. Тогда я еще не просек, что лучшая ловушка, которую самка может поставить самцу, – это легкая вуаль под названием «ты меня раздражаешь». И дурак-самец пытается пролезть то в один просвет вуалевой плетенки, то в другой, в попытке разобраться: «Как?! Меня! Такого-растакого, да не принимать?!» И не замечает, что вуаль опутывает его теми самыми ошметками, на которые, как ему кажется, он сам изодрал ее, приближаясь к цели. Так оно и есть, просто у «цели» тоже есть своя цель.

Я этого не знал и даже не пытался анализировать, за каким хреном поперся за Элис. Конечно, я подозревал, что во мне неугасимо горит желание показать, каков я на самом деле (что можно оценить просто как месть), но убедил себя, что надо отбросить все лишнее, отдавшись воле бинома страстей.

В результате, когда я вошел вместе с Элис в лифт, она даже не изобразила удивление. В этом биноме моей составляющей было вроде бы любопытство – докуда она дойдет, ее же – «Ну-ну, и что дальше?» Может, она действительно решала: использовать и отшвырнуть, как уже было раз, или использовать, чтобы пользоваться. Мне было по… Мозг куда-то стыдливо юркнул, потому что вовсю рулил безмозглый член. Ну а поскольку рулевой он отменный, то в себя мы пришли после того, как он, обойдя все рифы, выкинул нас на берег. Какое-то время мы лежали молча, созерцая потолок холла. Судя по всему, до спальни мы и не пытались дойти. Я потянулся за сигаретами, и Элис спросила:

– Почему ты куришь?

– Не знаю.

– А все остальное тоже делаешь по этому принципу?

– Молодец! – сказал я и поспешил удовлетворить ее удивление. – Дед все пилит, что у меня нет принципов. Оказывается, у меня есть глобальный принцип, почти жизненная позиция. Мой главный, он же единственный, принцип – не сотвори себе принципов! И честь этого открытия принадлежит тебе.

Она внимательно посмотрела на меня, и мне вдруг показалось, что все это время она продолжала искать вариант возвращения к теме выборов. Может, я был не прав, но стало так плохо, что я подумал, а было ли хорошо, или мы играли каждый в свою игру? Точнее, поскольку у меня никакой игры не было, я просто воспользовался ситуацией. Я вспомнил Карлыча,

заявившего: «Думаешь, ты выиграл от этого сравнения?»

– Не парься, – сказала Элис, – я не Мата Хари, а то, что произошло, просто эмоциональный порыв. Никаких секретов я не буду выуживать в постели. Да и постели больше не будет.

Я чуть было не спросил: «Что, было так плохо?» Но сдержался. Я знал, было хорошо. С точки зрения физиологии и… порыва. Что до остального, то я ей не верил. Ну не верил, и все.

Поэтому, не сказав ничего, отправился в душ, загадав, что если она готовит кофе, то я дурак.

Если нет, значит, я прав – это игра. А если говорит по мобиле, значит…

Не додумав, я вышел из душа и учуял запах кофе. Мне захотелось расплакаться от счастья. Я пошел на запах. На кухне Элис готовила кофе… держа у уха мобильник и сосредоточенно слушая. Кивнув мне и жестом попросив приглядеть за кофе, она отправилась в душ. Я стоял как дурак у плиты, сосредоточенно думая о том, что не предусмотрел комбинацию «готовит кофе и говорит по мобиле». Когда кофе был готов, я быстро оделся и тихо отчалил. Все это было похоже на сцену из фильма «Великая красота».

* * *

Я уже три дня не показывался на работе, предавался хандре и надеялся, что мой долбаный работодатель вспомнит обо мне и пришлет хоть архаровцев. Но, видимо, он считал, что, в соответствии с контрактом, я и вне офиса думаю о работе. В какой-то степени так оно и было, но не мешало бы им проверить это. Был бы прекрасный повод излить желчь.

Элис не звонила. Я тоже не звонил. И от Степки ни строчки. Дед был какой-то смурной.

Словом, я чувствовал себя как старец накануне исповеди. Точно, мне необходимо исповедаться. Когда Дед наконец пришел, я пристал к нему с вопросами. Он готовил ужин, а я сидел, смотрел, как ловко все у него получается, и типа задавал ему абстрактные вопросы, хотя на самом деле пытался нащупать внеконтекстные ответы.

– Ты счастлив, Дед?

Он шлепнул котлету на сковороду и сказал:

– Был. – Потом прикрыл сковородку крышкой, полез в холодильник за овощами и продолжил головой к морозилке, задом ко мне:

– Ты это из-за Лизы?

Я чуть не свалился со стула – про Лизу я совсем забыл. Выходит, Дед в курсе. В курсе чего? Надо было нащупывать очень осторожно, потому я ждал продолжения. Кажется, он выбрал ту же тактику, и я сделал отвлекающий маневр:

– Дед, я о тебе. Ты счастлив?

Он вынырнул из холодильника и наплел очередную цитату про то, что перманентное счастье свойственно блаженным и идиотам.

– Ладно, – зашел я с другого бока, – ты доволен жизнью? Тебе интересно жить?

Он задумался и, нарезая огурец, медленно сказал:

– Чтобы понять, что был по-настоящему счастлив, надо стать по-настоящему несчастным. – Я кивнул, потому что понял, он имеет в виду свою короткую жизнь с моей неизвестной бабкой и ее скоропостижную смерть от передоза. Дед продолжал: – Что до интересно или нет, то мне интересно. Я жил в век научно-технического прогресса, когда скорость развития человечества сорвалась с цепи. И дожил до Интернета и нанотехнологий. Я родился в уникальной стране, поднявшейся с нуля до заоблачных высот. В прямом смысле. Ведь эта страна первой вышла в космос. Я видел абсурдное крушение этой великой и могучей державы, распад, казалось, незыблемого миропорядка, девальвацию традиционных ценностей и зарождение аморального мироустройства. На моем веку сменилось столетие и тысячелетие…

– Ау, Дед, – сбил я его пафос, – ты не на лекции в почившем в бозе обществе «Знание». Я тя по-человечьи спрашиваю, а ты мне про «космические корабли, бороздящие просторы Вселенной». Я уже давно не Шурик, да и тебе роль Пуговкина смешна. Тебе конкретно что дал весь этот шуршащий пафос?

– Этот шуршащий пафос сделал меня тем, кто я есть. И я ему благодарен. Благодаря ему я понимаю и переосмысливаю историю.

– И что с того? Ты даже в Бога не веришь! Ты и не верующий, и не атеист, и не агностик. Когда Бог тебя спросит…

– Ни о чем Он меня не спросит, – нахмурился Дед, – Он и так все знает, а ты скажи прямо, что тебя грызет?

– «Невыносимая легкость бытия», – вздохнул я.

– Типун тебе на язык! Может, это Бог как раз и дал тебе за все наши страдания. Коль уж дети не ответственны за прегрешения отцов, то иногда их можно поощрять.

– А у тебя так много прегрешений? – спросил я и подумал, что вопрос дурацкий, ибо всегда можно ответить: «Кто без греха, пусть первым бросит камень». Но Дед не воспользовался

библейской подсказкой и неожиданно хмыкнул:

– Да уж похиппарил я вволю.

Я решил, что не стоит ломать Дедов настрой, выпытывая, что там с Лизой, и мы с кайфом провели мужские посиделки.

Где-то часам к десяти позвонил Степка и заговорщическим тоном напросился в гости. Дед уже отчалил к кому-то на юбилей, делать мне было нечего, и я даже обрадовался. Степка почти ворвался в квартиру, хотя изо всех сил пытался придать себе значимость и степенность – кстати, что-то новенькое.

Как дрянной сыщик из дрянного детектива, он прошелся по всем комнатам, даже в холодильник заглянул. Несмотря на это, зачем-то поинтересовался, дома ли Дед, и наконец причалил в моей комнате. Плюхнулся на тахту и выжидательно уставился на меня. Аналогичный маневр повторил и я. Степка сдался первым, хотя его распирало от желания услышать мои вопросы. У меня же их просто не было, почем я знаю, какого фига он приперся.

– Эта высокая роскошь тот еще фрукт! – наконец выпалил он.

– Чиво? – не понял я, потому что действительно не понял.

– Таво! Элис твоя – та еще штучка!

– Я утверждал обратное? – остудил его я.

– Ну тебя! Я три дня таскаюсь у нее на хвосте, а он Младенца Гарольда изображает.

– Каво?

– Чиво-таво-каво! Достал своими глупостями! Я юзил-юзил, а ты, как всегда, все в делит и новый файл.

– Степка, не играй в мои игры. Какой еще младенец?

– Чайлд Гарольд. Персонаж такой – надменный и холодный. Тебе что, серьезно пофиг, что я надыбал?

– Идиот! Тебя кто-нибудь о чем-нибудь просил?

– Ну, я же не дурак, я сам все понял. Ты пригласил меня в кафе, показал Элис, поперся к ней, ясен перец зачем. А я в это время парился в машине. Потом вы друг за другом потащились каждый на своей тачке на другой конец города, потом…

– Степка, – взмолился я, – чем мне поклясться, что это роковая цепь случайностей. Ну, зависнуть мне как ржавый комп на месяц без секса, если я пригласил тебя в тот сакраментальный день из прагматичных соображений.

– А зачем тогда? – вылупился он.

– Да говорил же тебе – высокая роскошь общения. Сент Экс и прочая, и прочая.

– Ты! Пригласил меня! – медленно выговаривая слова, начал он. – Просто так! Из-за… «прочая и прочая»?! Ты, хренов интеллектуал, долбаный пиарщик, любимец баб, сноб и прочая, и прочая, решил приколоться надо мной, а я как дурак…

– Стоп! – поднял я палец. – Спасибо за исчерпывающее резюме моей персоны. Многое мне в диковинку. Что касается дурака, то ты не как, а самый настоящий. В жизни бы не поверил, что у тебя такая низкая самооценка. Ты что, лузером себя считаешь? Почему?!

– Да рядом с тобой кто хочешь так себя считает. Даже твоя Элис. Может, спросишь наконец, что я надыбал?

– И не подумаю! Даже если она решила меня отравить, а ты вынюхал, где, как, чем и когда, все равно не спрошу.

– Почему? – проскулил он.

– Да потому, цифровая твоя мозга, чтобы ты поверил, что ничего мне от тебя не надо было. Просто и всего только… «и прочая, и прочая».

Я выдохся. Степка тоже.

– Дед дома? – спросил он, и я запустил в него подушкой. Степка поднялся и пошел на выход. Я пошел следом, считая, что добавить мне нечего, хочет оставаться дураком, его дело. Но Степка прошествовал на кухню, достал из холодильника снедь, вытащил бутылку Дедова любимого вина (вот зачем спрашивал), разлил по бокалам и сказал, подняв свой: – Ну и на хрен!

Отличный, кстати, тост. До прихода Деда мы его развивали по всем направлениям. Дед вернулся в соответствующей кондиции и присоединился к нам. Степка заночевал у нас. Точнее, заутрил, ибо разбрелись мы по комнатам, когда уже почти светало.

В девять утра меня разбудил телефонный звонок. Моя секретарша, пардон, помощница, миль пардон, помощник, голосом, звенящим от священного трепета, сообщила, что господин Пименов спрашивает, когда сегодня можно встретиться. Я уж было собрался ответить, что где-то к четырем, но что-то торкнуло, и я сказал: «Когда ему будет удобно». «Через тридцать четыре минуты», – мгновенно ответила она и отрубилась. Я понял, что избежал очередной ловушки: хорош бы я был, если б назвал свое время, а мне велели прийти к означенному часу. Или у меня уже бзики и я в каждом пуке слышу канонаду. Да нет, откуда тогда эти тридцать четыре минуты – двадцать пять до офиса и девять на сборы?

Короче, я успел вовремя. Но доставили меня не пред светлые очи Пимена, а к Карлычу.

Налицо было воспитание статусом. Ладно, посмотрим, что дальше.

– Так говоришь, что «пираньи» вышли на след? – спросил он, не утруждая себя приветствием.

Я решил, что это слишком! Как сказанула в известных

обстоятельствах мадре, одного официанта на семью достаточно. Посему я очень вежливо ответил: «И вам доброго утра». Отпасовал он под дых: подтолкнул ко мне пачку фотографий со словами: «А ты – Брут!» Я вовремя не исправил на «И ты, Брут», так как после просмотра фотографий понял, что он имел в виду. Кстати, хоть мне и не предложили сесть, фотографии были отличным поводом развалиться в кресле для их изучения. Это была фотосессия моей злосчастной встречи с Элис – от кафе до подъезда ее дома, куда мы входили почти обнявшись, и конечно же финал того дня.

Я спокойно просмотрел все, сложил аккуратной стопочкой и спросил: «И?» С минуту Карлыч типа сверлил меня взглядом, а потом сказал:

– И что можно подумать, получив это на следующий день после твоего проникновенного анализа о целях «пираний»? Как ты думаешь?

– Я вот думаю, кого вы пасли – меня или Элис?

– Это все, о чем ты думаешь?

– Ну… еще о том, что будет смешно, если я, гордо вскинув голову, заявлю, что оскорблен вашим недоверием и расторгаю контракт.

– Почему? Тебя ничего не шокирует?

– Помилуйте, сударь, о чем вы?! Я ж не первый день знаком с вашим… заведением. О каком шоке можно говорить, если изначально понимаешь, что заключил контракт на… шокотерапию.

– То есть так ты воспринимаешь свою работу?

– Чиво?! – вылупился я. – Кто тут говорит о работе? Где тут работа? Мне пихнули какое-то фуфло, отбрыкнулись от креативных стружек моей аналитики, подсунули Элис и…

– Не воображай, никто тебе ее не подсовывал. Такую я б лучше себе подсунул. И не уходи от ответа.

– Ладно, – кивнул я, – при всем вашем желании, обвинить меня в утечке вы не можете. По той простой причине, что у меня не было никакой информации для этого. А моя личная жизнь – это моя личная жизнь. Мне даже лень для проформы сказать, что мной двигала благородная цель – вызнать что-нибудь у Элис.

– Почему же?

– Да кто же поверит правде? – театрально возопил я.

Карлыч вздохнул и, поднявшись, кивком показал следовать за ним. Я думал, что меня пинком вышвырнут на волю, но не тут-то было, мы вошли к Пимену Он глянул на Карлыча, не знаю, что тот просигналил, но Пимен пригласил сесть. Потом кивнул мне и подтолкнул фотографии.

– Да насмотрелся уже, – вздохнул я.

– Не хами, – нахмурился Пимен. Я устало уставился в фотки. Это была совсем другая фотосессия. Какой-то парень лет под сорок в разных локейшнах. – Что скажешь? – полюбопытствовал шеф.

– Впервые вижу, – ответил я, пожав плечами.

– Ты детектив-то не разыгрывай, – вмешался Карлыч, – способностей у тебя нуль.

– Итак, что скажешь? – повторил Пимен.

– Скучный тип, никакой харизмы.

– Вот ты и слепи ее, – распорядился Пимен, – ибо это и есть наш кандидат.

Все-таки я не успел взять себя в руки, и челюсть отвисла.

– А ты думал, за что мы тебе такие бабки платим? – хмыкнул Пимен. – Иди и думай.

– Для этого мне нужен Ватсон. Только не предлагайте на эту роль Карл Карлыча, – взмолился я.

– Ни-ни, – ответил Карлыч, – я твоему Степке не конкурент.

Подлая челюсть отвисла второй раз. Видно было, как эти два здоровых мужика кайфуют как мальчишки, считая, что лихо вставили мне. Хотя почему – считают? Вставили по полной программе, так сказать, провели сеанс интеллектуальной групповухи. Чтобы сохранить лицо, точнее, хотя бы профиль, я спросил:

– Это можно считать разрешением?

– Да, – кивнул Пимен, что означало конец аудиенции. Я вышел, кипя от злости. За свое паршивое бабло они намеревались использовать меня не только как профи, но и как юродивого. Я подумал, чем реально являюсь для переростка ПиПи – дорогой игрушкой, живым тамагочи? Ну и фиг с ним, у богатых свои причуды, главное, помнить: «Юзни там, где тебя считают анюзли».

Я протопал к себе и грозно велел своей(му) сек… помощнице… помощнику соединить меня со Степкой.

– С кем? – вытаращилась она.

– Справьтесь у Карлыча, – ехидно порекомендовал я и добавил, перед тем как закрыть дверь: – потрудитесь впредь не обременять меня непрофессиональными вопросами.

Я уселся на подоконник и закурил. Кстати, это было единственное условие, на котором я настоял при подписании контракта. Не сидение на подоконнике, а курение. Я сидел, злобно размышляя, как эта коза Ангелина «пойдет туда, не знаю куда». Точнее, соединит с тем, не зная, с кем. Она меня круто разочаровала. Минут через десять селектор возвестил ее голосом:

«Степка на линии». Так и сказала: «Степка». Не контора, а шпионское логово, подумал я и дал девчонке новое ЦУ:

– К завтрашнему дню приготовьте ему кабинет где-то поблизости от моего. – Пусть приучается работать.

* * *

Через час Степка возник в моем кабинете и принялся с плохо скрываемой завистью рассматривать его. Я напомнил ему, что зависть относится к категории смертных грехов, и, не дав времени на ответ, спросил, согласен ли он работать у меня. Из пижонства я сказал:

– На меня.

– Кем? – тупо спросил Степка. – Ты что, серьезно?

– Степка, оставь привычку задавать идиотские вопросы. А идиотские – это спонтанно рождающиеся вопросы. Как залет после случайного секса без использования презерватива. Презерватив, Степка, нужен при бесконтактном общении не меньше, чем при контактном. Даже больше, ибо во втором случае есть радикальная мера в виде аборта, в первом – чаще всего сам, образно говоря, становишься жертвой аборта. Не успеешь оглянуться, а тебя уже делитнули. Усек?

Он торопливо кивнул и быстро спросил:

– Мик, а кем я буду работать? – Заклинило парня, не среагировал на такой спич.

– Будешь моим персональным Ватсоном, – вздохнул я, – а для маскировки оформим тебя компьютерщиком. И чтоб совсем задурить всем мозги, я представлю тебя как имиджмейкера.

– Хрен с ним, – решил Степка, – хоть уйду из нашего серпентария, а то Игорь пристал как репей, все издевается над нашей дружбой. Не верит в теорию Сент Экса. Пиар-свин натуральный. Слушай, а эта, ну, у тебя в приемной…

– Ты с ней поосторожней, – перебил я. – Они здесь фору дадут любому из вашего серпентария.

– Да? Давай тогда найдем другую, свою, – по-хозяйски решил Степка.

– Неверное решение. Так мы хоть знаем, кто на нас стучит, и будем настороже. В противном случае придется вычислять «дятла». А это будет нелегко.

На этих словах селектор поинтересовался, можно ли войти, голосом предполагаемого «дятла», так как велено передать мне документы. Я милостиво разрешил, присовокупив, чтобы она принесла и кофе. Словом, к настороженной радости Степки,

девица дважды вошла к нам, соответственно, дважды вышла.

Мы выпили кофе, и я велел Степке уматывать, потому что мне надо работать. Когда за ним закрылась дверь, я погрузился в документы, оказавшиеся пухлым досье на предполагаемого кандидата – Антона Антоновича Сикорского. И как это Пимену удается откапывать персонажей с бинарными инициалами? Пунктик, что ли? Или комплекс? Я тут же сократил кандидата в АнАна, отбросив вынырнувшую было аллюзию с Онаном. Дочитал досье, взгромоздился на подоконник, закурил и резюмировал: «Что-то тут не то!»

К «не то» относилось всё! Кандидат не обладал не только внешней харизмой, но, судя по всему, она, как понятие, вообще не присутствовала в его жизни. Он родился в семье советских инженеров, окончил Бауманку, защитил диссертацию, стажировался в США, участвовал в различных научных симпозиумах в разных странах и т. д. и т. п. Женат, имеет дочь и сына тинейджерского возраста. В особых политических пристрастиях не замечен. Дома держит кота и аквариум с рыбками, которых привозит из посещаемых стран (своеобразное «селфи», отметил я). «В связях, порочащих его, не замечен», словом, «типичный ариец». Ага, дошло до меня, вот в чем дело – он же сплошь правильный, не за что зацепиться. Кого и в чем он может убедить и, тем более, повести за собой? Какого хрена они подсунули мне это пюре? Я собрался позвонить Карлычу и все выложить ему, потом вспомнил свою лекцию про интеллектуальный презерватив и решил повременить.

Вообще-то тут сработала другая теория, Дедова, о том, что перед тем, как что-то импульсивно сделать, надо выкурить сигарету. За это время импульс минимизируется, эмоции аннигилируют в столкновении с разумом и то, что остается в осадке, есть то, что поможет тебе самому не выпасть в осадок. Дед тогда продекламировал стихи, из которых я до сих пор помню пару строк, что-то типа:

> «Докури, докури, докури сигарету
> И помедли, немного помедли с ответом,
> Прежде, чем спонтанно решить – быть или не быть,
> Докури последнюю сигарету».

Было мне тогда лет восемь, мадре со скандалом сошлась с очередным прохвостом, Дед наорал на нее и предал анафеме. Она ушла, хлопнув дверью. Дед наклюкался, носился по комнатам и орал какие-то стихи под грохот на всю катушку «Паяцев». Я рыдал, забившись под стол. Мне было плохо-плохо-плохо! Дед

увидел меня, выволок из-под стола, секунд тридцать созерцал, безумно вращая глазами, потом со словами «Бедный Ёрик!» выпустил. Я шмякнулся об пол, Дед пошлепал на кухню в одном шлепанце и развевающемся халате, сильно смахивая на жуткого ворона. Мне стало хуже-хуже-хуже. Я понял… да-да, я все понял, никому до меня нет дела! Доказательством тому было то, что Дед то ли не признал меня, то ли спутал с каким-то Юриком. Мало того, он так наклюкался, что едва ворочал языком, назвав не Юриком даже, а Ёриком! Я был потрясен, уязвлен, и меня душила растоптанная вторым Дедовым шлепанцем гордость. Я отправился на кухню, взял самый острый нож и резанул по запястью (шрам, кстати, сохранился, и я вру девицам разные героические байки о нем). Я собирался встретить свою смерть достойно, как римский патриций, но вид крови все испортил. Я заорал благим матом, чувствуя, что умираю, и медленно стал сползать в обморок. На мой вопль пригалопировал одношлепанцевый Дед. С бутылкой в одной руке и шлепанцем в другой (как тогда меня зациклило на этом!). С секунду он созерцал картину потом… шлепнулся в обморок. Ей-богу, не вру! Я был так возмущен подлостью взрослых (нет чтобы спасать умирающего, сам решил отдать концы!), что как-то сразу очухался. Собрался с силами, перетянул запястье полотенцем и со свирепой радостью опрокинул на Деда чайник холодной воды. Дед, зафыркав, как старый боевой конь, уселся, оглядел ристалище, на котором плескались кровь, вода и виски, и, кажется, решил снова отрубиться. Но я не предоставил ему эту счастливую возможность – вылил на него остатки воды. Он еще раз отряхнулся, уставился на меня, задержал взгляд на моей повязке и замызганной кровью майке, помотал башкой, сощурил протрезвевшие зенки и выплюнул: «Сука!» Это враз вернуло меня в естественное состояние. Я плюхнулся в половую лужу (в смысле растекшуюся по полу), засучил тощими ножками и заорал: «Сам такой! Сам-сам-сам! Никому я не нужен! И не Юрик я, а Мика! Мика я, суки подзаборные!» Дед встал, подошел ко мне, приподнял за шкирку. Я думал, что он опять, как давеча, уронит меня, но он отволок меня в ванную, раздел, снял повязку. Рана до позорного была ничтожной. Мне стало стыдно, что он решит, будто я, как мадре, просто спектакль учинил, и я заскулил. Но он довольно кивнул, отметив, что рана пустяковая, и принялся смазывать ее какой-то гнусью из аптечки. После этого сунул меня под душ, потом сам залез туда, и мы, стоя рядом, дружно кляцали зубами под холодными струями. Потом обтерлись и прошествовали в его кабинет. Дед позвонил нашей домработнице Ксюше, живущей в соседнем подъезде, и попросил зайти,

прибраться на кухне. Пока она там чистила, что-то бормоча, мы с Дедом тихо беседовали, утопая в креслах. Дед начал с того, что «принес мне официальные и искренние извинения», поклявшись никогда не повторять подобного. Я не очень понял, о чем речь, но кивнул. Потом он сказал, что «непечатное слово, слетевшее с его уст», относилось вовсе не ко мне, а к нему самому и… впрочем, это не важно. Я опять кивнул, потому что понял, кого он имеет в виду, и даже был с ним согласен. Затем он снял с полки какой-то томик и, вертя его в руках, рассказал мне про принца Датского. Так я познакомился с Шекспиром, который стал мне другом, не задаваясь Степкиным вопросом о прагматизме. Когда Дед завершил свой рассказ, мы услышали всхлипы. Оказывается, Ксюша тоже слушала повествование Деда.

– Вот сто раз смотрела кино по телику, – сказала она, – а все равно, Александр Григорьевич, вы как-то по-особенному все изложили. Я там чай вам приготовила. Все чисто, можете пойти попить.

Дед поблагодарил ее, проводил до дверей, и мы потопали на кухню. Дед разлил чай по чашкам, вытащил конфеты, пирожное, варенье. Сел и закурил.

– Ну, и что ты думаешь, – спросил он, выпустив кольцо дыма.

– Думаю, почему ты куришь? Это же вредно, – ловко вывернулся я, так как мне было неловко говорить то, что я думаю обо всем этом.

– Жизнь – вообще вредная штука, – усмехнулся он, – потому и курю.

А потом поведал мне свою теорию про «сигарету на размышление» и с нелогичностью взрослых завершил:

– Впрочем, ты прав, курить вредно. Так что не кури.

– Ты же сказал, что перед тем, как решить, быть или не быть, надо закурить. А если я опять…

– Ладно, – поежился Дед, – валяй!

Я взял сигарету и закурил, изо всех сил изображая киногероя. Потом заявил, что неплохо бы запить чем-нибудь. Дед молча налил мне вина. Дальнейшее в памяти смазалось. Помню только, что я истерично ржал и блевал, ржал и блевал. Потом рыдал и блевал. Потом Дед поставил мне клизму. В самом прямом и пошлом смысле.

Короче, из того вечера я сделал несколько выводов на всю жизнь: если хочешь вытыкнуться, лучше заткнись.

Ведь если бы я не вылез с просьбой о сигарете, не оказался бы в позорной ситуации.

Перед тем, как швырнуть в кого-то что-то, подумай, не бумеранг ли это.

Ведь о сигарете я брякнул вовсе не потому, что мне хотелось курить, а чтобы подловить Деда на нестыковке этой чертовой цитаты с его наставлением о некурении.

Как бы хорошо тебе ни было в данную минуту, в следующую может стать еще хуже.

Хотя возможно и противоположное.

Если ты едва не утонул, не зарекайся никогда не лезть в воду, лучше научись хорошо плавать.

Мир ведь по большей части из воды и состоит.

Если кто-то считает, что преподал тебе урок на всю жизнь, прими урок к сведению, хотя бы для того, чтобы использовать его против давшего.

Ибо сказано, что плох тот ученик, что не превзошел своего учителя.

Словом, лежа в постели и глотая слезы, я поклялся, что не притронусь ни к сигаретам, ни к спиртному, пока не почувствую, что реально хочу этого. А глобально этот принцип я сформулировал так:

«Никогда не делай ничего, чтобы кому-то что-то доказать. Даже себе!»

Я честно старался следовать этому. Потому многие меня не понимали, они пытались найти всевозможные причины, движущие мной. А она была всего одна, причем константная:

«Если интересно, то оно того стоит!»

Ну и что из меня могло получиться, кроме раздолбая-пиарщика?!

* * *

Степка вывалил мне все ссылки по кандидату. Проштудировав их, я устроил «малый совет в Филях». У Степки по этому поводу была только одна идея: кандидат провалится и нас выпрут. Мне же казалось, что содержать такой пиар-штат, да на такую зарплату ради провального дела, не укладывается в нормальную бизнес-схему. Степкин аргумент о том, где это у нас я видел нормальные схемы, просто проигнорировал, потребовав путных идей. Тут он ехидно заявил, что роль Ватсона не в том, чтобы предлагать гениальные решения, а в том, чтобы выслушивать таковые от Холмса и восхищаться ими. И им, Холмсом, то есть. Он был прав, но признавать правоту подчиненных – высший пилотаж руководителей (как точность – вежливость королей). Я до этого еще не дорос, потому скривился и сказал, что идея у меня есть – контакт. Прямой и скрытый.

Степка кивнул, и мы разработали операцию моего случайного знакомства с АнАном – без расшифровки моей личности. Степка должен был вести наружное наблюдение. Реализовать план было несложно, так как благодаря Степкиным усилиям мы знали график жизни кандидата почти поминутно. Рестораны, симпозиумы, корт мы отмели сразу – слишком банально. Устроить что-то вроде киднепинга, а потом спасти его детей – Карлыч вмиг раскусит. Оставались рыбки и кошка, потому что жена кандидата была не в нашем вкусе. Рыбки тоже пролетели – он их не здесь покупал, а привозил. В центре круга «технология случайного контакта» оставался кот. Но он был домашний! Степка сказал, что даже домашних котов выгуливают, точнее, отпускают на выгул. Словом, нарвался на первое задание – отследить, когда и как это происходит.

Через пару дней Степка положил передо мной график жизни Кандидатова кота по кличке Перс. Как человек контактный, массу информации мой подельник собрал во дворе. Не мудрствуя лукаво, я решил применить систему, в результате которой познакомился с Лизой. То есть инсценировать наезд. Но, в отличие от материнской схемы, наезд будет не на пса, а на кота. Поскольку я уже показал себя в подобной роли, то наезжать Степка предложил мне, а в роли спасителя выступить самому. Потом как-нибудь Степка меня бы представил благодарному кандидату как своего друга. Я сделал умный вид и заявил, что план неудачный, т. к. у кандидата появится подсознательная антипатия к человеку, едва не лишившему их любимца семьи. Степка постарался тоже сделать умный вид и предложил мне скрыться с места происшествия. Я заявил, что нефиг усложнять, он вздохнул, поняв, что скрыться с места происшествия предстоит ему.

Мы до мельчайших деталей разработали операцию и потирали руки в ее предвкушении. Но жизнь, в лице ее конкретного представителя, перечеркнула наш замысел. Ангелина, слегка щелкнув по двери ногтем (что за дурная манера застать человека врасплох, при этом как бы соблюдая правила приличия!), вошла в кабинет, заявив, что господин Пименов ждет меня. Оставив Степку, давно вознамерившегося перевербовать девицу, наедине с ней, я отправился на ковер.

У ПиПи кроме неизменного КаКа (вот так Карлыч перестал быть страшным) был еще один человек. И, черт бы их всех побрал, это был АнАн! Я задумался, кого из этой троицы бинаров мне хочется прибить первым. ПиПи прервал мой подсчет аргументов, перейдя к церемонии представления. Потом спросил, какие у меня идеи по поводу известной задачи. Я ответил, что для этого

хорошо бы познакомиться с человеком ближе, чем барьер офисного стола. Пимен поинтересовался, чем же я, точнее, мой отдел (!) занимался до этого? Я выдал шквал информации, включая, где, когда, по какой цене приобретались аквариумные рыбки с перечислением их пород. Когда дошел до графика выгула кота, отметил намек на улыбку на лице Карлыча (молодец Степка!). Я отпил воды и на чистом кураже выдал план операции «технология случайного контакта». Карлыч замер. Пимен побагровел, кандидат… рассмеялся. У него был хороший смех, и я подумал, как хорошо, что мы со Степкой решили не покушаться на его жену. Отсмеявшись, он спросил:

– Могу я называть вас просто Микой?

А в нем есть букет вкуса. Вот те раз! А кандидат-то непрост! Даже Пимен демонстрирует уважение к нему. Я думал, это для дела, выходит, по делу. Я воздержался от шутовства, черт знает, какой скелет в этом шкафу, и просто кивнул. Пимен благословил меня на дальнейший труд, и я отчалил.

– Ну? – Степкино напряжение зашкалило бы вольтметр.

Я не стал его томить, да и самого распирало от гордости. Выложил все в красках и плюхнулся на диван в ожидании оваций. Но Степкина реакция меня удивила.

– Мик, не знаешь, почему «Три товарища», «Три мушкетера», «Трое в лодке, не считая собаки»?

Конечно же я понял, что он имеет в виду, и грозно сдвинул брови.

– Охренел?! Ты хочешь Ангелину…

– Да! – возопил он. – И это естественно. Хотя в данном случае я не это имел в виду. В смысле, не ее.

– И никаких служебных романов, – на всякий случай предупредил я, – здесь в любой дырке может оказаться жучок!

По Степкиной роже я понял, что сморозил не то, и вывернулся:

– Например, в мочке уха.

– Наножучок, – хмыкнул Степка, но я прервал, спросив, чего это он решил, что нам еще кто-то нужен. Из сакральности цифры или есть практические предложения?

– Без контакт-герл не обойтись, – заявил он, – или на худой конец спам-герл.

– Чиво?

– Таво! Тусовщица нужна, – со значением заявил Степка, – чтобы добывать… ненормативную инфу.

– Эт еще что?

– А то, что не надыбать ни в инете, ни в СМИ. Нужна красотка и умница, от которой у мужиков выключаются все органы, кроме

одного. А если просто блондинка, то есть спам, все равно польза – пробьет контакт для внедрения. Смотри, все, что можно было по АнАну, мы скачали, а ты говоришь, что он не так прост. И это после одного живого контакта. Сечешь, что будет, если запустим «спам». Ну, типа Аллочки Михеевой.

– А может, ты подгребешь к его жене, ну, типа, «спам-гай»?

– Ты че? Да за такое битуше…

– Чиво?

– Двойное туше! Гад ты, Мика, после тебя надо делать апдейт всего организма.

– Ладно, пошутил. Наверное, ты прав. Давай-ка искать что-то вроде дизайнера, чтобы навороченный комплект был: пиарщик, компьютерщик, дизайнер. Есть кто на примете?

– Можно объяву вывесить в сети.

– Нет, Карлыч подсунет свое. Лучше сделаем слив инфы в сети… с туманными намеками. Как раз посмотрим, что и кто о нас жужжит. Степка, а у тебя есть кот?

– Нет, – врубился он, – но могу одолжить у тетки, она намылилась в отпуск.

– Отлично! Узнай всю подноготную про ее кошару, особенно выуди какую-нибудь проблему, чтобы тема для контакта появилась. Усек?

Степка кивнул и отправился к тетке, а я примостился на подоконнике и предался размышлениям. Из этого не самого приятного состояния меня вывел звонок. Звонила Элис! Самым непринужденным образом она поинтересовалась, на какой стадии находится их предложение. Я ответил, что свою точку зрения изложил начальству и жду высочайшего решения. Пообещал сегодня узнать, есть ли новости. Мы простились. Естественно, о работе я уже не мог думать и… позвонил Лизе. Она не выразила ни удивления, ни радости, ничего. Что за женщины пошли – деэмоцион! Мы вяло пообщались. Во всяком случае, если Дед пристанет с расспросами, мне есть что сказать. Кстати, а ведь Дед может что-нибудь знать об АнАне! Но негоже отправляться домой после облома с двумя девицами. Я подумал, к кому бы напроситься, а потом решил, что есть решение получше. Позвонил Карлычу и спросил, есть ли высокомудрое решение по поводу «пираний». Карлыч заявил, что если мне интересно мнение вышестоящих лиц по поводу прошедшей встречи, то нечего придуриваться и тратить его драгоценное время. Черт, я ведь, самокопаясь в отношениях с женщинами, совсем забыл о деле! Карлычу этого не понять, да и не нужно. Посему я, глупо хихикая, сказал, что и не рассчитывал провести такого умника, как он, хотя мне действительно надо знать, что ответить бывшим

коллегам. Карлыч расслабился от мелкой лести и сказал, что кандидату я понравился. Что до «пираний», то руки у меня развязаны – могу их медленно поджарить. Браво, Карлыч, он подсказал мне ход действий. Так и поступлю. Я позвонил Элис и в той же равнодушной тональности, что давеча она, сказал, что есть о чем поговорить. Она предложила встретиться. Ес!

* * *

Я смотрел на Элис и не мог понять, что меня в ней так цепляет. Конечно, она умная, красивая, самостоятельная. Но все это есть и в Лизе. Больше того, Элис – случись что-то даже по ее вине – никогда бы не пришло в голову увести человека с места происшествия, чтобы спасти его реноме. Разве что он ей понравился бы или она на что-то рассчитывала в будущем. И, конечно, она не стала бы печься о чьем-то деде просто потому, что ценит его как человека. Почему тогда я теряю голову не от Лизы, а от Элис? Наверное, хмуро подумал я, потому, что мы с ней «одной крови». Мы оба законченные циники. Вот ведь, ради дела она готова переспать со мной, хотя раньше, когда я ради нее готов был… да, даже название придумал их зловонной фирме, а она… А теперь… Теперь мы на равных.

– Можешь предложить слоган кампании? – спросил я. Сказал и понял, что она все просекла: и мою обиду, и этот детский выпад в стиле пинг-понг в наше короткое общее офисное прошлое. Болван! Кретин! Осел! Сам себя загнал! Дурой она будет, если не подловит меня: «Так вы все-таки участвуете в гонке?» Она поступила иначе, а как же иначе, ведь это – Элис.

– Ты прав, – сказала она, – за все надо платить. За глупость – дороже всего. – Она поднялась, а я лихорадочно соображал, что она имеет в виду. И тут она добила окончательно:

– Впрочем, такой жирный кус, как твой шеф, лучше иметь… как минимум, в плюсе. Да, кстати о прошлом… я тебе ничего не должна – так сложились обстоятельства. Так что… И ты прав, если надо будет с тобой переспать ради дела…

– А… – попытался я ее перебить, но она не дала.

– А прошлый раз… – продолжила она, но я все-таки ее перебил:

– Я имел в виду, ты бы и с ПиПи… ради дела?

Она посмотрела на меня как на таракана и сказала:

– Пойдем, если приспичило.

Мне приспичило, невооруженным глазом было видно. Я не собирался изображать из себя оскорбленное достоинство, тем

паче что его и не оскорбляли. В общем, ночь задалась отменная! Ничто так не способствует сексу, как разгадюшенные амбиции. А они были с обеих сторон.

* * *

Дед, само собой, не спал. Достал он меня этим, хотя я с шестнадцати лет пытался отучить его от привычки дожидаться, пока «цыпленок» припрется в гнездо. Он перестал доставать меня вопросом «Не мог позвонить?» и даже не притворялся спящим или ждущим. Лежал у себя и читал. Я протопал к себе, разделся, лег, закрыл глаза и сказал: «Никакого анализа! Спать!» И провалился в сон.

В субботу мы с Дедом отправились на дачу. Туда подвалили его друзья – недобитые аристократы и обуржуазившиеся хиппи, как их называла мадре. Та еще компания! Я знал всех их с детства и очень любил. Они меня – соответственно. Для них я был чем-то вроде сына полка. Точнее, они называли меня виконт де Бражелон. Мне это льстило до той поры, пока я не понял, что лесть относилась к Деду – для них он был Атос, а я так… по логике продолжения. Но тогда я еще не был циником, Деда любил свято и особенно не страдал от прозрения. Что меня удивляло, так это разношерстность компании и то, что они никогда не приводили женщин. Это был закрытый мужской клуб. Там я научился играть в покер, преферанс, шахматы, разбираться в политике и женщинах (приводить не приводили, но говорить говорили, причем абсолютно не стесняясь моего юного возраста). Именно там, в клубе, я понял, что придурковатый вид – мое главное оружие, и научился отменно им пользоваться. Преф и покер научили меня молчать и держать в узде не только чувства, но и мимику. Владение таким арсеналом боевых искусств делало меня неуязвимым для среды – от ровесников до учителей. Потом оно помогало мне в отношениях с сослуживцами и с женщинами. Кроме разве что Элис. Но, как говорится, еще не вечер.

Свой вопрос об АнАне я закинул во время шашлыка, зная, что, когда клуб сядет играть, разговоры станут невозможны. А продлится игра до подутра. Никто о таком не слыхивал, даже Владислав, в чине полковника пребывающий в известной конторе. Кстати, всех Дедовых друзей я называл по именам. Пошло это сызмальства, когда я еще был в возрасте грассирования – от трех до пяти. Как-то я обратился к тогда еще кандидату чего-то связанного с генной инженерией (ныне, естественно, доктору и профессору) Игорю Николаевичу: «Игореша, ты обещал мне

мутированного ослика. Где?» Игореша хмыкнул: «Чего тащить откуда-то, когда вокруг полно». Все рассмеялись. Я не понял и вознамерился продолжить допрос. Дед зыркнул на приятеля и перевел стрелки: «Мика, почему ты обращаешься к Игорю на ты? Надо на вы».

«Так он же один», – резонно возразил я. Общество умилилось и разрешило мне во веки веков обращаться ко всем на ты и по именам. Дед не возражал, ибо добился главного – отвел разговор о «мутированных ослах». Почему я сейчас вспомнил об этом? Наверное, депресняк замучил и душа жаждала то ли садизма, то ли мазохизма. Всеобщее незнание личности кандидата усилило это чувство.

– Странно, – продолжил я развивать тему, – мне казалось, что ваша контора знает все и обо всех.

– Брось, – вяло отмахнулся Вадик, – много чести копаться в каждом мудаке и лузере.

– А по каким критериям ты относишь людей в эти категории? – не унимался я.

– Категория одна – если не мешает жить, пусть себе живет. А что ты им интересуешься, бабу он у тебя увел, что ли?

– То есть меня интересует только это? – Я опять отвел тему, чтобы ушлый Вадик не заинтересовался раньше времени кандидатом. – Забавно. Выходит, раз я не мешаю вам жить, то или мудак или лузер? Контору интересуют такие? И кто конкретно?

– Легче было бы отшутиться: «Скорее, первое», но так как ты свой, то отвечу честно: «С чего ты взял, что не интересен нам?»

Если бы я не заметил, как отвисла челюсть у Деда, то вряд ли справился со своей.

– Премного благодарен, – отвесил я поклон, – все лучше, чем мудак или лузер. ПиПи вот без раздумий отнес меня ко вторым.

– Мудак! – смачно резюмировал Вадик и пояснил: – Не по нашей категории, а по жизни.

– Напрасно вы так категорично, – вступился я за честь шефа, в надежде что-нибудь пронюхать, – не так он прост, как кажется.

– И в этом его проблема, – заявил Вадик. Тут некстати вмешался Ашотик, сказав, что, раз с Микой понятно, пусть чертов гэбист хоть раз скажет правду, а именно, кто из присутствующих к какой категории относится. Общество разволновалось. Дед заявил, что неча устраивать перлюстрацию, но Ашотик уперся и стоял на своем. Остальные его поддерживали. Я лихорадочно соображал, как бы перевести разговор в интересующее меня русло, как вдруг услышал вопль седобородого и импозантного оперного баритона Харитоши: «А может, и на нас тебе стучат?» Я опупел. Остальные тоже.

– А чего на вас стучать, – невозмутимо заявил Вадик, – вы отработанный материал.

Это он напрасно сказал. Генка по кличке Бретер, по профессии архитектор, вскочил, явно собираясь дать Вадику по фейсу. Как самый молодой, я среагировал раньше всех, и удар пришелся по моему черепу. Я растянулся на полу, не столько из-за силы удара, сколько потому, что поскользнулся на шкурке помидора. Мужики на мгновение затихли. Страшной тишиной. Наверное, вид у Деда был такой. Я уже собирался успокоить их и встать, потом решил, пусть лучше переключатся на меня, чем продолжат разборки. Неправильное было решение. На меня обрушился водопад. В прямом смысле. Я вскочил и увидел в руках Вадика кувшин с компотом.

Уже без компота, конечно.

– Неча придуриваться, – как ни в чем не бывало заявил Вадик и пригласил всех перейти от дебатов к игре.

Надо же, они как цуцики последовали его приглашению. Только Ашотик подошел ко мне и протянул шелковый носовой платок ценой в Степкину зарплату. У меня рука не поднялась взять его. Ашотик обтер мою морду, подмигнул и направился к игровому столу. Я пошел принимать душ, попутно решая, смыться или присоединиться к компании. Решил, что второе больше «по-мужски».

Когда под утро игру закруглили и перешли к кофе, Вадик неожиданно сказал:

– Так вот, продолжаем разговор. – Он жестом призвал возмущенных друзей к молчанию: – Лучше сейчас расставить точки над «и», чем вы будете домысливать на моих похоронах.

– Не рано ли завещание писать? – вставил Ашотик, явно пытаясь уйти от нежелательной темы.

И тут неожиданно заговорил Андрюша. То есть неожиданным было то, что он сказал:

– Как раз самое время, а то я не знал, как вам сказать. Дело в том, что этот… мудак (он кивнул в сторону Вадика) серьезно болен. Сядь, Вадька! Будь один раз не гэбистом, а человеком, в конце концов, здесь твои друзья… Смею на это надеяться. Я случайно узнал. У нас, врачей, тоже ведь… сеть. Знакомый… настучал. Кстати, Вадик, не из вашей больнички, так что не тряси своих. Анализы делали в крутой лаборатории, в общем, цепь случайных совпадений. Хотя теперь я уверен, что случайностей не бывает. Словом, лечение возможно только в Швейцарии. Сумма, как вы понимаете, совершенно неподъемная для Вадика. Он ведь не просто мудак, а честный. И, что хуже того, гордый. Так что решил молча угасать на родине.

– А что ты имеешь против честности? – невпопад вклинился Ашотик, видимо переваривая информацию.

– Чья бы корова мычала, – буркнул Игорек.

– Ты на что намекаешь?! – взвинтился Ашотик. – Все не можешь простить, что я отмазал того паренька? Так ты себя вспомни в его возрасте. Если б Вадик тогда не вмешался, гнить бы тебе за косячок сам знаешь где. Что, не знал, что Вадюша за тебя похлопотал?

– Заткнись! – заорал он, хотя Игорь сидел абсолютно подавленный. – А ты, – зыркнул Ашотик на Вадика, – полная сволочь с полным недоверием к людям. И черт с ними, людьми, – еще пуще распаляясь, сказал он, – но друзья… они что, только для игры и похорон?! И попробуй рот открыть! Андрюша, сколько надо?

Андрей вывел на листе, где расписывалась пулька, сумму. Она и впрямь выглядела устрашающей. Игорь присвистнул. Ашотик вытащил свежайший носовой платок (запасные, что ли, носит?), вытер руки и написал в своей горке сумму, равную половине означенной. Мужики повеселели. Когда все расписались, оказалось, что не хватает двух тысяч евро. Ашотик крякнул и потянулся за ручкой. Андрюша повторил его движение, но я был проворнее и расписался. Они уставились на меня. Я пожал плечами. Дед сиял как самовар. Ашотик сложил лист и сказал:

– Есть у армян такое слово – шрджапат. Это что-то вроде круга, окружения… Ближний круг, так точнее. Вот человек, у которого нет шрджапата, тот и есть мудак и лузер. У тебя, Вадик, шрджапат есть. Жаль, что ты так поздно это понял. Андрюша, в понедельник деньги будут у тебя. Займешься остальным?

– Само собой. Я и так уже со Швейцарией в переговорах. Хотел найти какие-нибудь возможности, чтобы сумму скостить.

– Еще чего! – возмутился баритон. – Скашивай тем, кто реально в этом нуждается. У кого нет шаржа… шпаржа… шрпажа… Черт, слово какое-то неподъемное.

Все принялись выговаривать диковинное слово, словно не оставляя возможности Вадику что-то сказать. Я думал, что они выглядят гораздо моложе многих моих сверстников – желчных, эгоистичных, циничных… Как я, что ли? Нет, все-таки эти парни мне ближе – они мой шр… ну, словом, ближний круг. А Харитоша уже затянул нашу любимую песню про бродягу. Она позволяла пустить скупую мужскую слезу, что, кажется, всем было необходимо. Когда Харитоша допел и был выпит традиционный тост «За бродяг всех времен и народов», Андрюша вдруг спросил:

– Мика, зачем он тебе?

– По работе. В смысле, может, вместе работать будем.

– Этого парня Пимен прочит в кандидаты, – сказал Вадик. Я уставился на него взглядом, в котором читалось: «Эх ты, Брут, знал, а прикидывался!» Вадик пожал плечами:

– Пока ничего больше не знаю. А это знаю просто потому, что все связанное с Пименом, так или иначе, проходит через нас. Нарывается он в последнее время. Хотя слишком показательно, потому и кажется, что за этим что-то есть еще. Так что держи ушки на макушке, если нет возможности не вмешиваться. Хотя… нет у тебя этой возможности, ты ведь у Пимена главное брехло! Дед подскочил, но я рассмеялся:

– Классно! Все лучше, чем лузер или мудак.

– Не переживай, – похлопал меня по спине Стасик, – ты же понял, что не подпадаешь под эти категории, так что не бери в голову. В твои годы ее стоит забивать только развлечениями и женщинами. Кстати, надеюсь, в казино ты не играешь.

Столь странный переход темы мог бы удивить, но я понял, что горячего эстонского парня (как, наверное, и остальных) волнует, откуда у меня такие деньги. Они же были в курсе всех перипетий моей жизни и знали, что совсем недавно я был официальным официантом, а до этого всего лишь неофициальным. Ну, в смысле, мальчиком для «сгоняй за кофе». Я рассмеялся, чем вызвал всеобщее удивление, которое постарался развеять:

– Парни, я тут допер, что все люди в сущности официанты, потому эта профессия вызывает у всех что-то вроде отторжения или презрения. Нет, вы дослушайте! Официант – это собирательный образ… сервисмена. Вот я, например, сервисмен у Пимена. Разве что интеллектуальный, но все равно, прислуживаю ему. Пимен, каким бы могучим ни казался, а вынужден прислуживать власти. Потому и стремится во власть. А на самом-то деле власть тоже обслуживает… олигархов, крутых банкиров, уж точно. Потому и жаждет денег. Но ведь банкиры – это тоже сервисмены. Той же власти и даже такой шушеры, как простые вкладчики, типа меня. Почти та же цепочка, что у Шекспира – про червяка и Полония. Выходит, хоть в этом все люди равны.

– Брехло и есть, – засмеялся Андрей. – Тебе за это такие бабки отваливают?

– Конечно, что дозволено Шекспиру, то гениально, что какому-то Мике, то брехня. Где тут справедливость? Вот вы когда хиппарили и талдычили про детей цветов и всеобщую любовь, разве не думали о справедливости?

– Старик, а ведь он прав, – сказал Игорь, – шестидесятые были последним всплеском идеализма. Как этим гадам удалось

вырвать все с корнями?! До сих пор ничего путного не произрастает.

– Да все просто, – пожал плечами светило психологии Стасик, – поставили идею на коммерческую основу. Какой-нибудь циник-мудрила, типа нашего Мики, доказал, что вместо «не пущать» и сажать лучше пустить атрибутику в ширпотреб. И «все смешалось в доме Облонских». Поди разберись, кто есть кто, если хиппарить и бунтовать стало модно даже наверху. Че Гевару и того пустили на принт для маек.

– Хочешь пустить идею в расход, пусти ее в доход! – засмеялся я. – Крутой слоган. И логотип, типа, купюра, останавливающая пулю.

– Это ты для Анатолия своего придумал? – спросил Ашот, но я заверил, что это чистое искусство, никто под это не подпишется, слишком прямолинейно, то есть на грани цинизма. Что до АнАна, то я не чувствую его, какой-то он слишком правильный, ну типа того, как Алла поет: «Так же, как все, как все, как все».

– Вот ты и поймал идею, – заявил Ашот, – осталось додумать, что там «как все» в применении для твоего кандидата, а не как у Аллы. И нефиг делать безразличное лицо, вижу ведь, зацепило. Все равно так все изуродуешь под тренд, что никто на авторство претендовать не станет.

– Ловлю на слове, – усмехнулся я, – хотя вряд ли что выйдет. Сейчас ведь единственное, что объединяет, в смысле, «как все» – это потребление. Граждане иссякли, остались налогоплательщики и потребители, по-нашему, юзеры. Заплатил налоги – и юзай что хошь.

– Грустно, – вздохнул Харитоша, – когда нет идеи, один быдлюшник. Что внизу, что наверху. Даже поспорить не о чем. Вот нынешняя молодежь, все у нее есть, и спорят они только о том, у кого гаджеты круче. Разве это спор?

– Все, деды, – влез я, – раз скатились до сравнения поколений, значит, помните о своем возрасте. А вам этого нельзя. Вы ж крутые.

– И то верно, ну этих… юзеров, – зевнул Андрей. – Спать охота, давайте расползаться.

– А еще раз назовешь нас дедами, получишь по лбу, – добавил Харитоша, не единожды пластикой добивавшийся скидки лука лет на двадцать.

– Так я со всем почтением, – заюлил я, – в смысле, как в армии. Я – салага, а вы – деды.

Харитон ловко вмазал мне щелбан со словами: «Сказал же, не употреблять это слово». На том и расстались. Мужики отчалили под дружный лай окрестных псов. Мы с Дедом решили

прибраться завтра и отправились почивать. В голове что-то крутилось, что-то, что я никак не мог зацепить. Думал, как Менделеев, увижу это во сне. Но снилась мне Элис…

* * *

Из всех девиц, которые приходили к нам на «кастинг», мы выбрали парня. Не то чтобы девчонки были плохи, просто Филипп был хорош. Его рабочее портфолио было не особо впечатляющим, и, судя по резюме, он недолго задерживался на каждом рабочем месте. Зато то, что он творил для души, было в самый раз! Я сразу учуял в нем раздолбая, аналогичного себе, и, завернув скулеж Степки, мол, женщина нам вусмерть необходима, посоветовал не путать рабочее место со спальным. Напомнил ему его же спич о «трех товарищах», присовокупив, что пора формировать свой шрджапат! (Мы ввели это неподъемное слово в свой конспиративный лексикон, сократив его до «шпат». Фиг даже армяне догадаются, о чем речь!) Кроме того, сказал, что парень приходит стажером, а там поглядим. Вначале между ними был какой-то напряг, но общая страсть к компьютерному дебилизму взяла верх.

Как-то, опять припозднившись на работе, мы ломали голову над тем, как же выстроить схему подачи кандидата, когда вплыла Ангелина, заявив, что там какой-то тип домагивается меня. Кстати, она изо всех сил пыталась демонстрировать, что мы глубоко безразличны ей, и единственное, что ее удерживает, – это высочайшая воля начальства. Короче, она уже была почти наша, но форсировать не стоило – перевербовка агента дело тонкое. Да, надо будет посоветоваться с Вадиком, заодно узнаю, как у него там.

Так как мы с моими гаями (Степку это обращение бесило, а Филу было плевать) заступорились, то я велел Ангелине назначить час человеку. Через минуту она зашла, сказав, что этот придурок внизу, и если нам приспичило, она выпишет ему пропуск. За дальнейшее ответственность не несет, так как уже переработала. Я насторожился и спросил, откуда она знает, что парень придурок и что за «дальнейшее», за которое она не несет ответственность. Девчонка, пожав плечами, бросила: «Интуиция». Я хмыкнул, она зыркнула и вышла. В наказание я велел приготовить нам уходняк, в смысле, кофе перед уходом.

Минут через семь в кабинет вошел… вошло нечто, гендерную принадлежность которого с ходу затруднился бы определить даже Степка. Поначалу мы и не сообразили, что это придурок, о

котором говорила Ангелина. Кстати, она протиснулась следом за ним, пытаясь чем-то возмущаться. Видимо, тип проскользнул, когда она была в отлучке.

– Ну ты че? – аналогично отреагировал он. – Сама ж добро дала!

– Порядок, – успокоил я девчонку, – можешь идти домой.

Фыркнув, она отчалила. Мы воззрились на парня. Он потоптался-потоптался, потом буркнул:

– Меня… эт… дядя Вадя откомандировал.

– Кто? – не понял я.

– Ну, эт… Вадим Юрич, полковник или типа того.

– Вадюша?! – наконец дошло до меня.

Хорошо, что мои парни находились на одной линии – я мигом сделал фотку их обалделых фейсов. Даже Степка и Филя, понятия не имевшие, о ком речь, среагировали на мою фамильярность по отношению к чину. Вот что значит не уметь контролировать эмоции и мимику

– Отлично, – заявил я, – и что он мне прислал? Ты ведь у него курьером?

Парень все-таки побагровел и заявил:

– А что в этом оскорбительного?

– А разве я кого оскорбил? – удивился я. Оба моих парня жестами выразили недоумение, и я продолжил: – Должен огорчить тебя, до прихода сюда я был официантом. Так что, если ты намерен перед нами вые…

– Выезжать…

– На осле…

Молодцы ребята, подумал я, уже команда, здорово вырулили, и, кивнув, продолжил:

– Так вот, в этом деле ты нам не конкурент. Здесь лучшие погонщики ослов.

– В смысле, мы мудаков погоняем, а не они нас, – пояснил Степка, – и таким дурацким прикидом ты можешь удивить разве что эксгумированный труп прошлого века. Нынче самое аномальное – это норма. Усек?

Я был доволен Степкой, особенно меня впечатлил «эксгумированный труп». Полная несвязуха, но впечатляет. Надо вбить в арсенал.

– Я хип-хопер, – набычился парень, – а дядька считает, что это фигня.

– А мы должны быть счастливы?! – усмехнулся я. – Скажу тебе, что я полковника поддерживаю – что хип-хоп, что хрень-фиг. Так что хип-хопь себе на здоровье, но без выпендрежа. Узрим талант – поможем. Нет – так вернем полковнику. Мы твоя путевка

в жизнь. Берем тебя «кофе-боем» без зарплаты, но бутеры и кока гарантированы. Времени на размышление нет. Обратный отсчет – да или нет?

– Да, – сказал придурок, чем очень меня огорчил. Я-то надеялся отвязаться от него. Потом вспомнил, что сам недавно был у Элис в аналогичной ситуации, и решил дать придурку шанс. Ведь, как известно, даже Пимен делает это. Черт, у меня уже появился личный опыт. Старею.

* * *

Карлыч озвучил дедлайн для презентации пиар-кампании кандидата. Мы трудились аки пчелы, но меда не было, нам самим все не нравилось. Казалось, все, что мы придумываем, на самом деле копипаст сотни аналогичных кампаний. Мы делитили и начинали снова. После очередной напоминалки Карлыча я вывел постулат: «Нет бога, кроме идеи, и Дедлайн – пророк его». Идеи не было, Дедлайн висел над нами дамокловым мечом.

Как-то утром я случайно подслушал в коридоре разговор, из которого понял, что наш отдел называют «ХСФ», или проще – «Хрюша-Степашка-Филя». Кто был Хрюшей, въехал бы даже Филя. Венчал разговор прелестный смех подлой Ангелины, показавшийся мне мерзким карканьем. Ага, вот я и придумал, как отомстить. Но что делать по делу, чтобы выйти из состояния «Спокойной ночи, малыши», не знал. Когда после заходов в разные кабинеты я дошел до своего, Ангелина уже восседала на месте с присущим ей выражением отстраненности на лице. Я открыл свою дверь, потом обернулся к ней и сказал: «Пригласите ко мне Степашку и Филю. Да, кстати, я все думал, как бы нам найти себе Каркушу, оказывается, свято место отнюдь не пусто. Так что… приготовьте кофе на троих». Эффект был безмолвным, но сногсшибательным. Что бы там ни болтали, а все-таки нет ничего лучше острой шпильки, удачно пущенной в ближнего!

Когда парни прибыли, я понял, что у них есть идея, и оказался прав. Степка предложил отправиться на службу к кандидату (дома у него мы уже околачивались, да все пресно) и попытаться разгрести тамошний гадюшник. Так мы и сделали. И вот сдохнуть мне на месте, если мы там что-то стоящее надыбали! О нем даже приличных сплетен не было! Я рассвирепел, позвонил ему и пригласил к нам. Уж тут мы ему устроим темную и выведем на свет все его мраки!

* * *

АнАн мало того, что спокойно воспринял наше приглашение, так еще и возник на пороге моего кабинета аккурат в обговоренный день и час. Не думаю, что зрелище трех раздолбаев и одного придурка, вальяжно валявшихся по углам, не шокировало его, но виду он не подал. Кивнул, с достоинством прошел церемонию представления и устроился… на подоконнике! Я подумал, что не все потеряно.

– Анатолий Анатолия, – начал я, – не буду тянуть кота за хвост, тем более что это ваше любимое животное, и скажу честно: не лепится ваш образ, ну никак! Ничего мы о вас не знаем. Ну, живого, чтобы тачнуть, и торкнуло.

– Как в «Мюнхгаузене», – встрял Степка, – типа, «а вы на ощупь».

– А что вы хотите пощупать? – спросил АнАн. – Впрочем, я вас понимаю. Хотя… разве это так плохо, если в человеке нет ничего плохого?

И тут из угла, где, скрытый компом, валялся придурок, послышалось:

– Так не бывает! В человеке все должно быть плохо: и душа, и мысли, и деяния. Чтобы не было мучительно больно… самому. – Мы замерли. АнАн спрыгнул с подоконника, пошел к углу, глянул и уставился на придурка.

Я думал, он брезгливо полюбопытствует: «Что это тут валяется?!» Он, однако, хмыкнул и сказал:

– Чтобы классику переиначить, ее надо читать. Выходит, читали. Так что же придуриваетесь? (Эк он его подловил!) У меня сын тоже нигилист, хотя и по-другому – в комповерсии, типа, отрицает все формы реальности, кроме виртуальной. И что они будут делать, когда добьются своего?

– Мне вот интересно, почему Пимен решил вас выдвинуть, – увильнув от темы, нахально спросил Степка, – это деловой интерес. Мы проштудировали вашу программу. Она… как все, там нет ничего такого, чтобы цепляло.

– На то и вы, – просто сказал АнАн, – кто читает программы?! Не мне вас учить. Найдите фишку. Я понимаю, что слова потеряли смысл, и смешно говорить о чести и порядочности. Но я и правда думаю, что надо вернуть это, вернуть веру, любовь к ближнему, соучастие…

– Так все об этом талдычат, – раздалось из-за угла.

– Ну так найдите другие слова или другую форму, чтобы это не было талдычаньем, – парировал АнАн и неожиданно спросил придурка: – Чего ты хочешь от жизни? Чтобы тебя оставили в покое? А как ты будешь обеспечивать этот покой? Просиживать зад перед компом? Но ведь тебя будут считать лузером. И ты из

штанов будешь выпрыгивать, чтоб доказать обратное. Или доказать, что тебе плевать на это. Но ты будешь доказывать, доказывая себе, что ничего не доказываешь.

– А вы что доказываете? – буркнул придурок.

– А я справился с этим. Живу себе и живу. Кому надо, пусть сами ищут доказательства…

Он кивнул и вышел. Мы сидели молча, глядя как ослы на закрывшуюся за ним дверь. Или, если по классике, как бараны. Не знаю, что он сделал, но он нас сделал. И мы это чувствовали. Мы чувствовали себя настолько жалко, что я сделал самую подлую вещь, наорал на бедного придурка, завершив:

– И, черт побери, скажешь наконец, как тебя зовут?! Придурок вытянулся во весь свой несуразный рост и поклонился на все три стороны:

– Георгий. Можно Гоша. Хотя, на хрен! Вот он мужик, а вы так себе… Вот и доказывайте! – Он потопал к дверям, но я рявкнул:

– Стоять! Кругом! Плюх на место! Вот так. – Потом повернулся к своим: – Ну что, есть идеи?

– Есть, – флегматично заявил Филя, – надо работать не «как все». Другого выхода нет.

– Типа, разные звезды поют свои версии на тему, – поддержал Степка и обратился к придурку: – Гош, можешь читкануть что?

Парень выполз на середину комнаты и задергался, типа, пританцовывая:

«Так же, как все, как все, как все,
Я по ночам дрочу, дрочу,
А по утрам, как все, как все,
Лишь одного хочу:
Чтобы проклятый будильник сдох,
Чтобы бабло мне само текло,
Чтобы все поняли: я не лох,
Просто я жить хочу как хочу».

Бурные аплодисменты заставили нас подскочить. В дверях стоял Карлыч, за спиной которого маячила Каркуша.

– Ну-с, господа юродивые, развлекаться изволите?

– Никак нет! – отрапортовал я. – Идею иллюстрируем. Я вдохновенно принялся вешать Карлычу лапшу на уши, попутно понимая, что идея может сработать, а если не примут, то надо ее провал скинуть на недоумков, не оценивших ее. Потому дерзко спросил:

– Как думаете, Карл Карлыч, шеф отстегнет достаточно бабла на звезд?

Карлыч меня удивил:

– А какое «как все» у Антона?

Это был вопрос вопросов, и я признался, что ответа пока нет, вот потому и работаем не покладая компов. Карлыч кивнул и вышел.

– «Я не сказала да, милорд», «Вы не сказали нет!» – резюмировал Степка.

Я успокоил собратьев по бреду:

– Зато он убедился, что мы не ваньку валяем. Кстати, Карлыч навел на правильный путь. Давайте-ка прикинем список звезд, напишем каждому двустишье в прозе в стиле «так же, как все». Фил, продумай баннеры, лого и прочую фигню. И думаем строчку для кандидата. Все! Включая хрень-фигеров. Но все это завтра. А сегодня по домам.

Парней как ветром сдуло. Я подождал немного, потом вызвал Ангелину. Когда она возникла на пороге, я молча с минуту разглядывал ее. К концу сорок седьмой секунды ее нервы не выдержали, она фыркнула и развернулась.

– Стоять! – не так, как придурку, но командно сказал я. – Видите ли, Ангелина, наша работа, возможно, вам кажется ерундой, но именно мы творим завтрашний день, а значит, историю. Если вам не хочется быть сопричастной этому процессу, ради бога! Но, право, не подобает девушке из приличной семьи… (тут она поникла), как бы это поделикатней сказать… Впрочем, вы меня поняли.

Разумеется, она поняла, но попыталась прикинуться дурочкой: «Он сам пришел». Вот и подставилась! Я сразу ввернул классику: «Не виноватая я, он сам пришел!» И продолжил: «Милая моя, я же не говорю, что вы… э-э-э… Но, согласитесь, что… э-э-э… Впрочем, я все сказал. Выбор за вами». Я уткнулся в монитор. Ей не оставалось иного, как выйти. Молча. Молодец, хоть не растеклась и не несла чушь. Я еще минут пятнадцать посидел бесцельно, потом позвонил Элис и предложил встретиться. Она согласилась, но попозже. Было и так поздно, я не знал, где убить час, и остался в офисе. Через полчаса позвонил Дед и велел срочно приезжать. Я заканючил, но он пресек: «Вадюша… умер. Наши все здесь». Не знаю, сколько я просидел, тупо пялясь в монитор, потом встал и вышел из кабинета.

Следующие три дня прошли как в тумане. Это была первая смерть близкого мне человека, я не мог отнестись к ней формально. К тому же тело Вадика надо было привезти из Швейцарии. Будь она проклята! Мы так верили в нее, что даже не беспокоились за Вадика. Ну, я уж точно. Надо было переделать кучу каких-то организационных дел. Нет, конечно, Контора все

хотела сделать сама, но Клуб воспрепятствовал. Ашотик заявил, что если у человека есть шрджапат, то негоже прощаться с другом за казенный счет, потому что у него нет семьи. Я был горд, они ведь почти обнулились, скинувшись на лечение Вадика, но все равно считали, что доведут дело до конца.

На поминки я позвал своих парней. То есть не на настоящие, а к нам, где собрался Клуб. Пусть послушают реальных мужиков. Гоша плакал. Сидел, слушал и плакал. Всю жизнь он был с дядей на ножах и тут вдруг понял, что это было едва ли не единственным настоящим и стоящим в его жизни. Где-то под утро Игореша сказал:

– Вадик был настоящий мужик… несгибаемый. Офицер, как в советских фильмах. Он мог многое, кроме одного – он никогда не смог бы предать.

– Парни, – задумчиво сказал Ашотик, когда выпили за помин души Вадика, – то, что он разрешил нам скинуться… это же было против его… гордости… он был слишком гордый… и то, что он нам разрешил… это ведь не для себя он сделал, а для нас… последний благородный поступок. Он хотел показать, что мы…

– Настоящие! – кивнул я. Ашотик кивнул в ответ и продолжил:

– Он все делал по-своему, не так, как все, а мы… разве мы всегда его понимали – полковник проклятой конторы?! – Губы Ашотика задергались, он вытащил очередной безукоризненный платок и почему-то протер лоб. Харитоша шмыгнул носом и запел. Мы выпили, и я спросил:

– Ашотик, а это плохо – быть как все?

– Что ты несешь? – нахмурился он. – Все хотят быть не как все. Как все – это серая масса. Лузеры, как вы сейчас говорите. Что ты опять завелся?

– Не заводись, Ашот, – вздохнул Стас, – парня что-то муторит, вот он и пристает. «Как все» тоже по-разному бывает. Мика прав. Надо просто правильное содержание найти. И десять заповедей, и любой свод законов – это ведь и есть призыв быть как все. Хотя бы на этом уровне.

– Типа, «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»? То есть будь гражданином – это приоритетно, а если можешь, то сверх того и поэтом? – спросил я.

– Типа того, – согласился он и предложил: – давайте по последней, и разбредемся.

Так и сделали. Мы с Дедом убрали посуду и отправились спать.

* * *

Три следующих дня прошли в рабочей суете, надо было к чему-то приходить, что-то завершать, куда-то двигаться. Мы состряпали медиаплан и работали с АнАнаном над его имиджем. Сочиняли фразы, продумывали, какие могут быть каверзные вопросы, как на них отвечать, и так далее и тому подобное. Гоша появился только на четвертый день. Дал мне конверт, попросив прочесть письмо, точнее, ту часть, которую он пометил. Сел в углу и уставился в пол. Не буду цитировать по писаному, суть сводилась к предложению. Как я понял, это было что-то вроде последнего письма Вадика непутевому племяннику. Что было в той части, которую Гоша аккуратно замаскировал, не знаю, но в той, что я прочитал, Вадюша рассказал, как шрджапат скинулся на его лечение. Потом он присовокупил, что свою квартиру в центре города он завещает Гоше. Гоша может спокойно там жить, и никто претензий иметь не будет. А может продать ее, вернуть парням деньги, а на оставшуюся сумму купить что-нибудь скромное на окраине. Должно хватить. Не хватит, может и «Волгу» продать, которую он тоже завещает Гоше. Тем более что Гоша вряд ли станет ездить на такой машине. А ниже прилагался список – тот самый, где была расписана пулька и суммы, которые каждый из нас вносил (И как только Вадюша умудрился слямзить тот лист, да так, что никто и не заметил?!). Я дочитал, вложил лист обратно в конверт и спросил у Гоши, зачем он мне это показал.

– Помоги продать квартиру, – сказал он, – а то ведь меня кинут как лоха.

– Придурок! – бросил я. – Ты что, всерьез думаешь, что они возьмут твои деньги?

– Почему они? – спросил он. – Там и ты есть.

– А в морду не хочешь? Ты тут при чем? Не тебе давали и брать у тебя… Заткнись! – неожиданно прервав себя, заорал я, хотя он и так молчал. Я закурил. Руки у меня дрожали. Не знаю, почему. Почему-то я только сейчас осознал, что Вадика больше нет, а вместо него этот недоумок.

– Значит, вы все благородные, – заорал он в ответ, – даже ты! А я дерьмо собачье?! Так выходит? Ты что, не понимаешь, что он меня перед выбором поставил, он хотел, чтобы я выбрал, кто я— дерьмо собачье или… Он ведь так до конца и думал, что я мудак. Все время хотел из меня человека сделать… по образу и подобию. Своему! И сейчас небось сидит в раю весь правильный и ждет, что я опять лажанусь. Хочет, чтобы я доказал…

– Стоп! – сказал я. – Помнишь, АнАн говорил, что, если ты уверен в своей правоте, живи, никому ничего не доказывая.

– Он не так говорил.

– Так – не так! Я так говорю. Это мой постулат, я сам его вывел по жизни. И он что-то такое говорил, и тебе это понравилось. Вот сейчас у тебя выбор – поступить как сам хочешь, или так, как от тебя ждут. Пусть ждет только Вадик, который, кстати, уже ничего не ждет. Ты свободен в своем выборе. Иди, подумай и прими решение. Свое!

– А чего тут думать, я хочу вернуть долг.

– Плохой ответ, как сказал бы ПиПи. Повторяю: ты никому не должен.

– Слышал уже и понял: потому что я – дерьмо и деньги давали не мне.

– Дерьмо ты или нет, тебе видней. Тут дело в другом – нельзя оскорблять людей, а ты собираешься их оскорбить.

– Выходит, если я не верну долг, то дядя будет считать, что я подлец и скупер, если верну, то так будут… будете считать все вы. И что мне делать?

Мне стало его жаль, он ведь и вправду не знал, что делать, а главное, я почувствовал, что ему реально плевать на квартиру, он хочет поступить правильно. Самое смешное, что за ответом он пришел ко мне, человеку, которого все считали шалопаем. Но я не стал раздуваться, осадив себя тем, что Гоше просто больше не к кому идти, он ведь сирота. Я закурил, подумал и сказал:

– А ты пригласи клубят в ресторан.

– Кого? – не понял он.

– Ну, ребят, мужиков в смысле. Это наш Клуб, значит, ребята в нем – клубята.

– Смешно, – вздохнул он.

Я не понял, что ему смешно, но уточнять не стал и продолжил:

– Поблагодари за все, что они сделали для Вадика, и скажи, что ты навсегда перед ними в долгу. Моральном. И что если кому от тебя что понадобится, ты по первому свисту будешь рядом. А про письмо забыли. Считай, что его и не было.

Гоша так и сделал, чем заслужил признание Клуба. Судя по всему, у меня появился преемник, в смысле, более юный сын полка. Я, правда, слово не совсем сдержал, рассказал все Деду, взяв с него клятву, что он будет молчать. Имел на то право. Во-первых, Гоша – лох лохом – с меня клятвы не брал. Во-вторых, я подумал, вдруг Клубу каким-то образом станет когда-нибудь известно про письмо, и они решат, что Гоша скотина. Вот тогда Дед выступит с опровержением. Тем паче что он мое решение одобрил как единственно мудрое. Вот как!

* * *

Наша пиар-кампания резво продвигалась вперед. Слоган «Так же, как все» сработал. Поддержка щедро оплаченных звезд, красующихся на баннерах со своими версиями заполнения слогана, была очень популярна. Но суперпопулярной оказалась фиго-хрень, сочиненная Гошей в ту памятную ночь, ну, про «дрочу». Мы склепали мультяшный клип, Гоша с его группой (оказывается, у него имелась таковая) исполнил хит. Ролик мы запустили в ютуб. Все повторилось, как в тот раз с Большим. Разве что без склок и истерик шефов. Напротив, нынешние казались довольными. СМИ раздирали АнАна по своим полосам, соответственно, его рейтинг полз вверх. Инет изгалялся, но мы это использовали в плюс. Конечно, никто не считал АнАна серьезным конкурентом тройке лидеров, но для новичка он был неплох и внес какую-то свежую струю в привычный иконостас вечных кандидатов.

Я мог бы успокоиться и расслабиться, но что-то грызло меня. Точнее, я понимал, что долго это не протянет. Не было ни в АнАне, ни у АнАна чего-то цепляющего, того последнего штриха, который мы так и не нашли. Это было непрофессионально, и это не давало мне покоя. Честно говоря, был еще и личный момент. Уж не знаю, как этим пронырам «пираньям» удалось, но они работали на кандидата, в списке лидеров числившегося третьим. Получалось, что, отшив бывших коллег, я открыл им путь наверх. И это уже во второй раз. Может, ПиПи прав, я приношу удачу не себе, а тем, кто рядом? То есть я не лаки, а талисман. Но откуда это известно Элис? Уж точно она была со мной не просто так. А ради чего? Ведь она так ничего у меня и не выпытала. Вот головная боль, причем, как всегда, бинарная – личная и профессиональная. Нет, надо это сломать, почему моя удача должна работать на других?!

Дед, которому, напившись, я все это выложил, заявил, что если я буду вредничать, то удача отвернется от меня и в таком варианте. И, мол, грех мне жаловаться – я раскрутил человека с нуля, а «пираньи» взяли готовенького. Я мрачно скорректировал: «Не взяли, а я им на блюдечке поднес». Дед посоветовал не страдать манией величия, ибо прямых доказательств этого у меня нет. Может, ребятам просто подфартило. А то, что Элис не идет на контакт, вполне понятно – во время боевых действий это может трактоваться как сговор с противником. Я вынужден был согласиться, хотя легче от этого не стало. Я отправился спать, решив, что завтра серьезно проанализирую это. Но события приняли неожиданный оборот.

* * *

Утром хмурый Степка сказал: «Я понял, что мне не нравится. Вокруг АнАна какие-то неудачники. Мы думали, что к нему спланктонит средний класс, интеллигенция и прочее, ну, которые хотят быть «как все», но чтоб их за это не презирали, а уважали. А вышло, как всегда. Отстой!»

И тут Филя, очень редко открывавший рот, произнес спич, который перевернул мое мировосприятие. Да-да, как бы помпезно это ни звучало.

– Вокруг Иисуса тоже были… неудачники, – не отрываясь от компа, сказал он, – наверное, по тем временам их тоже отстоем считали. А потом Лютер и Кромвель провернули церковную реформу, и бюргеры добились того, что их стали уважать. Они ведь того и добивались, чтобы «как все», но не отстой, как их считали аристократы, а как… Ну и так далее.

Мы со Степкой – два хреновых пиарщика – молча слушали с отвисшими челюстями. Филя наполнил пустоту содержанием. Оставалось придать ей форму. И разрази меня гром, если меня не осенило! Но я прикусил язык, надо было не спугнуть удачу.

* * *

По всем законам конспирации я пригласил АнАна прогуляться, чтобы свести вероятность прослушки к нулю. Мы кормили в парке лебедей, и я излагал ему свой план.

Накануне я опробировал его на Деде, и Дед, приложившись устами к моему челу, изрек, что недооценивал меня. Он был потрясен моей идеей и сказал, что если план сработает, то он запишется волонтером-агитатором в Ан-Ановскую, точнее мою, команду.

И вот теперь, медленно – чтобы умерить свой пыл – кроша булку и бросая лебедям, я посвящал своего (!) кандидата в идею. Я старался не смотреть на него, чтобы выражение его лица не повлияло на мой ритм. Но и боковым зрением чувствовал, как напряженно он слушает.

Он явно примерял на себя предложенную мной роль. И это было хорошо. Когда я завершил свой монолог, он все так же молча продолжал крошить булку. Это было похоже на дедовское «докури и подумай с ответом». Я тоже молчал. У меня слегка дрожали вспотевшие руки, но я знал, что не должен вытирать их – это выдало бы мое волнение. Неча было АнАну знать о нем, он должен был ощущать исходившую от меня волю и уверенность. Наконец докрошив булку, АнАн спокойно извлек носовой платок, протер руки и огорошил меня вопросом:

– Не жалко?

– Чиво? – по дурацкой привычке переспросил я.

– Идею не жалко отдавать мне? Она ведь может стать манифестом.

«Зацепило!» – с облегчением мысленно вздохнул я и, пожав плечами, ответил:

– Не-а! Такова наша пиарская доля – дарить идеи. И счастье, если западает в толковую голову и приносит пользу.

Эт я, конечно, дыму напустил, на самом деле еще как жалко – ты рвешь свой мозг, запутываешь извилины, рожаешь в муках, а про тебя никто и не вспомнит. Ибо и не ведают. Ну кто-нибудь знает, кто придумывал все эти «каменные джунгли», «железный занавес», «империю зла», «фабрику грёз», «бурю в пустыне» и прочая, и прочая? Если помнят, то того, кто это изрекал, а того, кто придумал, разжевал и в рот изрекателю вложил… Впрочем, я тоже не лох и порой учусь на ошибках безымянных, ибо не хочу пополнить их число. Словом, я решил втихую открыть фирму, название которой вскоре должно будет взорвать умы. Ясное дело, об этом никто не будет знать, и уж тем более я не собирался докладывать АнАну (тем паче что за спиной его маячил призрак ПиПи). Я просто подстрахуюсь. Может, я все-таки еврей? Больно шустрый оказался парниша.

– Так что, вы согласны? – как бы волнуясь, спросил я. Он кивнул. Я попросил его никому ничего не говорить, потому что чем черт не шутит – в моем плане фактор неожиданности играл огромную роль. Мы еще немного поговорили и расстались. Мне надо было правильно рассчитать траекторию «выстрела».

Я вел машину, подмигивал баннерам, с которых улыбались наши звездные «как все», показывал палец конкурирующим баннерам, слушал с диска Гошу, гундосившего свою долбаную песенку, словом, наслаждался удачным днем. И тут звякнул мобильник. Весь кайф обломал. Я скосил глаза на дисплей сотки и удивился – звонила Лиза. Так и не решив, хорошо это или плохо, я все-таки поднес трубку к уху.

– Привет, – сказал я, подумав, что с Лизой неправильно придуриваться. Но не сдержался и ляпнул: – С какой недоброй вестью пожаловала?

– У меня выкидыш, – глухо сообщила она, – а добрая для тебя это весть или нет, тебе решать.

– А я тут при чем?! – взвыл я и чуть не въехал в зад тормознувшей на светофор машины. Ну что за народ эти бабы – то мадре с абортом, то Лиза с выкидышем! Я что им, жилетка или повивальная бабка?! Почему повивальная бабка, подумал я, но не додумал, потому что из машины выскочила ядреная тетеха и

направилась ко мне, даже не взглянув, что с ее задом, в смысле, задом ее «инфинити». Черт! Вот угораздило! Дама между тем молча дернула на себя дверь моего авто, так же молча выволокла – в самом прямом смысле – меня из машины и пыхнула:

– Ну что, козлина, обкуренный или просто пьяный?

– У меня выкидыш, – проникновенно поведал я.

Дама всплеснула руками и обратилась к подтягивающейся к месту происшествия публике:

– Нет, вы слыхали?! А что еще у тебя может быть? Ты ж реальный недоумок – въехать в зад мирно стоящей машине!

– Ничего вашему заду не сделалось, – буркнул я, к вящей радости публики. Я не врал, так как краем глаза отметил, что на ее железяке ни вмятины нет, ни царапины, все-таки я мастерски тормознул. Видно, сердце чуяло, на какую стерву нарываюсь.

Тут даму понесло: она помянула всех моих родственников и закончила тем, что рада за выкидыш, которому не придется называться сыном такого козляры. Вот именно это слово почему-то меня достало. Тихим и горестным голосом я почти прошептал, что готов не просто компенсировать ущерб – если она его докажет, – но купить ей одну, две, пять машин, будь хоть малейшая возможность вернуть жизнь невинному существу. Конечно, присовокупил я, ей этого не понять, ибо, судя по всему, железный зад, точнее, зад ее железного коня для нее дороже человеческой жизни. А ведь именно женщина создана Богом для этой высокой миссии. И так далее в том же духе. Толпа завороженно слушала. Баба на глазах увядала. Сзади отчаянно сигналили – пробка не ведала о накале страстей, она просто увеличивалась. Наконец дама фыркнула и села в свою машину Напоследок она вдарила по моей, показала мне палец и только после этого отчалила. Вот сучка – ничего женского! Я тоже оседлал своего скакуна и тут только увидел, что телефон включен и, следовательно, Лиза все слышала! Черт, я чуть было повторно не въехал в очередной железный зад. Глубоко вдохнул, выдохнул и все-таки взял трубку.

– Извини, – сказал я, – забавно, твои появления в моей жизни почему-то всегда сопровождаются экстримом. Все слышала?

– Да, – не меняя тона, ответила она, – эта женщина права, Бог решил не наказывать ребенка таким отцом.

И дала отбой. Я по инерции проехал еще немного, потом остановился и вышел из машины. Меня трясло. Я подошел к дереву и стал методично бить по нему кулаком, когда рука окончательно изодралась в кровь, остановился. Меня душил хриплый лай. Мне показалось, что я не могу говорить. Ко мне подошел какой-то парень и спросил:

– Что, брат, худо?

Я кивнул.

– Бывает и хуже, – успокоил он, – это не я говорю, а царь Соломон. Мудрец такой был у евреев. У евреев на все есть ответы. Такой они народ. Ты тоже так считаешь?

Я опять кивнул, говорить не было сил. Парень вызвался проводить меня до дома, но я отрицательно помотал головой. Пожал его руку своей целой и побрел к машине. Парень поплелся следом, заявив, что все-таки проводит, а то я, чего доброго, и вторую руку покалечу. Мы доехали до ближайшего бара и надрались. О чем он говорил, не помню, отвечал ли я, не знаю. Ближе к полуночи я позвонил Степке и попросил заехать за мной на такси, потому что за руль мне было нельзя. Степка приехал. Мы на моей тачке куда-то подбросили парня, потом Степка хотел отвезти меня домой, но я не согласился. Мне надо было кому-то исповедаться. Деду я не смог бы, не тот случай, он бы еще предложил мне жениться на Лизе. Мы зашли в очередной бар, и я все рассказал Степке. Не знаю, насколько путано и что он понял. Помню только, что я все талдычил: «Понимаешь, это был мой первый ребенок. Был! Хотя не успел стать!» Что-то еще нес про вселенскую несправедливость, про то, что все бабы суки, про то, что мне подрезали крылья на лету, и так далее. Наконец, когда я иссяк, Степка спросил, что я намерен делать. Я не понял. Он поинтересовался, не правильно ли будет встретиться с Лизой, ей ведь хуже, чем мне. Я хотел врезать Степке по фейсу, но промазал и заорал:

– Ты что несешь? Она меня подло обманула!

Степка возразил, что это нелогично, потому что я ее ни о чем не спрашивал.

– А какого хрена она молчала всю дорогу, а сейчас сказала?! Хотела доказать мне, что я дерьмо? Да, я дерьмо! Может быть! Но уж никак не в этом конкретном случае. Тут я чист как младенец. – Произнес это слово и зарыдал. Да, это были всего лишь пьяные слезы, но они наконец прорвали плотину, и мне стало легче дышать. На нас оборачивались. Наверное, мы были похожи на пару гомиков, погрязших в любовной разборке. Когда мой родник иссяк, Степка поднял меня и поволок к машине. Отвез домой и плюхнул на кровать. Я слышал, что он просил Деда не беспокоиться за меня – просто надрались на нервной почве – и дать мне выспаться.

Судя по тому, что утром я проснулся в той же одежде, Дед от греха подальше даже не стал меня раздевать. И на том спасибо. Я надеялся, что Дед уйдет до моего выползания из спальни, но он не оправдал моих ожиданий. Запах кофе сломал мое намерение

перележать его. К тому же вонял я, как козлина. Зачем я только вспомнил это слово?! Враз нахлынули воспоминания о вчерашнем. Я, кряхтя, встал, разделся и поплелся в ванную. На кухне Дед уже ждал меня с каким-то пузырьком. Смазал мне израненную руку жгучей гадостью и перебинтовал. Вопросов не задавал. Я позавтракал и отправился на работу.

* * *

Дни я заполнял работой, иногда напивался, Деда почти не видел. Приходил и заваливался спать. Он ко мне не приставал, видимо, через свою агентуру выяснил, что я стал трудоголиком, и успокоился. Тоже стареет, чутье потерял. Хорошо хоть Степка ничего ему не донес. Поскольку, как говорится, с лица я спал, то и начальство уверовало, что я окунулся в дело без акваланга. Никто не догадывался, что меня гложет тоска. Я чувствовал себя безвинно приговоренным к каторге. Я и думать не мог, что Лизино сообщение так меня выведет из строя. Господи, я столько раз оплачивал аборты своих девиц, зачастую даже не будучи уверен, что уничтожаю плод своих рук. Черт, при чем тут руки?! Совсем крыша поехала. Почему меня так заклинило? Только потому, что Лиза говорила не так, как те? Те сами хотели избавиться от бремени. Так вот почему беременность! Это бремя! А ребенок – это счастье?! Полный алогизм. Бог в наказание за грехи наслал на человека бремя в виде беременности? Я свихнусь! Какое мне до всего этого дело?! Чертова Лиза, мало мне всю жизнь доказывали, что я кретин, так она…

Она на звонки не отвечала, фамилию ее я не знал, ничего не знал ни о родителях, ни о друзьях, ни о том, где работает. Наконец, где-то дней через семь, я все-таки подкараулил ее возле дома. Подошел, взял под руку и повел к машине. Она было дернулась, но я сказал:

– Не бойся, насиловать и грабить не буду. Просто есть разговор.

Мы зашли в кафе. Я молча смотрел на нее. Она стала какой-то… потусторонней. Мне расхотелось ее убивать и вообще что-нибудь с ней делать, даже выяснять, зачем она мне ничего не сказала. Или зачем сказала… когда уже говорить не имело смысла.

– Мне просто некому было сказать, – сомнамбулически помешивая кофе, прошелестела она. Я вздрогнул, откуда она узнала, о чем я думаю? Хотя о чем мне еще было думать, если я притащил ее сюда? – Прости, – добавила она и встала. Слава богу,

я не успел выдать дурацкое: «Чем я могу тебе помочь?» Так же молча я довез ее до дому. Наверное, мне тоже следовало попросить прощения. Но я еще до этого не дорос.

Антилузер

Дела шли ожидаемо, сирень, скучно. До финиша выборов было недалеко, а я все оттягивал «выстрел». Карта никак не складывалась. Я уж было решил сам катализировать события, как неожиданно представился ожидаемый случай. Выходит, интуиция меня не подвела. На самом популярном канале затевались дебаты семерки лидеров (разумеется, без кандидата номер один, который, ясное дело, в такой фигне не нуждался). Неожиданно номер пятый заболел, и телевизионщики лихорадочно подыскивали ему замену. Могли бы и обойтись, но, как назло (для них, разумеется), я пустил в соцсети слив, обыграв малосимпатичную, но многозначительную цифру. Я играл на том, что вместо счастливой семерки или семерки счастливчиков (это они так анонсировали передачу) будет «шестерка» или «счастливые шестерки». Сети не замедлили аукнуться. Галдеж стоял на весь Интернет. Делались ставки на то, рискнут ли устроители ток-шоу остаться «при своих» или доберут седьмого. Ставки делались и на то, кто может оказаться под этим счастливым номером. Об АнАне никто и не вспомнил, были фигуры куда ярче.

Все ждали шоу в самом нехорошем (а для ТВ – самом лучшем) смысле. Словом, я безымянно проделал серьезную пиар-кампанию для этих олухов. Потом позвонил редакторше (опять баба!) передачи, назначил стрелку и за кофе признался в авторстве. Она выслушала и усмехнулась: «Ясень пень, спрашивать, зачем ты рубил для нас просеку, не следует. А если я не приглашу твоего недотепу?» – «Не получишь тогда материальное приложение к нему», – пожал я плечами. Она кивнула и начертила сумму. Я присвистнул и кивнул. Мы чокнулись кофе.

На работу я скакал как козлик, но после разговора с ПиПи почувствовал себя козлом. Он категорически отказался платить. Я чуть не врезал ему. Не будь рядом неизменного Карлыча, ей-богу, врезал бы. Я и так изгалялся и эдак, чтобы понять, какая муха его укусила, но логики не обнаружил.

– Это кем же надо быть, чтобы самому себе яйца отрезать?! – взвыл я.

– Что ты понимаешь в яйцах? – хмыкнул Пимен. – Хранить их надо в разных корзинах.

– Чиво? – по привычке звякнул я. – При чем тут корзины?! Я же не о деньгах говорю!

– Так и я не о том, – округлил он глаза. Я запыхтел, потому

что попал в сети игры слов. Этот гад подловил меня на моем же поле.

– Я разрываю контракт! – патетически заявил я и… Пимен грохнулся на колени, заломил руки и запричитал:

– Только не это! Только не это! Куда ж мне, убогому, без тебя? – потом поднялся, отряхнул брюки и бросил Карлычу: – Отстегни дитятке за труды праведные. – Тот, гнусно ухмыляясь, бросил:

– А может, не стоит? Малец больно шустрый. – Пимен вскинул брови, и Карлыч кивнул. А неча ему было переть супротив шефа. Впрочем, сам я был так ошарашен, что как дурак сказал: «Спасибо!» Будто мне больше всех надо. Я уже открыл дверь, когда услышал:

– Я-то думал, что ты шантажировать меня начнешь, а ты канючил.

Я медленно повернулся и, клянусь, без всякого анализа, на автопилоте выдал:

– Так это и был шантаж. Куда вам, убогим, без меня? – И вышел. Они ржали. Ей-богу! Я это слышал уже за той стороной двери. Я ничего не понимал, просто радовался, что не выложил свой козырь. Ситуация явно ускользала от моего понимания. Но мне было недосуг анализировать. Главное, я не облажался. Все тем же резвым козликом я поскакал в бухгалтерию.

* * *

И наконец наступил долгожданный час ток-шоу. Не знаю как, но телевизионщики умудрились до конца сохранить интригу седьмой персоны. Охваченная азартом страна прильнула к экранам. Когда тайна за семью печатями (кстати, отличный заголовок, надо будет пихнуть статью) была раскрыта, всеобщий вздох разочарования пронесся над страной с такой силой, словно решалась судьба нации. Пусть теперь кто-нибудь скажет, что не мы, пираньи (тьфу, черт, слово как врезалось!), да нет, акулы пиара творим реальную историю. Впрочем, это я сейчас так бравирую. Тогда же я чертовски испугался, уж не перегнул ли я палку, так накалив страсти. Наверное, только тотализаторщики потирали руки. Хорошо, я вовремя отказался от бредовой идеи надоумить кого-нибудь поставить хохмы ради на АнАна. А самому было слишком рискованно. Я сидел и потел, глядя на мониторы, в которых отражалось само действо. Мои коллеги, приехавшие со своими кандидатами и так же, как я, следившие за происходящим на месте действия из соседней студии, с

фальшивой жалостью поглядывали на меня. Они были уверены, что «мой» – однозначный козел отпущения. Я был почти согласен с ними. Маржу между почти и абсолютно обеспечивал спокойный вид АнАна. Что ему давало сил на это, не знаю. Может, это и не сила, а его обычная флегматичность, предательски подумал я, ощутив себя Брутом. Между тем, баталия началась. Шесть кандидатов метали молнии, искрились остроумием, били себя в грудь. АнАн оставался невозмутимым и вежливым. Даже меня взбесило. Я напрочь забыл, что сам дал ему установку держаться в тени и тонко воспользоваться моментом, чтобы перетащить на себя одеяло и свернуть разговор в нужное ему русло. Выдать спич, когда он посчитает (а это он умел), что наступил тот самый момент. Ошарашить! Пришел, поразил, победил – так я его учил, представляя эти слова заголовком на первой странице. И вот, когда ведущий, казалось бы забывший об Ан Ане, вдруг спохватился и из вежливости дал ему слово, мой и выдал его. Вопрос был совершенно риторическим, но ведущий, считающий себя приколистом, решил подбавить каплю стеба:

– Ваши оппоненты, кажется, начисто разделили весь электоральный пирог. Но, похоже, вас это не беспокоит. Так кто есть ваши избиратели?

– Антилузеры, – спокойно ответил Ан Ан, – вычтите их из разделенного, как вы выразились, электорального пирога, и вы убедитесь, что это был всего лишь пирожок.

– Простите, что вы имеете в виду? – дорыл себе яму придурок с микрофоном.

И АнАн не подвел! Он буквально на глазах из вялого довеска превратился в харизматика. Он говорил так убежденно, с такой энергией и, главное, такие неожидаемые вещи, что им заслушались. Даже оппоненты! Даже дока ведущий.

– Антилузер – это… – АнАн сделал паузу, словно именно сейчас подыскивал правильные слова для точного определения. Потом слегка кивнул, как бы соглашаясь с самим собой, и продолжил: – Впрочем, чтобы было понятней, буквально одно примечание. Какое нынче самое социально-психологическое ругательство? – спросил АнАн и тут же словно выстрелил: – Лузер! Если ты не винер, значит, лузер! Причем таковым человека могут считать не только в карьерном плане, но и в семейных отношениях, и в дружеских. Но почему-то никто не задумывается о том, что винеров не может быть больше, чем лузеров. Их даже не может быть равное количество.

– Позвольте вас перебить… – вмешался ведущий.

– Позвольте не позволить! Вы практически первый раз дали мне слово. Я подсчитывал, кто сколько минут говорил, и,

поверьте, ни у кого не краду время. У меня есть конституционное право равного времени.

Это была полная чушь, ибо сие право распространялось на рекламное время. Но ведущий не сориентировался, так что АнАн живо продолжил:

– В социуме богатых всегда меньше, чем бедных; глупых больше, чем умных; ведомые изрядно превышают количество ведущих, некрасивые – красивых и так далее. И это естественно. Все понимают эту логику и принимают ее. Но никто не говорит, что если ты не красавица – значит, уродина, если не талант, значит – бездарь, если не богач, значит – бедняк. Заметьте, в пространстве любой пары приведенных антиподов есть целая шкала оттенков. Например: хорошенькая, приятная, милая. Или – умный, интеллектуальный, в меру начитанный. Или – достаточно обеспеченный, среднего уровня достатка, кредитоспособный. И только в тандеме «винер – лузер» есть всего два цвета: белый и черный. И вот парадокс: отнюдь не все мечтают стать миллиардерами или гениями, и это считается нормальным, но, тем не менее, если кто-то не стремится стать винером, это воспринимается как аномалия.

– Это и есть аномалия! – вклинился кандидат от правых. – Мы и так отстаем в своем развитии от цивилизованного мира, а вы призываете ввести это в норму!

– Это вы постоянно внушаете нашему народу, что он недоразвитый и отсталый, – не преминул вставить кандидат от коммунистов.

– Ясно, – парировал правый и совершил ошибку, обратившись напрямую к АнАну, – так вы заодно с коммунистами!

– Я заодно со здравомыслием, – ловко увернулся тот, – мне не нравится, что некоторые… особи понукают людей к бессмысленной гонке за лидерство. Они создали эдакую психологическую ловушку для большей части человечества. Ведь если быть честными, то большинство людей хочет, чтобы их оставили в покое, не заставляли стричься под кем-то придуманную гребенку. Словом, позволили жить в гармонии с самим собой, а не участвовать в гонке, где победитель – один, ну, максимум, трое. А остальные…

– Вы что, кандидат от лузеров? – перебил кандидат номер четыре. Остальные рассмеялись под аплодисменты зала. АнАн сделал почти драматическую паузу и проникновенно продолжил свою мысль, никак не отреагировав на реплику.

– Так кто они, эти остальные? Лузеры или все-таки есть какая-то иная шкала, как в остальных антиподных парах? – АнАн вздохнул, и ведущему удалось взять бразды правления в свои

руки. Он заявил, что время передачи подошло к концу, и у каждого есть время только на суперлаконичное резюме. Участники живо подтянулись и выдали заготовленную жвачку. Когда дело дошло до АнАна, он, признаюсь, удивил даже меня. Он сделал ход, который как пиарщик я оценил как блестящий.

– Мне не дали договорить, а комкать я не хочу. – АнАн слегка поклонился и замолчал. Публика в студии встала и разразилась аплодисментами. Надо же, проняло! Значит, сработало! Сработало! Между тем ведущий, явно нервничая, передал слово следующему. Его было искренне жаль, ведь никто его уже не слушал. Всех интриговала интрига (простите за бином) АнАна.

А мой обеззвученный телефон надрывался – звонили из самых престижных передач разных каналов и из газет. Я отправлял всем стандартную эсэмэску: «Перезвоните позже». Так-то!

Наконец шоу завершилось, и кандидаты стали выходить. Я живо захомутал своего и потащил вниз, успев на ходу поблагодарить ведущего, который, не сомневаюсь, отправился рвать волосы на голове. Не своей, естественно, а редакторши. Я даже представил, как он орет ей: «Ты кого мне подсунула, дура?!» Наверное, она сделает хорошую мину при плохой игре: «Зато какое шоу!» Впрочем, не мои проблемы.

АнАна, кстати, трясло. Наверное, с непривычки, подумал я. Оказалось, что нет, он действительно уверовал в то, что говорил. Он начал убеждать меня (!!!) в гениальности теории антилузерства. Я испугался – чего доброго, заделается реальным пророком. Телефон продолжал трещать. Я выбрал второй по значимости канал и договорился с ними на завтра. Кстати, предстояло не ток-шоу, а интервью. Ведущий со всей серьезностью претендовал на роль Ларри Кинга местного разлива, так что надо было хорошенько подготовиться. Главное, чтобы АнАна не заносило. И я осторожненько начал выливать на него ушат холодной воды:

– Анатолий Анатольевич, еще раз поздравляю, вы были великолепны, но позвольте на этом завершить торжественную часть. Сейчас я буду вас остужать и прошу серьезно отнестись к моим словам, иначе вы станете живым опровержением… (чуть было не сказал – своей, но вовремя одумался, нечего отдавать ему лавры, пусть походит в учениках) молодой теории. Подождите, не перебивайте. Уже недалеко время, когда вы задвинете меня, посчитав, что я вам больше не нужен. Просил же не перебивать! – нарочито резко пресек я его попытку вклиниться. – Так всегда бывает, и я готов к этому. Но я профи, и уж позвольте мне самому понять, когда отпустить вас в свободное плавание (так ему, неча

поперек батьки в пекло лезть!). Так вот, сегодня вы были как… Джулия Ламберт, взмахнувшая алым платком, который отвлек внимание зрителей от Элис Крейтон на нее (все-таки великая книга!). Но вспомните ее монолог, где она говорит, что, когда на сцене она передавала свои искренние чувства, зрители зевали, а когда она изображала эти искренние чувства, они безумствовали. Понимаете, в чем разница? Никому не интересны чужие искренние чувства, человек хочет увидеть, как показывают его чувства. Запомните это! Иначе прекрасный платок Джулии превратится в красную тряпку, раздражающую быка. И последнее. Несколько лет назад знаменитый Ларри Кинг брал интервью у Путина по поводу нашей затонувшей подводной лодки. Миллионы американцев ждали, как их Ларри размажет нашего президента. Ларри засучил рукава и ехидно поинтересовался: «Так что же случилось с подводной лодкой?» Путин выдержал паузу (знаменитая пауза все той же Джулии Ламберт) и сказал: «Утонула». Но как он это сказал! В учебные программы надо внести этот эпизод! И все! Ларри пошел на дно, как та самая лодка. Так что запомните правила, которые я бесплатно вам дарю, потому что вы мне нравитесь (время пряника после стольких ударов кнута). Первое – это правило сигареты. Мысленно чиркните зажигалкой, поднесите ее к сигарете и глубоко затянитесь. Это время для того, чтобы сжечь эмоции, не бросаться сломя голову в бой, а продумать ответ. И второе – это правило простых смыслов. Чем проще вы излагаете, тем большее количество людей вас понимает. На этом завершим менторскую часть. Теперь перейдем к будням. Завтра у вас интервью, и надо серьезно к нему подготовиться. Сегодня вы закинули крючок. Завтра надо подтягивать леску. В нашем случае – раскрывать скобки. Я не буду вас больше мурыжить, идите домой, разделите успех с семьей. Как бы вы ни устали, обязательно отвечайте на все звонки людей, которые будут вас поздравлять. А потом завалитесь спать, ни о чем не думайте. Думать будем утром.

Слава богу, что я сумел не ляпнуть: «Думать буду я».

* * *

Весь следующий день мы репетировали, причем весело и легко, потому что в «игре» принимал участие весь мой мозговой мини-штаб: Степка, Филя и даже Гоша, к месту и не к месту перекладывавший наши реплики в рэп или в хоп. Кстати, пресса отменно отреагировала, были даже удачные заголовки. Вечером мы отправились в студию. Канал был оппозиционный, так что

любой, кто неугоден провластному каналу, авансом здесь уже был угоден. Откуда им было знать, что наша мина рванет в обе стороны.

– Так кого вы считаете антилузерами? – с видом искренней заинтересованности спросил ведущий, решивший с самого начала взять быка за рога.

– Средний класс, – ответствовал АнАн и пояснил: – Но не в привычном экономическом его значении, а, скорее, в психологическом.

– «Все чудесатей и чудесатей». Это что, еще одно ваше ноу-хау?

– Это те люди, – не поддаваясь на игривый тон ведущего, прогнул свое АнАн, – которые не то что не могут стать винерами, они этого не особо хотят. Представляете, сколько миллионов людей вздохнет с облегчением, поняв, что избавлены от необходимости участвовать в бессмысленной гонке?!

– Вы называете бессмысленным стремление к лидерству? Это же базис нашей цивилизации – раскрыть свой потенциал. Тысячи лет человечество шло к этому. Это заложено в природе человека.

– Если это заложено в человеке, то зачем было тысячи лет идти к этому?! (Браво, ученик! Здорово его положил!)

– Кажется, мы скатываемся в банальную софистику, – не растерялся ведущий, – по логике, я должен произнести спич о правах и возможностях. Но давайте пощадим наших телезрителей и вернемся к теме. С чего вы взяли, что миллионы людей хотят выйти из этой, как вы утверждаете, бессмысленной гонки?

– А вы проанализируйте статистику стрессов и депрессий последних десятилетий и причин, порождающих их. Одна из самых серьезных – это страх оказаться лузером.

– И все они – «ПСК»? (Ого, вот и аббревиатура родилась!)

– Многие.

– Так кто они, эти представители «психологического среднего класса», и чем они отличаются от прочих?

– Это обычные, нормальные люди. Кстати, они есть и среди очень богатых. Наверное, им даже труднее, ведь наверху чуть лузернулся, и тебя с хохотом постараются обрушить, чтобы самим хоть на шажок стать повинерней. Это невероятное напряжение, потому они хлопают антидепрессанты и чудят. (Ну, АнАн, нахватался у Степки. Впрочем, молодой электорат на это западет.)

– Ясно, как в старом сериале «Богатые тоже плачут». Вы просто хотите иметь и их в своем электорате.

– Если я вышел на тропу войны, естественно, я хочу увеличить число своего войска. Только не спрашивайте с ехидцей:

«Ах так, вы все-таки на этой тропе?»

– А без ехидцы можно? – ехидно поинтересовался ведущий, и они оба рассмеялись. После нескольких простеньких вопросов ведущий попросил гостя сформулировать-таки, кто такой этот антилузер, и АнАн выдал домашнюю заготовку.

– Антилузер – это человек, который утверждает, что отсутствие стремления к винерству есть свидетельство не слабости, а реальной самооценки. Антилузер – это человек, который хочет жить в гармонии с собой, чтобы суметь жить в гармонии с миром! Если мы вместо антагонистической системы «винер – лузер» введем третью составляющую – антилузер, то сможем вывести миллионы людей с дороги, ведущей к психозам, стрессам и депрессиям, на куда более комфортный путь! Они заслуживают этого!

Это могло бы быть великолепным финалом, но ведущий припас козырного, как он думал, туза:

– Вы так пламенно призываете людей сойти с дистанции, а между тем сами пробиваетесь в винеры.

Дурачок, он не знал, что въедливей всего мы искали ответ именно на этот вопрос.

АнАн сделал паузу. Хорошо сделал. Хорошую сделал. Усмехнулся и сказал:

– Вы не поняли. Вся моя компания построена на слогане «Так же, как все». Потому что я и есть такой. Я был в гармонии со своей жизнью. Поверьте, мои пиарщики потратили уйму времени, чтобы убедиться в обратном. Они никак не могли поверить, что у меня нет стремления толкать, двигать, пихать ради того, чтобы доказать, что я не лузер. Они истово пытались убедить меня, что я винер. Господи, да что ж во мне винерного?! (Браво, какая интонация!) Я просто жил себе счастливо, делая то, что могу, делая это как можно лучше. Но отнюдь не для того, чтобы доказать, что я победитель. А потому, что есть такая величайшая мудрость, лежащая в основе врачебной этики: «Не навреди!» Сомневаюсь, что Гиппократ, сказавший это, кому-то доказывал, что он винер. Он просто так и жил. А теперь поставьте на одну чашу весов этот Гиппократов… слоган и слоган нашего времени: «Бери от жизни все». Причем, не скрывая, какой ценой. Выбор за вами.

Я мысленно аплодировал АнАну. Эфир был прямой, он четко следил за временем и практически не оставил ведущему времени на подколы. Тот тоже понял это и закруглился:

– Что ж, во всяком случае, вы многих заставили задуматься. В предвыборной гонке, наполненной трескучими банальностями, это не часто случается. Так что удачи вам. Без всякой ехидцы!

Передача завершилась. Команда аплодировала. Значит, и эти устали от гонки, они тоже ждали мессию, который скажет, что быть обыкновенным не западло.

Мы покинули студию почти через сорок минут после финиша. Похоже, теория АнАна (черт, кажется, я стал забывать, что это моя теория; да ладно, хоть в копилку общего дела) зацепила и ведущего. Мы прошли к нему в кабинет и изрядно поспорили. Несмотря на это, я понял, что он – «наш».

По домам мы расползлись изрядно поздно. Дед, поджидавший меня как триумфатора, разве что арку не возвел. А так и вино было, и даже цветы в вазе. Мы малость пообщались, обсуждая в основном слабые места теории и самого интервью. А под конец Дед меня огорошил:

– Ты будь внимателен. Похоже, твой парень вошел в роль и может остаться там. – Подсыпал соль на рану, словом. Я кивнул и отправился спать, не ведая, что день грядущий нам готовит.

* * *

День начался так, словно вернулось гадкое время бабьего шефства. Часам к двенадцати, когда мы, мирно попивая кофе, анализировали и синтезировали, в кабинет ворвался ПиПи. Потрясая кипой газет, он орал, что никогда не сомневался в моем дебилизме, но я превзошел все его ожидания. Что, будь Достоевский жив, «Идиота» он списал бы с меня. Что… Дальше я не слушал, с интересом наблюдая, как Степка и Филя чуть ли не ползком покидают место боя. Перед тем как Карлыч плотно закрыл дверь, я увидел счастливое лицо офисной крысы Ангелины, и это заставило меня мобилизоваться.

– Что случилось? – спросил я, когда ПиПи иссяк и приземлился на диванчике.

– Рейтинги видел? Анатолий подобрался к третьему, – ответил за ПиПи Карлыч.

– Так радоваться надо, а не молнии метать, – искренне сказал я.

– Ты что, и впрямь идиот? – устало бросил ПиПи, и тут Карлыч произнес фразу, заставившую меня насторожиться:

– Надо было ввести его в курс. Он хоть и недоумок, но талантливый.

– Потому и не ввел! – взвинтился шеф. – Талант не разменивается на фальшивки. Если бы мы ему сказали, он или бы гордо отказался, или шантажнул, что выложит все прессе.

– Я и сейчас могу сделать это, – наугад выстрелил я. Они оба

уставились на меня, потом, словно забыв обо мне, продолжили свой конспиративный диалог.

– Я думал, эта «пиранья» в постели сделает то, что мы не можем, – хмуро буркнул шеф, и я опять встрял, как дурак:

– Точно! То, на что она способна в постели, вам не по силам.

ПиПи позеленел и со словами «Не нарывайся!» вышел из кабинета, шваркнув дверью. За дверью что-то пискнуло – видать, Ангелина была на боевом посту возле замочной скважины. Хоть бы ей нос расплющило! Оторвавшись от мечтаний, я уселся на подоконник, решив, что умру, но первым не начну. Но где мне было тягаться в этом с Карлычем, так что я спросил:

– Ваше преосвященство, что это их величество тут распоясалось? Просветите наконец, а то, не ровен час, я еще больше дров наломаю. Тем более что сделаю это талантливо, как вы изволили признать.

Карлыч вздохнул и сказал:

– Если хоть слово просочится… пугать не стану, у тебя воображение богатое, сам дотумкаешь.

Признаться, я малость струхнул, лихорадочно соображая, где моя ахиллесова пята, чтобы заказать протез. Карлыч учуял это и продолжал спокойнее:

– Дело в том… – Но я перебил его, показав рукой на дверь, потом на ухо. Карлыч вздернул бровь, но все-таки вышел в предбанник, что-то сказал Ангелине и вернулся. Посмотрел на мой довольный фейс, на котором читалось: «А ведь мы работаем в такой обстановке!», вытащил свою дурацкую электронную сигарету и продолжил: – Наш настоящий кандидат – это номер три по рейтингу. – Все-таки моя челюсть предательски отвалилась, и я пискнул:

– Чиво?!

– Таво! – спокойно произнес он. – А что тебя удивляет? Нормальный маневр для отвода глаз, как сказал шеф, яйца в разных корзинах. Кто ж ожидал, что ты так рьяно возьмешься за дело. Мы думали, что такой коматозный овощ, как этот Анатолий, даже электрошоком не оживить. Господи, сколько сил потратили, чтобы найти такую… правильную скуку, а ты все испортил. Такой труп оживил и завел. Снимаю шляпу. А теперь расхлебывай кашу.

Я хотел отбрыкнуться, мол, и не подумаю, потому что кашу заварил не я, а они, но вовремя передумал и закурил. Иногда стоило применять собственные правила. Пустив первое кольцо дыма, я сказал:

– Знаете, Карл Карлыч, если я решу бросить курить, то брошу, а не стану сосать этот муляж. – Вышло грубо, и я спешно

капитулировал: – Недруги подумают, что ваша воля не так сильна, как кажется.

Он зыркнул на меня, подыскивая, видимо, чем бы в меня запустить, потом псевдозатянулся псевдосигаретой, сделал блаженное лицо и со словами «Ты прав» бросил ее аккурат в корзину. Все-таки мастер, ничего не скажешь! Я решил, что довольно дразнить гусей, и поинтересовался:

– А какая вам на фиг разница, какой из ваших кандидатов пройдет под номером три?

– Ты и вправду не понимаешь? – удивился он.

– Нет, я понимаю, что ни при каких обстоятельствах ни у какого кандидата реальных шансов против того, кто, вестимо, обречен на победу, нет. Ясно, что на завершающем этапе вы сядете за стол переговоров и, после определенного торга, отдадите голоса своего кандидата за пару портфелей. Но все равно, какая на фиг вам разница, кто это будет?!

– Какой на фиг фиг?! Да простой – наш третий в игре. Он знает свою роль и по нотам ее отрабатывает. А твой кретин – неуправляемый! Читал, что он наговорил сегодня в газете?

– В какой газете? – подпрыгнул я. – Мы этого не обговаривали.

– То-то! – усмехнулся Карлыч. – Видишь, он и от твоих рук отбился. Вошел в роль чревовещателя.

– Пророка, – механически поправил я, просматривая статью, в которую Карлыч ткнул пальцем.

– Одна хрень, – резюмировал Карлыч и потопал к двери, бросив малоутешительное: – Хочешь сохранить зубы, откуси этому гаду язык.

Он вышел, оставив меня в унынии. Минут через пять в кабинет просочились мои предатели.

– Ну что, брутья, нет-нет, это не опечатка! Не братья, а именно брутья, сиречь, копипасты печально известного Брута. Что будете лопотать в свое оправдание?

Степка подошел ко мне и молча показал месседж с номера Карлыча: «Если уберетесь, у него будет шанс выжить».

– Ясно, – вздохнул я, – объявляю амнистию. Теперь слушайте. Надо придумать вменяемый ход, чтобы вывести АнАна из игры. Молчать! Операция суперсекретная. Дело в том, что у него на нервной почве поехала крыша. Это медицинский диагноз, а не метафора. Парня просто надо спасать, но так, чтобы сохранить лицо. Бонус от начальства гарантирован. Давайте-ка свалим в боулинг, авось что и придумаем.

К сожалению, мы так ничего и не придумали. К вечеру я позвонил АнАну, поинтересовался, почему он без меня пиарится.

Попытался объяснить, что СМИ – это Скрытая Минная Инстанция. Без сапера – никак. А я и есть его сапер. Похоже, он слушал меня вполуха. Кажется, и Дед был прав, и Карлыч – АнАна заклинило. Он поверил в себя! Вот уж идиот так идиот! Я опять вспомнил Тараса Бульбу, прикидывая, как применить его знаменитое: «Я тебя породил, я тебя и убью». Для этого, как минимум, надо было встретиться. Мы условились на вечер в тихом и неприметном баре. Поначалу казалось, что ничего не изменилось, – он слушал меня внимательно, перебивая разве что для уточнений каких-то деталей. Я был очень осторожен и корректен. А потом к АнАну стали подходить – его узнавали, задавали вопросы, спорили. Я понял, что совершил ошибку, пригласив его в публичное место. Понял я и другое: во-первых, он действительно становился популярным, во-вторых, он, кажется, оседлал звездную волну. И вот парадокс – вроде он говорил со мной как в начале нашей встречи, но что-то неуловимое изменилось, изменились акценты. Пожалуй, впервые в жизни я почувствовал себя в роли Элис Крейтон. АнАн перетянул главную роль на себя. В его глазах сквозило ироническое торжество.

Я понял, что продолжать диалог бессмысленно, и, попросив счет, спросил:

– Вы смотрели фильм «Адвокат дьявола»? – Он кивнул. – «Тщеславие – мой любимый грех», – помните? – В его глазах вспыхнул гнев. Я улыбнулся и вышел. Мне было ясно, что играть придется не в паре с АнАном, а против него. Я даже малость взгрустнул, а потом подумал, что с меня взятки гладки, фиг с ними со всеми, никто из них не стоит гибели моих нервных окончаний. На войне как на войне!

Развелось бонапартов…

Я отправился к Элис, причем без звонка. Она могла и не впустить меня, увидев мой фейс в домофоне. Тем более что я кривлялся. Но она впустила. Я поднялся и вошел в заранее открытую дверь. Как только я приземлился в кресло, зазвонил ее мобильник.

– Да, – сказала она, – вы выиграли, он пришел. Да, слышит.

– Передай привет Карлычу, – сказал я, чтобы не выглядеть как последний дурак. Она передала, присовокупив, что я, мол, сам догадался. Положила трубку и села напротив.

– На что спорили? – игриво поинтересовался я и сам же ответил: – Хотя, судя по твоему высокому постельному рейтингу – кстати, оба шефа в этом солидарны, – можно особо не фантазировать.

Как пишут в романах, на ее лице не дрогнул ни один мускул. Тем не менее я решил, что этой оплеухи ей достаточно. И

поделом – за предательство надо платить. А что касается секса, так с кем не бывает. Словом, я вздохнул и продолжил:

– Ладно, помахали шашками, и хватит. Нас теперь не постель связывает, а саван. Карлыч грозился урыть нас. Меня – за то, что сделал из АнАна человека, тебя – за то, что ты не добилась в постели того, что они от тебя ждали. – Я, конечно, соврал, приплетя и ее к Голгофе, но так было нужно. Фактически, применил тот прием, что удачно сказался на моих отношениях со Степкой. В тот раз исход был удачным, мы стали друзьями. Сейчас… на кой мне дружба с женщиной, тем более что у нас секс?! Потому я легко продолжил: – Теперь мы с тобой как два сперматозоида в дырявом презервативе. Не подсуетимся – не прорвемся. Так что стоит объявить великое перемирие. Как считаешь?

Она кивнула, и мы… отправились в спальню. Нет ничего вернее, чем договор, скрепленный сексом. Мы поклялись на использованном презервативе не кидать друг друга. Разумеется, не на всю жизнь, а на период борьбы с общим врагом.

Потом, довольные друг другом, сели пить кофе и вырабатывать стратегию. Я наконец понял, что меня во всей этой истории смущало, и спросил Элис:

– Слушай, а на что они купили АнАна? Если он не был заражен жаждой лидерства, а он не был, если его не особо волнуют деньги, а они не волнуют, то какое же предложение было сделано ему, что он не смог отказаться?

Она ответила, что ее не посвящали в это, да ей и не нужно было, она ведь работала на номер три. Выглядело убедительно, но я сказал, что, пока не найдем ответ на этот вопрос, не поймем, как действовать. Надо размотать клубок, чтобы сделать удавку. Элис посоветовала мне самому подъехать с этим к шефам, потому что, если она спросит, они догадаются о нашем сепаратном сговоре. Я подумал, что это логично, но мне не понравилось, как ловко она уходит от ответственности.

И тут я сделал то, к чему сам не был готов:

– Элис, – задумчиво спросил я, – ты бы вышла за меня замуж? – Я нарочно спросил, когда она стояла спиной ко мне, чтобы она автоматически не скорректировала мимику. И это сработало! Она захлопала ресницами и напряглась. Всего на секунду! Но ведь я увидел это в ублюдочном чуде дизайна, инкрустированном осколками зеркала, очевидно, кроме своего функционального предназначения – светильник, – имевшего по замыслу автора какой-нибудь экзистенциальный смысл. Я простил этому дураку его безвкусие, пытающееся оправдать себя чем-то большим. Не оборачиваясь, Элис, как и пристало женщине,

ответила вопросом:

Я многое знаю о твоей матери, но ты не из тех, кого комплексы заставляют мстить каждой юбке. Скорее, как только ты прочел об этом, решил никогда так не поступать. Ты ведь совсем не из тех, кто «так же, как все». Или я ошибаюсь?

Психоанализ она напрасно тачнула, а ехидный укол моим же слоганом мне был как комар слону. Так что я не только не напрягся, но расслабился. Ведь в подтексте ее реплики метался проклятый биномный комплекс: «Он это серьезно?» и «Что он хочет вызнать?» Я понял, что Элис тоже женщина. Как бы ни пыжилась. Я светло рассмеялся и воспользовался проходом, оставленным в ее вопросе-ответе, чтобы уйти от ответа на любой из биномных вопросов:

– Ты права, какой из меня муж?! – Она с облегчением вздохнула, что не попалась, не дала себе расслабиться и поверить. Но я не дал ей насладиться этим: – Знаешь, ты единственная женщина, которая могла меня сделать по-настоящему несчастным. Если бы хоть на секунду дала мне почувствовать, что чувствуешь мои чувства. Просто чувствуешь, ничего более. Если бы ты была со мной хотя бы… жестокой. Но ты всегда была такой… прагматичной. – С какой интонацией я произнес это слово! Ни обиды, ни мести, только легкая брезгливость. Но такая легкая, что мало кто мог бы ее уловить. Она смогла. Она вспыхнула, но я успел добить: – Ты могла меня сделать самым несчастным, а сделала самым счастливым – я перестал воспринимать женщин всерьез. Если б они еще и не беременели…

Я быстро, почти по-братски чмокнул ее в щечку, подхватил на руки, закружил, опустил на пол и, помахав рукой, вышел.

Я ехал по ночному городу, размышляя, правильно ли поступил, укрепив в Элис врага, когда мог бы слегка поюзить ее в роли союзника. Впрочем, союз с ней, даже если бы и дал хоть минимальный тактический приплод, стратегически вышел бы в минус. Где мне тягаться с таким карьерным вампиром, как Элис.

Я вошел в квартиру, мысленно еще просчитывая плюсы и минусы нашего диалога, и замер. Из кухни доносились веселые голоса, причем один из них принадлежал мадре, другие – Деду и Степке. Час от часу не легче. У меня не оставалось сил бороться с самой фатальной дамой моей жизни. Я честно отразил на лице естественные чувства и пошел на кухню. Кстати, кухней мы это называем по старой совковой традиции. На самом деле – это то, что нынче называется студия. То есть совмещение – или разделение – гостиной и кухни посредством барной стойки. Один из кавалеров мадре, архитектор с символическим именем Гауди и

тривиальной фамилией Кароян, сделал очень удачный вариант: раздвижные полустеклянные двери при желании отделяли оба помещения, плюс другая полустекляшка соединяла с оригинальной верандой-балконом в стиле зимнего сада. В данный момент все три точки были объединены в одну.

– Дед, – сказал я, – помнишь, когда мадре сопротивлялась робким попыткам Гауди, ты по-королевски разрешил ему творить. Ты открыватель его таланта. Привет честной компании.

– Надо сказать, – мягко улыбнулся Дед, – парнишка оказался не только талантливым, но и благодарным. Во всех его буклетах есть фото нашей квартиры и теплые слова о нашей семье, рискнувшей довериться ему.

– Вашу квартиру проектировал Гауди? – вытаращился Степка.

– Браво, Степашка, – захлопал я, – вот уж не думал, что тебе знакомо это имя. Однако вынужден тебя разочаровать, наш Гауди по фамилии Кароян куда моложе, и ты уже понял, какого он разлива.

– А сына его не Герберт зовут? – спросил Степка и, заметив мою готовность съехидничать, добавил: – У нас есть приятель – Герберт Кароян, и все подшучивают, куда он дел «фона».

– Армяне, – рассмеялся Дед, – что с них возьмешь.

– Выглядишь как сытый кот, хотя явно голоден, – встряла мадре в нашу степенную мужскую беседу. Все, разумеется, поняли, что она имеет в виду, и воззрились на меня. От злости я чуть не выплюнул бутерброд. Степка выручил. Хлопнув себя по лбу, он воскликнул: «Черт, за милой беседой забыл, почему прителепал! Кажется, я знаю, где копать. АнАн наш…

– Стоп! – мгновенно вклинился я. – За столом о делах не говорим!

– А делов-то, – хмыкнула мадре, – одну сволочь раскрутить, другую закрутить, третьей открутить. Минуточку! Вы ведь АнАна раскручиваете, почему же надо что-то откапывать?

Я с тоской посмотрел на Степку. Он понял и скуксился. Мадре было плевать, ее уже понесло:

– Неужели вы решили его похер… похеренить? Но ведь коней на переправе не меняют? Вы что, обалдели? Хоть один что-то путное несет, пусть и ахинею, и вы… поэтому, что ли?

– Погоди! – взмолился Дед. – Ты задаешь вопросы, сама на них отвечаешь, из этого выводишь другие вопросы… и, наконец, как ахинея может быть путной?

– А ты у него спроси, – кивнула она на меня, – он этим занимается профессионально. И зарплату нехилую срубает.

Дедов трюк не сработал. По всему было видно, что мадре всерьез заинтересована.

– Неужели вы с вашим гаденышем (видать, она имела в виду ПиПи) серьезно решили уничтожить своего же кандидата? Почему? У вас что, есть запасной?

И тут Степка не выдержал. Мало того, на его лице читалось искреннее восхищение, ведь то, что нам открыли, причем вынуждены были это сделать, ей открылось благодаря серии вопросов и ответов. Причем и то, и другое принадлежало ей. Может, мне бы удалось как-то спасти ситуацию, но этот недоумок категоричным тоном заявил:

– Холмс вам даже в Ватсоны не годится!

Мадре расцвела. Впервые стены этого дома услышали комплимент в ее адрес. Она, верно, пожалела, что у стен есть только уши, в данном случае не помешал бы и язык. Мы с Дедом окончательно приуныли, и тут Степка сделал финт:

– Дело в том, что именно такой слух и пытаются сейчас распустить, чтобы дискредитировать предвыборную кампанию. Пока удалось спустить на тормозах, но на всякий случай мы ищем, нет ли в его биографии чего-то, на чем можно…

– Чего искать, – пожала плечами мадре, – в каждом шкафу есть скелет, твой друг Мика тебе не говорил об этом? Странно. Так вот, по молодости лет АнАн чуть не порешил свою б… Застукал с одним хмырем. Он ведь не верил, что она… «такая», но услужливые друзья доказали. Подонки!

– Почему подонки, – удивился Степка, – чего хорошего, если такой приличный парень влюбился в «такую»?

– Какую такую? – из женской солидарности возмутилась мадре, которая минуту назад обозначила ее как б… – Она, между прочим, замуж потом вышла и стала вполне приличной матроной. Парень хороший попался, сказал, что ему плевать на ее прошлое.

Наша мужская триада переглянулась в своей солидарности: «Лох!» Но мы промолчали. Зато мадре не унималась.

– Вашему АнАну повезло – на носу был международный шахматный турнир, а он считался восходящей звездой. Дело замяли. Интернета тогда не было, и слух увял.

– А это… достоверная информация? – вкрадчиво спросил Степка и руками замахал. – Понимаете, если да, то мы вам безумно благодарны. Но факт-то надо проверить.

– Степ, – вздохнула мадре, – не вешай лапшу на уши. Все достоверно. Мы с Нинкой пересекались подругами в школе танцев. Я случайно узнала, слух-то вовремя пресекли, и Нинку ее родители от греха подальше перевели в другой институт и отрезали от прошлого круга общения.

– Мадре, – прервал я, считая, что пора переключить ее

внимание, – а если бы я влюбился в б…, как бы ты к этому отнеслась?

– А в кого ты еще можешь влюбиться? – искренне удивилась она. Подлец Степка заржал. Даже Дед хмыкнул, но я упрямо продолжил:

– Не уходи от ответа, может, я в первый раз прошу материнского совета.

– Во-первых, ты не совета просишь, – резонно заметила она, – а спрашиваешь о моей реакции. Так вот, не стану врать, что стала бы тебя отговаривать или фокусы вытворять. У тебя, как ни странно, здоровая психика. Может, благодаря Деду, может, из твоего ослиного упрямства. Но это так. Так что цинизм и остроумие тебя вовремя спасут.

Я встал и впервые в жизни поцеловал ее руку. Кстати, кожа ее была шелковистой и чудесно пахла. Молодец, следит за собой в оба! Понятно, почему ей недосуг следить за мной.

Кажется, она поняла, что попала в яблочко, и, решив не портить триумф, сказала Степке:

– Пошли, безлошадный, доброшу тебя. – Потом повернулась ко мне: – Не боись, пытать его не стану. Ни о ваших делах, ни о твоих. Я почему-то поверил.

* * *

Я проснулся среди ночи от того, что сердце как-то странно бухало, и сразу вспомнил тот первый диалог с АнАном в моем кабинете.

«А вы что доказываете?» – спросил его Филя, и тот ответил: «А я справился с этим. Живу себе и живу. Кому надо, пусть сами ищут доказательства». Черт, уж не историю ли, рассказанную мадре, он имел в виду? Типа, перемолол ее и похоронил. А Карлыч откопал, и ПиПи сделал Ан Ану предложение, от которого тот… Фигня! Не пошел бы он на такой риск. Хотя… Возможно, купили они его не на эту историю, а, наоборот, решили придержать, чтобы в случае чего шантажнуть. Но тогда на что купили??? С чего вдруг два таких разных человека оказались рядом? Тренькнул сотовый, прервав мои размышления. Было часа три, и сердце екнуло – неужели Элис, кто бы еще осмелился?! Увы, это был Степа, и я решил взгреть его. Но Степка сразу заорал:

– Понимаешь, я все думал, что их может связывать, и понял! Пимен и был тем хахалем, с которым АнАн свою девицу застукал!

– Ага, а потом в нем взыграла совесть, и он решил

компенсировать…

– Ты тоже догадался? – разочарованно спросил мой компаньон. Ну не дурак ли? Я в точности повторил старый трюк, а он опять попался. Или непроходимый осел, или его вера в меня абсолютна. Конечно, первое ему подходило больше, но второе мне льстило, и я остановился на этом. Раз так, Степка заслуживал пряника, посему я вздохнул:

– Милый Ватсон, дело в том, что нынешний АнАн вряд ли пошел бы на такую сделку. – Я напомнил ему диалог, который вспомнил спросонья, и теперь уже Степка вздохнул:

– Да, чёй-то несвязуха. Может, спросить Карлыча в лоб?

– Вот он тебе в лоб и даст, – сказал я, – нет, надо искать обходные пути. – Мы пожелали друг другу спокойной ночи, уверенные, что это всего лишь пожелание.

Утром, когда мы сидели в кабинете хмурые и злые, нагрянул Гоша. В суете последних дней мы и думать забыли о нем. А он, оказывается, слетал в недружелюбную Латвию, поучаствовал там в каком-то хип-хопнике и сорвал первач.

– Неужели все было так хреново, что вы взяли первое место? – порадовался за друга Степка. Гоша пропустил колкость мимо ушей и гаркнул: «Ангелина!» Та возникла на пороге с видом брезгливого недоумения. Гоша поставил на стол рижский бальзам, шпроты и прочую тамошнюю снедь, которой и тут было навалом. Но совковая генетика продолжала жить – поехал куда, значит, привези чего. Под конец он извлек какое-то замысловатое ожерелье и протянул Ангелине: «Это тебе. Презент». Наверное, у детей, увидевших Деда Мороза живьем, и то не случается такого шока. Ангелина два раза открыла и закрыла рот, но, так как слова упрямо застряли в горле, то истово покачала головой.

– Ты чё? – удивился Гоша. – Это эксклюзив, специально для тебя заказал. Смотри, какой янтарь, прям под цвет твоих волос.

Ангелина бросила тоскливый взгляд на ожерелье, дернулась и вышла.

– Не понравилось, – грустно констатировал Гоша.

– Да нет, – внес ясность Степка, – помнишь, у Высоцкого: «От подарков их сурово отвернись, мол, у себя добра такого завались».

– Да ну? Она что, так серьезно считает нас контрой?

– А то! – почему-то гордо заявил Степка. Гоша покачал головой, взял безделушку и потопал в предбанник.

Что он там ей втемяшивал, не знаю, потому что минут через пять явился Карлыч. Хмуро оглядел кабинет и поинтересовался нашими успехами. Мы вяло отрапортовали, что землю роем, на что он заметил, что нанимали нас не землекопами и не

могильщиками. Я был так зол, что не нашелся, что ответить. Карлыч потребовал конкретики, и Степка все-таки брякнул: «А что мы можем, если вы нам правду отпускаете каратами по мере потребности. Вашей причем».

– А что вам на потребу нынче? – спросил Карлыч.

– Все и сразу! – запальчиво бросил Степка. – Начинать можете с того, почему вы выбрали именно Анатолия и почему именно он согласился?

Карлыч механически потянулся за автосигаретой, потом вспомнил, что выбросил ее, зло зыркнул на меня и спросил, кивнув на Степку:

– У вас что, этот теперь рулит?

– Неприлично говорить о присутствующем «этот», – услышали мы и оглянулись. В дверях стоял Гоша и улыбался.

– А этот что тут делает? – не преминул отреагировать Карлыч.

– Правду ищу, – заявил «этот», – так же, как все.

– С чего ты взял, что все этим и заняты? – удивился Карлыч. Но меня потряс ответ Гоши:

– С того, что она дороже всего продается. Товар-то штучный. Кстати, втык Ангелине не делайте, я прошмыгнул, когда она у вас была.

Карлыч встал и направился к дверям. Мы уж хотели вздохнуть с облегчением, но он обернулся к Гоше:

– Песенка у тебя дурацкая. Не знаю, за что ты первое место взял, но, раз взял, поздравляю.

– Вот сволочь! – прошипел Степка, когда дверь за ним закрылась. – Пришел, нагадил и ушел. Цезарь нашего времени.

– Точно! – согласился Гоша и хопнул:

«Пришел. Увидел. И победил.
Так Цезарь великий когда-то сказал.
Когда он на хрен врагов разгромил
И Риму великую славу стяжал.
Про цезарей нашего времени
Я бы иначе ввернул:
Пришел. Нагадил. Стяжал. И ушел.
И обещал вернуться!»

– Слабенькая рифма, – сказал я, но Гоша, уже что-то мурлыкая, вышел, взмахнув на прощанье рукой.

– А знаешь, – мечтательно протянул Степка, – есть классический способ, как вышибить кандидата из гонки.

– Ты мне это оставь, – пригрозил я, поняв, куда он клонит, и

добавил для пущей убедительности, – и потом, АнАн и из покушения сделает себе пиар. Заметь, без нашей помощи. Точнее – что еще хуже – с нашей помощью, но без нашего на то желания. Так что давай не рыть себе двойную могилу.

Дверь неожиданно распахнулась, и мы уныло воззрились на Гошу.

– Я чего приходил-то, – сказал он, – Мик, можно в воскресенье собрать у вас на фазенде Клуб дедов?

– Еще раз назовешь их дедами, из хипера станешь Шурой – зубы выбью.

– Заметано, – просиял он, – значит, готовьтесь, будем.

Он отчалил, а мы со Степкой решили, что если начальство нам вставило, то и мы можем проделать то же самое с подчиненными. Поскольку таковые имелись в единственном числе, мы и вызвали это число. Ангелина, как всегда, вошла с потусторонне-презрительным видом, тем самым распалив наше желание. В смысле, хорошенько вставить ей. В офисном смысле.

– Ангелина, – строго сказал я, – напечатайте табличку «Без улыбки не входить!» и повесьте с вашей стороны двери. Сделайте два кофе и скажите, что вы думаете о нашем Анатолии.

– В какой последовательности? – нагло спросила она.

– В обратной.

– Придурок, – уверенно заявила она.

– Послушайте, вы становитесь похожи на Эллочку Людоедку. Придурком, если мне не изменяет память, у вас значился Гоша.

– Гоша искренний, а этот… фальшивый.

– Ангелина, вы меня потрясаете, – возопил Степка, – вы изволите не соглашаться с начальством?! Ведь Анатолия породило оно.

– Он мутировал, – обрубила девица, – и это ваша работа. – Она вышла, заявив, что идет выполнять распоряжение номер два от конца.

– Даже офисный планктон это заметил, – уныло бросил Степка.

– Заметил, как она подчеркнула лояльность начальству и спихнула все на нас? Вот… Мата Харя!

Тут она появилась с кофе, и я буркнул:

– Почему без улыбки?

– Распоряжение один от конца еще не вступило в силу, – дерзко заявила она и пояснила, видимо, считая нас полными недоумками, – по причине того, что я только сейчас приступлю к его реализации.

– Ангелина, – проникновенно сказал Степка, – а что бы вы сделали, чтобы вернуть Анатолия к прежней роли?

– Уволила бы вас, – без секундного замешательства заявила она, и у нас синхронно отвисли челюсти.

– Послушайте, – взмолился я, – до того, как вы донесете эту мудрую мысль до начальства…

– Я не стукачка!

– Да я не в этом смысле, родная вы наша! Даже напротив, мы вас слезно просим стукнуть, мы только о том и мечтаем, ей-богу! Но до этого скажите, за что вы нас так люто ненавидите? Может, вы метили на эту должность?

– Вот еще! – дернула она плечом. – Я мечтаю вернуться на прежнюю! – и, ничего больше не добавив, гордо удалилась. Мы поняли, что переход из приемной ПиПи к нам она воспринимала не как спецпоручение, а однозначно как понижение. Мы решили, что не станем пить ее кофе и уберемся из этого поганого места, потому что никто нас тут не любит, а от умных мыслей только вред. Когда мы вышли, Ангелина, что-то строчившая на компе, поинтересовалась:

– А выходить тоже с улыбкой?

Мы проигнорировали обнаглевшую девицу и удалились.

* * *

Гоша и впрямь устроил сабантуй. Поначалу всем было как-то не по себе, словно ждали, что откуда-то возникнет Вадюша. Потом Андрюша предложил тост: «За шрджапат. За Гошу, которого нам оставил Вадик. За успех Гоши». Мы выпили, и как-то полегчало. Потом, уж не знаю как, разговор пошел об АнАне. Видно, он был модной темой. Стас, которого Дед попросил прокомментировать психологический аспект антилузерства, пожал плечами:

– Алекс, не придуривайся. Уж мы-то понимаем, что это идея Мики. – У меня чуть кусок мяса не выпрыгнул изо рта, тем более что все закивали. – Беда в том, – продолжил Стас, – что АнАн, как его величает Мика, круто подсел на нее. Он поверил и в идею, и в свое мессианство. А это значит, что он загубит и то, и другое.

– Как? – с надеждой спросил я.

Стасик с удивлением посмотрел на меня.

– Не понял? Ты что, хочешь этого?! У вас же другая задача. Погоди, ты же все пытал Вадюшу, хотел найти в АнАне что-то, за что зацепиться, наконец сам придумал, а теперь… Что произошло?

– Не это важно, – ушел я от ответа, – важно, что он действительно все загубит, и надо его остановить.

– Запусти «антивинера», – задумчиво посоветовал Стасик.

– Чиво?! – взвыли мы со Степкой.

– Видишь ли, Микс, – начал пояснять светило психологии, – мне кажется, что «антилузер» – не совсем э-э-э… корректно. Ведь твоя идея в том, чтобы людей перестали подстегивать к гонкам с препятствиями, что все не могут быть винерами. Я понимаю, как пиарщик, ты поставил на слово, которое у всех на слуху, – на лузера. И это сработало. Ты профи. Но, дружище, с научной точки зрения ты сместил акценты, перевернул идею с ног на голову.

– «Папа Вилли, – спросил любопытный малыш, —

Голова твоя белого цвета.
Между тем ты всегда
Вверх ногами стоишь,
Как ты думаешь, правильно это?

– В ранней юности,

– старец промолвил в ответ, —

Я боялся раскинуть мозгами.
И с тех пор, хоть прошло уже множество лет,
Я как прежде стою вверх ногами». —

Продекламировав этот стишок из «Алисы в Стране чудес», я завершил: – Мир не изменился, он, как и прежде, стоит вверх ногами, потому что кому на фиг надо раскидывать мозги? А кому надо, тот делает это с чужими.

– Мика, – трубно вздохнул Харитоша, – ты стал натуральным уродом! Я горжусь тобой!

Пока мы осмысливали этот перл, раздался звук подъезжающей машины. Через минуту из крутого джипа появился… Гоги!

– Гоги! – завопил я и бросился ему навстречу. Остальные наши тоже повскакали. Но он, жестом остановив нас, открыл дверь авто. Оттуда вышла… или выплыла… или возникла… Такой красавицы я не видел. А следом появился человек, который извлек из багажника венок. Такого венка я тоже отродясь не видел. Гоги снял темные очки, поднял указательный палец и произнес спич:

– Когда-то мы поклялись, что даже тень женщины не осквернит это святое мужское место. И вот я нарушаю клятву,

потому что вы нарушили свою. Вы забыли, что у вас есть я!

– Гоги! – заорал Ашотик, и мы аж вздрогнули. – Ты что, совсем спятил? Я звонил тебе по пяти номерам и отправил пять эсэмэсок. На, сам смотри!

Он протянул Гоги телефон. Тот прочел эсэмэски и вздохнул:

– Вот козлы! Не сказали, как меня найти?

– Нет, – подтвердил Ашотик, – я и так подъезжал, и эдак, но мне говорили, что ты снимаешь фильм где-то в Африке и на связь выходишь, когда сам решишь.

– Так и есть, – вздохнул Гоги, – откуда я знал, что…

Он засопел, потом взмахнул рукой. Девица и венок загрузились в машину, которая, плавно развернувшись, отъехала. Гоги обнял каждого из нас, включая Степу и Гошу, видимо, решив, что они того стоят, раз уж находятся здесь. Потом все опять сели за стол, помянули Вадюшу, рассказали подробности, представили моих друзей. Гоги кивал. Потом взял бокал и запел. Харитоша поддержал. А потом и мы вклинились, кто как мог. Когда песня отзвучала, Гоги вздохнул:

– Ашот-джан, если не умеешь петь, не пой. Три раза сфальшивил. Вадик ведь все это слышал. Представляешь, каково ему?

– Не можешь пережить, что Ромен Роллан не Грузию, а Армению назвал маленькой Италией?

– Глупости говоришь, дорогой! Кто сейчас знает этого Роллана? И потом, чего только не скажешь после вашего коньяка.

– Слушай, Гоги, – прервал вечных спорщиков Андрюша, – вот ты не лузер – это факт. А ты винер?

– А, – усмехнулся тот, – смотрел я этого парня в Интернете. Интересный типаж. Сначала такой серый был, скучный. Потом смотрю, харизма пробивается. Очень странно. Все помешались на нем. Но вы… вам что за забота? Пардон, нам. Нам пора о будущей жизни думать. А это все… это уже дела молодых, их дела.

Он кивнул в мою сторону, и Харитоша прыснул:

– Точно, Гогицвали, это их дела.

Поднялся ржач. Когда он финишировал, Андрюша ввел Гоги в курс, и тот аж присвистнул:

– Пацан-то вырос. Ты смотри – кандидатов лепит. А президента сможешь?

– А чем тебя нынешний не устраивает? – хмуро спросил я.

– Типун тебе на язык! Я не о нем. У нас скоро в Союзе кинематографистов…

– Нет! – завопил я. – Только не это!

– Видишь ли, – объяснил Андрюша, – тут все не просто.

Он рассказал историю моих мытарств, и Гоги, почесав нос, вдруг запел. Потом, остановившись на середине, сказал:

– Мика, я всегда знал, что ты талантливый парень. Напиши лучше сценарий. Писать никто не умеет. Идей нет, понимаешь? А у тебя они через край.

– Слишком хорошо, чтобы быть правдой, – подал голос Дед, – он без гемора на свой зад не может.

Я укоризненно посмотрел на Деда и спросил:

– Гоги, как тебе сюжет про выборы…

– Нет! – взвыл тот. – Достали! Комедия нужна!

– Ну, сделаю комедию про выборы. Хочешь?

Он не успел ответить – звякнул мой мобильник. Это была Элис! Я извинился и отошел. Элис сказала, что есть дело и надо срочно встретиться. Я кивнул как дурак, потом сказал, что сейчас за городом и потому быстро не получится. Мы договорились, что я позвоню. Я вернулся, посидел немного со своими, пытаясь вникнуть в суть их спора. Не вышло. Жестом отозвал Деда и сказал, что уйду по-английски. Чтобы Дед не беспокоился, успокоил его тем, что оставляю в заложниках Степку, Гошу и свою машину. Потом перемахнул через забор и отправился на дорогу – ловить попутку. На подъезде к городу позвонил Элис, и мы договорились встретиться в кафе.

Я пришел первым и, когда она вошла, опять подумал, что эта женщина могла бы сделать счастливым любого мужчину, если бы была женщиной. Но она была пиарщицей. Пираньей.

Мы взяли кофе и воду. Я молчал – иногда партию определяет ход черными. Элис смотрела в огромное окно, уж не знаю, зачем продолжая тянуть паузу, в конце концов не я ее позвал, а она меня. Я было подумал, что можно кончить молчанку, проявить свои качества джентльмена, как она наконец заговорила:

– Был в биографии АнАна один факт, он чуть было не порешил одного…

Я перебил ее, докончив за нее историю, изложенную мадре. Кстати, выходит, она не приукрашивала факты. В глазах Элис промелькнуло удивление и даже одобрение. Словно она обнаружила, что ученик превзошел ее ожидания. Восхищения не было. Я рассердился, хотя и не подал виду, и сказал, что мы рассматриваем несколько версий, включая ту, что тем недобитым хмырем мог быть ПиПи. Она отрицательно покачала головой и выдала обалденный факт.

Оказалось, что та сакраментальная история, изменившая мировоззрение АнАна, была подстроена самой девицей, в которую он был безнадежно влюблен. Дело в том, что эта Нинка была из номенклатурной семьи, а ее избранник – из

пролетарской. Неравные браки не поощрялись даже в стране всеобщего равенства. И вот эти двое – Нина и ее избранник – разыграли спектакль, в котором была крутая драка с «хулиганами», на которую спровоцировали ничего не подозревающего АнАна. В результате по сценарию Нинку спас ее парень и тем самым получил благословение ее родителей на брак с их дочерью. А бедного АнАна замели неожиданно появившиеся менты. Это было совсем не по сценарию, и Нинка решила, что не станет строить свое счастье на чужом несчастье. Она вынудила номенклатурного папашу вызволить АнАна, наплетя отцу какую-то слезливую байку о его помощи в том инциденте. Так что АнАна спас не предстоящий шахматный турнир, а своеобразное благородство авантюрной пары.

АнАн, естественно, ничего об этом не знал – он пребывал в депрессухе, из которой вышел неожиданно, причем абсолютно новым человеком – уравновешенным, спокойным и прагматичным. Внешне. Что там творилось в его голове, никто не знал. Но самое замечательное, что ход с двумя кандидатами предложил не ПиПи, а АнАн, который какими-то путями добился у него аудиенции. Более того, именно он настоял на том, чтобы его пиар-кампанию проводил я! Всю комбинацию, включая то, что на каком-то этапе я должен был узнать о существовании кандидата-двойника и то, что на него работают «пираньи», разработали АнАн и Карлыч. Так что бессмысленно искать, на какой крючок ПиПи подсадил АнАна, равно как и обратное, ибо оно очевидно. Оставалось понять, какого черта АнАну все это понадобилось? Задумывал ли он сразу выскочить в семерку лидеров или хотел пока просто стать публичным человеком, а там уж степ бай степ внедрять неведомую нам идею? Тем не менее, рассчитывал ли он на то, что я катализирую процесс, и именно поэтому выбрал меня? Сели ли – пусть и случайно – мои идеи, так удачно раскрутившие его, на матрицу неизвестной мне его генеральной идеи или он принял их, понимая, что на этом этапе это ему выгодно? И генеральный вопрос: что этот гад задумал?

Когда я изложил все эти вопросы Элис, она пожала плечами:

– Зачем? Зачем тебе все это? Главное, ты понял, что был пешкой в чужой игре. Отсюда и пляши.

Я насторожился. В начале ее монолога я не спросил, откуда у нее информация. Во-первых, она бы солгала, во-вторых, я был занят тем, чтобы произвести эффект своей информированностью. Если я спрошу ее сейчас, это однозначно будет выглядеть как проявление моего недоверия. Но я действительно сомневался. Плюнув на все, я выложил ей свои сомнения. Она кивнула:

– Имеешь право – после того, как тебя использовали все, кому

не лень (а вот за это я еще отомщу!), впору проверять даже телефонную книгу. Но, как ты понимаешь, источник информации я не раскрою. Следовательно, тебе решать – врала я или нет, и, соответственно, что тебе делать дальше.

У меня не было нужды спрашивать, как бы она поступила на моем месте. Я не сомневался, что Элис не стала бы тратить ни минуты на размотку психологических казусов, она начала бы действовать с исходной позиции: «Меня юзнули, я их отъюзю». Мне стало грустно, и я спросил:

– Элис, что ты читала из Достоевского?

– Все, – сказала она, – просто мы с тобой сделали разные выводы из прочитанного. Потому что ты завис на «Идиоте», а я на «Бесах». – Она встала: – Ты всегда ведешь себя как идиот. Одних это подкупает, других раздражает. Меня… забавляет… забавляло. Ты вырос, Маугли, пора читать другие книжки. Зависших во времени идиотов скидывают со счетов. И последнее… Ты раскрутил нас… как последний идиот, потому что сам оказался просто использованным и выкинутым. Но ты сумел подняться… и не стал мстить. Колол по-мелкому, ну так еще бы и без этого! Информация, которую я тебе сейчас… подарила, дорого стоит. Так что мы квиты. С этой минуты счет идет по новой, мы оба на старте и ничем не связаны… Мы – конкуренты. Берегись… Маугли!

Кажется, у меня горели уши, и она видела это. Но зато она не знала, о чем я думал на протяжении ее монолога. А думал я о том, заплатит ли она за свой кофе или оставит это мне. И если кто-то думает, что я размышлял о какой-то фигне, пока пиранья делала мне психоанализ, он просто плохо читал Фрейда. Или Юнга. Или Фрома. Хотя все это туфта. У меня свои психосимволы. Женщина, которая расплачивается за обоих – типа, она пригласила, ей и платить, – гендерная сучка. Женщина, платящая за себя, в лучшем случае не питает к мужчине половой истомы. Но если после такого монолога она оставляет мужчине право заплатить за чашечку кофе… значит, секс был отменный. А что еще надо мужчине, чтобы чувствовать себя доминантным самцом?! И что есть важнее этого? Элис встала, покачала головой – видно, что-то прочла на моем фейсе, – и вышла.

Ес!

* * *

Степка выглядел полным придурком и, хотя он таковым и был, вид этот мне не понравился, и я не замедлил высказать это.

Он разорался, типа, какого хрена мы должны верить этой пиранье, основываясь на моем шизоанализе по поводу шизотраха?! Пока он вопил, я подкрался к двери и рывком открыл ее. На пороге, как и следовало ожидать, стояла Ангелина. Правда, в руках она держала поднос с двумя чашками кофе, но ведь ее никто об этом не просил!

– Чего изволите лыбиться? – хмуро поинтересовался я.

– Так сами и распорядились, – еще шире улыбнулась она и кивнула на дверь. Там действительно красовался плакат с распоряжением номер два: «Без улыбки не входить!» Вот стерва, как приспичило, так и повесила!

Я отобрал у нее поднос и захлопнул дверь, чуть не прищемив ее любопытный нос.

– Так что ты там вещал о нашем шизотрахе? – спросил я у Степки, ставя перед ним кофе.

– Тархун шизанутый, – сказал он, – какого фига ты перед ней перья распускал, вместо того чтобы отделять зерна от плевел?

– Знаешь, Степка, – ответил я, – мне и впрямь пофиг, врала она или нет. Она вернула меня в мое естественное состояние, за что я ей благодарен.

– Ага, в состояние естественного идиотизма.

– Степка, не нарывайся, все-таки я твой шеф.

– Дык мало осталось! Самое время сказать все, что я о тебе думаю, а то потом скажешь, если ты такой крутой, что ж не вкрутил, пока был подчиненным.

– Занятно. И что ты обо мне думаешь?

– Вот делать мне нечего, – заявил Степка, – как о тебе думать.

«Растет, – подумал я, – уже научился менять вектор».

Тренькнул телефон, и Ангелина сообщила, что меня требует Пимен Пименович.

– Допрыгался! – по-старушечьи шамкнул мне вслед Степка и добавил человеческим голосом: – Ты эт, юзни их по полной. Пущай не думают, что тут чайники пыхтят.

– Растешь! – все-таки выдал я похвалу и с легким сердцем отправился на десктоп к начальству (Степкина версия – «на ковер»).

– Изволите улыбаться? – поинтересовался Пимен, когда я переступил священный порог. Я подумал, что любое начальство предсказуемо, ведь не более десяти минут назад аналогичный вопрос я задал Ангелине. Посему я решил вести себя как она и ответил:

– Исполняю собственное распоряжение номер два.

Пимен зыркнул на Карлыча, и тот ему объяснил. Все, гад, знает!

– Про один и следующие и спрашивать не стоит, такие же дебильные, – констатировал ПиПи, обращаясь к Карлычу, и задал ему вопрос, видимо интересовавший его больше: – Как ты думаешь, чего в нем больше, наглости или тупого везения?

Мне было интересно узнать, что он подразумевает под вторым, и каким еще, на его взгляд, бывает везение, но я воздержался.

– Думаю, он не так прост, как хочет казаться, – глубокомысленно изрек инквизитор.

– Ты полагаешь, что от него еще будет прок? – полюбопытствовал ПиПи.

– Если не будет юродствовать, возможны варианты. Но, судя по всему, он решил нас кинуть.

– По всему? – вздернул бровь Пимен.

– Сегодня у него была встреча с Элис.

– Ну так не первая. Они же…

– Нет, – возразил Карлыч, – похоже, тут другое.

– Послушайте, – встрял я, – вряд ли я услышу что-нибудь новое о себе, так, может, отпустите, дел невпроворот.

– Да ну? – изумился Пимен. – И что за дела?

– Распоряжение номер два. Ваше, кстати. Ликвидировать Анатолия.

– Совсем съехал с катушек! – подпрыгнул Пимен. – Когда я тебе такое приказывал?

– Прослушки боитесь? – хмыкнул я. – Напрасно. Карл Карлыч не допустит. Он хоть и инквизитор, а в своем деле дока. (Так вот! Пусть завидует, его-то я ни разу не хвалил. Карлыч заерзал, видимо, понял мой гнусный ход, но не мог же он сказать: «Шеф, вы куда гениальней меня!» Пусть оба жарятся).

– И что ты надумал? – хмуро спросил Пимен.

– Надумаю, когда вы серьезно поговорите с ним и поймете, чего он реально хочет.

– А тут и секрета нет, – пожал он плечами, – Антоше вздумалось двинуть в политику, потому что он возомнил, что может принести отечеству пользу – реформировать его. Отечество, то бишь. Просто никто не знал, что ты так лихо ему поможешь. Так что всю кашу ты заварил.

– Это я, кажется, где-то уже слышал, посему пропустим мимо ушей и перейдем к делу. Антоша решил воспользоваться ситуацией и идти на попятную не желает. Остается воздействовать грубой силой. Вариант первый – шантаж. Если, конечно, есть тема. Если нет, что-то вроде киднепинга.

– И ты пойдешь на это? – с живым любопытством спросил Пимен.

– Почему я? – с не меньшей живостью отреагировал я. – Это компетенция… компетентных органов. А, Карл Карлыч?

– Пшел вон, – сказал Пимен, – ты больше у меня не работаешь.

– Слава богу, – возрадовался я и покинул кабинет, пока он не передумал. К себе я возвращался почти вприпрыжку. Ангелина уставилась на меня. Я подошел к ней и, крепко поцеловав, сказал:

– Ангел мой, а ведь вы пророчица. Нас упразднили! – Ну и выражение выразило ее лицо! Ничего, пусть поразмышляет. Я вошел в кабинет и, выдернув Степку из-за компа, заорал: – Выход нашелся сам – нас выперли! Давай собирай манатки.

А потом написал на бумаге: «Всю информацию из компа сбрось на флешку, а потом почисть комп. И не молчи, а то поймут». Степка кивнул, сел за комп и принялся бурчать о том, как дурак (это он обо мне) может сам срубить сук, на котором сидит. Мы пустились в перебранку, пока наконец Степка знаком не показал: «Ок». Подхватив свое скудное барахлишко, уместившееся в одной картонной коробке, мы вышли из кабинета. Хмурая Ангелина посмотрела на нас как на недоумков и слабо кивнула в ответ на наше: «Прости и прощай». Потом спохватилась:

– Филины вещи не забудьте.

Вот те раз, Филя, занятый печатаньем буклетов и плакатов, уже несколько дней не появлялся. Наверное, как любой нормальный человек, решил, что раз не зовут, то неча проявлять инициативу. Я решил вечером позвонить и ввести в курс дела, а то мелко как-то оставить дело недоделанным. Что до Степки, то он был так искренне расстроен и так старался не показывать этого, что я решил не бросать его, и мы отправились отметить нашу победу. А почему бы и нет? Вечером отлично потусили в клубе, потом сняли двух барби и уже где-то за полночь отправились по домам.

Проснулся я утром где-то часам к двум, абсолютно счастливый и легкий. Проснулся оттого, что вернулся Дед. Увидев мою счастливую рожу, Дед хмыкнул:

– Поперли или сам?

– Сам подсуетился, чтобы поперли, – сказал я.

– А Степа?

– Черт! – подскочил я. – Совсем про него забыл. Дед, позвони ему, пригласи на что-нибудь.

– На что-нибудь – это по твоей части. Я приглашу на рыбу.

Дед набрал Степку и сказал, чтобы он подгреб. Судя по Дедову лицу, Степка даже из политеса не возражал и сразу согласился. Явился он минут через пятнадцать.

– Ты что, под дверью кантовался? – удивился я, зная, что расстояние между нами тянет на в три раза больше по времени.

– Типа того, – вздохнул он, – мне звонили… оттуда… сказали, чтобы пришел оформить расчет.

– А что так грустно, Степ? Ты что, ждал, что нас будут просить обратно? Да на фиг?! Тебе не надоело быть… Степашкой?

Он не успел ответить, Дед позвал к столу. Степка шепотом поинтересовался, в курсе ли Дед и как воспринял. Я ответил, что ему не привыкать. Степка понуро спросил, почему звонили только ему, видать, его мучил вопрос, не ликвидировали ли только его, чтобы мне это стало уроком. Тут я вспомнил, что отключил на ночь телефон. Включил, увидел три незнакомых номера, но явно из офиса, и звонков пять от Степки. Представил, как он страдал от неведенья, и понял, почему он околачивался рядом с моим домом.

– Степ, – спросил я, – ты всерьез мог подумать, что, если тебя вышвырнут, я останусь в серпентарии?

– С чего ты взял? – буркнул он, но в голосе сквозило облегчение.

– Выходит, – не сдавался я, – шрджапат для тебя пустое слово? Ты что, так и не понял, что такое дружба?

– А то ты понял, что такое любовь, – ответил он не в ту степь.

Я задумался, и тут раздался голос Деда: «Любовь – это потеря свободы, дружба – расширение ее пространства». Я хотел сказать Деду, что он перемудрил, свобода как беременность, она или есть, или ее нет. Потом подумал, что я тоже не прав, беременность ведь растет, значит, и пространство свободы может расширяться. Телефонный звонок избавил меня от голодной философии. Меня любезно пригласили прийти и оформить расчет. Не менее любезно я ответил, что отмечаю это радостное событие за городом, так что приду, точнее, мы оба придем завтра. Дед спросил, что я выигрываю от этого, я ответил – расширяю свободу. Он замолчал и стал готовить кофе.

Весь этот день мы провели как раздолбай, даже отправились на трек погонять кары. А утром отправились в офис. Уже перед дверью бухгалтерии Степка, которого почему-то малость лихорадило, вызвался зайти первым. Я поинтересовался, что ему так не терпится, он пояснил со вздохом, что я могу опять начудить, и нас оставят без выходного пособия. Я уставился на него. Он испугался и залепетал что-то типа того, что пошутил и готов уступить мне право первенства. Но я лишь жестом указал ему на дверь. Дело в том, что Степкины слова напомнили мне о контракте. А ведь там черным по белому были написаны сногсшибательные для меня условия, в случае если «меня уйдут».

Какие конкретно, не помню, но помню, что Пимен под неодобрительный взгляд Карлыча отписал немыслимый штраф конторе. Видно, был уверен, что я, как всегда, соскочу сам. Это до чего же ему надо избавиться от меня, что он пошел на такие издержки! Что же они затевают? Стоп, отныне это не моя забота. Вышел Степка, сияющий как сонм смайликов. Офис не то что не кинул, напротив, в соответствии с законом заплатил еще за два месяца и какой-то бонус. Степка радостно заявил, что три четверти суммы на машину его мечты у него в кармане. Я кивнул, сказал, чтобы от греха подальше он спустился и ждал меня в моей тачке, что он и не замедлил сделать. Я же переступил порог самой важной комнаты. Со мной поздоровались и протянули бумаги. Я внимательно прочел и возблагодарил Степку, который разбудил мою память. Причитавшаяся мне сумма соответствовала предусмотренным законом стандартам. Я набрал Карлыча и напомнил про контракт. Он весело хрюкнул и сказал, что выиграл пари. Оказывается, они поспорили с ПиПи, вспомню ли я про контракт и подыму шум или опять буду в роли идиота. И дал отбой. Вот гнида! Я отказался подписывать бумаги, заявив, что это не полный текст. Попросил копию для ознакомления и вышел, пытаясь сохранить достоинство.

– Ну? – опасливо поинтересовался Степка.

– Как ни странно, но ты, Ватсон, оказался прав, – ответил я и рассказал, в чем дело. Степка взвыл, но искренне предложил разделить его деньги пополам. Ей-богу, я был тронут, он не лукавил. Я успокоил его тем, что в деньгах не нуждаюсь: во-первых, у меня есть заначка (кстати, надо посмотреть, что мне там икорных дел мастер Мамедов накинул. Парень он, похоже, порядочный и не скупой). Во-вторых, это дело принципа. Не могу же я жить дальше с ощущением того, что меня юзнули и делитнули. Степка согласился и тут же принялся предлагать версии. Я выслушал и предложил свою – собрать совет стаи. В смысле, позвать шрджапат на сход. Дед, которому я все рассказал, согласился, хотя и попытался отговорить, мол, от добра добра не ищут. Пимен здорово мне платил, да и имя я себе сделал благодаря ему. Ну и, наконец, мы вышли сухими из воды, то есть нам не пришлось доканчивать бедного АнАна. Такой ход мыслей меня огорчил. Я назвал Деда безнадежным ретроградом, присовокупив, что идеи любви, проповедуемые хиппи и слямзенные ими у Иисуса, потерпели полный швах. В наше время надо быть или акулой, или пираньей. Акулизм требует больших усилий и постоянного пребывания начеку – это, в силу моей лени, не для меня. Я маленькая юркая пиранья и не дам какой-то долбаной акуле поживиться мной. Дед посмотрел на Степку в

надежде на поддержку, но тот был занят решением дилеммы – купить машину сообразно имеющимся у него деньгам или, в надежде на авось, подождать, вдруг привалит удачная работенка и он наскребет сумму, недостающую для покупки авто мечты. Дед покачал головой и взялся за телефон. Вечером малый шрджапат собрался у нас на балконе. Я поведал им финал моего пребывания у ПиПи. Харитоша и Андрюша поздравили с тем, что я избавился от мерзавца (и почему они его считают таким?). Посоветовали получить что дают и радоваться жизни дальше. Ашотик и Гоги возмутились – никто не смеет кидать ближнего! Стасик, ухмыляясь, предложил компромисс – взять то, что причитается, и наказать антипиаром. Ашотик мгновенно откорректировал: деньги взять – те, что по контракту, – и после этого вдарить пиаром. Гоги сказал, что проблема армян в их ненасытности. Ашотик возразил, что это совсем другое – это творчество, когда мозг видит лучший вариант, он не может пройти мимо него. А грузины только и умеют, что петь, – декоративная нация с претензией на аристократизм. Гоги ответил, что за каждой претензией есть основание и… тут Ашотик перебил его, спросив, есть ли у меня основания на претензию.

Ес! Недаром я терпеливо ждал, пока Ашотик клюнет на какой-нибудь профессиональный термин (да и Стасик чуть раньше сработал в том же ключе – профессиональнопсихологическом). Я дал Ашотику копию договора, полученного сегодня, и папку с бумагами, подписанную мной в самом начале, когда Пимен заключал со мной сделку на неслыханных условиях. Ашотик углубился в чтение. Гоги сидел гордый, осознавая, что его слова катализировали «творческий подход» Ашотика. Дед принес карты.

Наконец Ашотик дочитал и сказал: «Фактически, ты лоханулся. Вначале тебе подсунули две бумаги. Одна – договор, который тебе предъявили сегодня. Он действительный. Там есть все подписи и печати. Тот же, где тебе обещаны горы златые, без печати. Сто раз говорил – не подписывайте не читая! А если лень, дайте мне, я же денег у вас не прошу! Что теперь делать с этой филькиной грамотой?»

– Ашотик, – наконец нарушил унылую тишину Харитоша, – если ты денег не возьмешь, то нечего изображать из себя гения (какая связь?! Но, грех ждать от Харитоши логики). А если деньги подстегнут твой мыслительный процесс…

Все замерли, ожидая взрыва, но Ашотик неожиданно сказал, почесывая нос:

– Мика, кто-нибудь еще присутствовал при подписании

первого договора? – Я ответил, что Карлыч всегда был при Пимене, как свидетель Иеговы. Ашотик взял нос в кулак и хрюкнул: – Попались голубчики. Обоих потащим в суд и поимеем на лжесвидетельстве и… впрочем, детали не существенны, еще разболтаете. Алекс, дай аванс. У этого раздолбая не возьму, пусть ему будет стыдно, что он сидит на шее Деда.

Дед гордо заявил, что, скорее, он сидит на моей шее, но его прервал Гоги:

– Говорил же, что, пока он не почувствует запах денег, мозги не завертятся. Ашот, ты не виноват, просто такая комбинация – армянин и юрист.

Ашотик не счел нужным отвечать. Взял у Деда доллар (я читал, что так поступал Перри Мейсон, когда работал на друзей или бедных клиентов) и, велев мне завтра притащиться в его офис для заключения договора, сел за карточный стол. Я был доволен – хотя бы на этом этапе проблема перестала быть моей, переадресовавшись моему адвокату.

На следующий день Ашотик огорошил меня сообщением о том, что одна из Пименовых контор зафрахтовала название «Антилузер». Это обнаружили ребята Ашотика, которым он на всякий случай велел собрать всю возможную информацию. Я аж подскочил:

– Невозможно! Я сам это сделал, сразу после того, как предложил идею АнАну… ну, чтоб он не присвоил ее.

Ашотик посмотрел на меня с уважением:

– Не знаю, кем был твой отец, но на такое ни Дед, ни твоя мать не способны. Молодец! Что значит, вращаешься в кругу умных людей!

Я признательно кивнул и поклонился, ведь, по существу, он был прав, я многому нахватался в их «шпате» (я так и не научился выговаривать это слово правильно). Ашотик погнал меня за бумагой, удостоверяющей мое право первенства, при этом не удержался от возмущения, что я состряпал ее не у него, а у каких-то проходимцев (хорошая, кстати, контора, это он от ревности). Через два дня дело было мирно разрешено без всякого суда. Ашотик встретился с Карлычем и сказал, что, до разговора с юристами Пименовой компании, хочет переговорить именно с Карлычем, так как раз в месяц расписывает пульку с Эдуардом Карпинским, приходящимся дядей Карлычу и всегда тепло отзывавшимся о племяннике. Так что он, Ашотик, перестал бы считать себя джентльменом, если бы первая встреча с Карлычем произошла в зале суда. Как бы он смотрел после этого в глаза Эдуарду. Потом он рассказал суть дела, присовокупив, что Мика хочет судиться даже не из-за договора, хотя и это дело

выигрышное, а за пиратское присвоение его интеллектуальной собственности. Он показал Карлычу документ, где значилось число, намного более раннее, чем на аналогичном Пименовом. Наконец, добавил, что удивлен тому, что такая солидная компания работает с какими-то аферистами, впрочем, он готов сам выдвинуть против них иск и содрать с них кругленькую сумму Если, конечно, Мика получит свое по первому договору, а Пимен пригласит Ашота заняться делом о нейминге. Карлыч молча все выслушал, поблагодарил и обещал передать все шефу Ашотик вышел, переживая только из-за одного: с Эдуардом они действительно пару раз расписывали пульку, но ни о чем, кроме игры, не говорили. Ашотик просто в процессе наведения справок случайно узнал о родстве Эдуарда и Карлыча. Он очень надеялся на то, что Карлыч не станет справляться у дяди, говорил ли он с Ашотиком, хотя бы потому, что юридическая фирма Ашотика значилась в десятке лучших в стране. А уж то, что Ашотик явился самолично, вроде подтверждало человеческую сторону вопроса.

Словом, через пару дней я получил все, что мне причиталось, а Ашотик начал тихой сапой внедряться в серпентарий ПиПи. Довольный, он пригласил шрджапат на ужин в ресторан, где якобы поздравляли меня с победой, хотя в подтексте это относилось к Ашотику, о чем я и сказал в своем тосте. Даже Гоги не подкалывал Ашотика, только сказал, что было бы странно, если бы тот не сунул свой шнобель в образовавшуюся щель (в смысле, начал просачиваться в офис ПиПи). Самое смешное, что, вопреки стандартному представлению о размере армянских носов, у Ашотика нос был очень красивый. А вот у Гоги – настоящий шнобель. Но это не мешало ему трактовать ситуацию в традиционном ракурсе. Ашотик перестал обижаться на это только после того, как Стас объяснил ему, что у Гоги зеркальный комплекс, ну, типа, оттого, что в их случае национальные носы как бы поменялись местами. Не знаю, придумал это Стас или в психологии есть что-то такое, но Ашотик перестал огрызаться, когда Гоги донимал его, и больше не называл его Носидзе.

* * *

Лейтенант Пенкин ворвался в кабинет своего начальника, сияя как начищенная бляха.

– Шеф! – гарцуя от нетерпения, застрекотал он. – Представляете, ребята сняли с нашего жмурика! – Он трепетно положил на стол полуобгоревший браслет.

– И? – вяло поинтересовался капитан Колючкин, мысли

которого были заняты свежаком.

– Так это ж флешка! Флешка, трах ее тибидох! И я распечатал!

– И? – повторил капитан, но уже с интересом.

– Не поверите! Роман! Парнишка накатал роман, учитаешься!

– И?

– И что нам это дает? – понял Пенкин и, раздувшись до почти взрыва, выпалил: – Так там есть посвящение. Сигизмунду Сигизмундовичу Алинскому!

Капитан непроизвольно подтянулся. ЭсЭс, как величали Алинского за глаза, был одним из самых крутых олигархов. Надо было сто раз подумать, прежде чем соваться к нему. А чтобы думать, надо было прочесть роман. Капитану это не улыбалось. Он заставил подчиненного кратко изложить суть прочитанного. Пенкин занервничал, объясняя, что это не произведет эффекта, так как вся прелесть (так и сказал!) в игре слов и мыслей. Капитан приказал на мозги не действовать и приступить к изложению без сочинения. Сам вооружился ручкой, записал фразу про игру слов и дальше кратко законспектировал изложение Пенкина. Потом приказал ему сделать распечатку.

Когда тот ушел, капитан стал думать и нашел решение. Позвонил руководству и переложил решение проблемы на него. В смысле, взял флешку, распечатку и двинул к подполковнику. Там кратко изложил суть романа, начав с посвящения. И завершил тем, что, с его точки зрения, чем более высокий чин станет говорить с Алинским, тем большая вероятность разобраться с аварией, вычислив давешнего жмурика, ставшего ее жертвой. Подполковник выслушал, кивнул и отпустил капитана. Тот вышел, искренне надеясь, что на этом его роль в этой истории завершена.

* * *

Сигизмунд Сигизмундович дочитал распечатку и по внутреннему телефону попросил зайти начальника службы информационной безопасности.

– Прочитал? – спросил он, едва только тот вошел. – Хоть о покойниках нельзя говорить плохого, но каков хрен!

– А по-моему, тянет на бестселлер, – усмехнулся Петр Алексеевич.

– Конечно, о тебе он не гнусявил, а меня самодуром выставил. И хватило же наглости сделать посвящение: «Сигизмунду Сигизмундовичу – винеру и деспоту, с

признательностью от лузера по воле ему подобных». Что усмехаешься? Уже сократил меня до СигСига? Хотя это лучше, чем ЭсЭс.

– Думаю, что парнишка питал к тебе если не восхищение, то симпатию, – рассмеялся аналитик, – это же очевидно между строк. И, кстати, я не шучу по поводу бестселлера. Книгу надо опубликовать аккурат перед выборами и сделать крутую раскрутку. Хоть на «антилузере», хоть на «антивинере». Пипл, поверь, схавает.

– Петь, ты нахватался его жаргона.

– Нет, ты послушай, это действительно можно раскрутить. Кстати, если не ошибаюсь, именно ты привел парня сюда.

– Ну да. Мой отец был студентом его деда. Когда-то тот был блестящим физиком, но в лихие 90-е сломался. Бомжевал, пил. Парень жил с ним, о родителях ничего не знаю. Словом, отец попросил, ну я и пристроил… кофебоем. Выше он и не поднялся.

– Жаль, парнишка талантливый. Надо было приглядеться, а мы прозевали. Хотя… с чего бы ему стали помогать в… серпентарии. Хорошо, хоть со свету не сжили.

– Ну тебя, ей-богу. Как теперь его деду сообщить? Он, говорят, не просыхает… придется хоронить за счет фирмы.

– И похороним. И с почестями. Это и будет началом раскрутки.

– Угораздило же полицию открыть его флешку! – вздохнул Алинский. – И где он только печатал свой… шедевр, у него ведь и компа не было. Ну и что теперь делать?

– Зарегистрировать пиар-компанию «Пираньи пиара». Потом зарегистрировать оба слова – и «антилузер», и «антивинер». Потому что парень был прав: «Мир отнюдь не таков, каков он в реальности. Мир таков, каким его вколачивают в наше сознание».